ISSN 0131—0097
ОГОНЁК
№ 6 ФЕВРАЛЬ 1991
ТВ:
СМЕШНО ДО СЛЕЗ

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ПУБЛИЦИСТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛ

ОГОНЁК

Выходит с 1 апреля 1923 года
УЧРЕДИТЕЛЬ — ТРУДОВОЙ КОЛЛЕКТИВ РЕДАКЦИИ ЖУРНАЛА «ОГОНЕК»

№ 6 (3316)
2—9 февраля

НА ПЕРВОЙ СТРАНИЦЕ ОБЛОЖКИ:

Фотомонтаж Вадима Вантрусова, Олега Дериглазова и Марка Штейнбока. (См. в номере материал «Возвращенец».)

Оформление В. В. ВАНТРУСОВА при участии Г. Н. СИДОРОВОЙ.

ПОДПИСКА НА «ОГОНЕК» ПРИНИМАЕТСЯ БЕЗ ОГРАНИЧЕНИЙ ВО ВСЕХ ОТДЕЛЕНИЯХ СВЯЗИ.
Цена подписки на год — 46 руб. 80 коп.,
на полгода — 23 руб. 40 коп.,
на квартал — 11 руб. 70 коп.
Цена одного номера в розницу — 1 рубль.

Сдано в набор 14.01.91. Подписано к печати 29.01.91. Формат 70×108⅛. Бумага для глубокой печати. Глубокая печать. Усл. печ. л. 7,00. Усл. кр.-отт. 17,50. Уч.-изд. л. 12,05. Тираж 1 790 000 экз. Заказ № 52. Цена 1 рубль.

Адрес редакции: 101456, ГСП, Москва, Бумажный проезд, 14.

Телефоны редакции: Для справок: 212-22-69; Отделы: Публицистики — 250-46-90; Литературы — 212-63-69 и искусства — 212-22-19; Морали и писем — 212-22-69; Фото — 212-20-19; Литературных приложений — 212-22-13, 251-90-55.

Телефакс (095) 943-00-70
Телетайп 112349 «Огонек»

Рукописи объемом более двух авторских листов не рассматриваются.

Издательство ЦК КПСС «Правда». Типография имени В. И. Ленина издательства ЦК КПСС «Правда». Москва, А-137, улица «Правды», 24.

Первый шаг нового правительственного кабинета по пути очередных «Основных направлений» — денежная реорганизация — воспринят многими как новый жестокий удар тоталитарного государства по жизненным интересам народа, прежде всего людей бедных и беззащитных. Профессиональная оценка последних действий союзного руководства, а также событий, предшествовавших им,— в помещенной ниже статье известного экономиста и публициста.

ЧТО У НАС ПОЛУЧИТСЯ?

Василий СЕЛЮНИН

КАРАУЛ УСТАЛ?

Хорошо информированная газета сообщает о совещании командования Ленинградского военного округа. Обсуждался план действий в случае обострения обстановки. Город разбили на квадраты, каждый из них закреплен теперь за определенной воинской частью. В числе предположительных противников — «фашистские и экстремистские организации». Не кто-нибудь, а «Правда» извещает: в Челябинске отпечатаны пропуска «На право передвижения по территории города в особый период». Зачем? Полковник милиции растолковал: «Предположим, объявят завтра чрезвычайное положение, а мы не растеряемся: все готово». Заместитель министра обороны В. Варенников, маршал В. Куликов, начальник Генштаба ВС СССР М. Моисеев, главком ВМФ В. Чернавин вкупе с Патриархом, министром культуры, гражданскими лицами и военными помельче, обращаясь к Президенту с требованием ввести чрезвычайное положение, с солдатской прямотой пишут: «Вас поддержит как Верховного Главнокомандующего армия, изнывающая от травли, неуверенности, горьких забот о безопасности Отечества».

Факты такого рода стали повседневностью, и, похоже, один лишь Президент страны какой-либо информацией по сему поводу не располагает. Впрочем, это его бесхитростное заявление на Съезде народных депутатов СССР мало кого успокоило. По недавним опросам, 71 процент населения ждет катастрофы, гражданской войны, диктатуры. Популярный народный депутат утверждает, что происходит «нежная контрреволюция». Другой наш избранник полагает: «бархатная контрреволюция» уже случилась, авторитарный переворот совершен.

Что ж, история полна примерами ползучих контрреволюций — люди осознавали их слишком поздно. А в нашем случае все признаки переворота вроде бы налицо, и раньше всего — необъятные, беспрецедентные полномочия отданы одному человеку. Прослеживается, однако, любопытная закономерность: чем больше власти он получает, тем слабее его влияние на ход событий. В марте М. Горбачев получил пост Президента с широкими правами. Немедленно ускорился распад управленческих структур. В сентябре ему даны чрезвычайные полномочия — следом наступает паралич власти, и в ноябре законодатели вручают Президенту сверхчрезвычайные права. Результат таков, что в декабре понадобилось новое расширение его прав.

И дело не в том, что по доброте душевной Президент не желает диктатуры. Желания-то как раз объявлены однозначно: «И хватит обороняться, надо наступать». Обозначен и неприятель: деструктивные, амбициозные, антисоциалистические силы, откровенно коричневые организации, архиплуты, протобестии, надувалы, семь чертей и одна ведьма вам в зубы. Виноват, про архиплутов рассуждал гоголевский городничий. Но я спрашиваю: это что, серьезный анализ ситуации? Солидная заявка на победу в наступлении за неведомые нам социалистические ценности и мифический окончательный выбор? Брань никогда еще не была признаком силы.

Посмотрим теперь, на кого можно опереться в перевороте. На коммунистов? Бесспорно, есть среди них публика непрошибаемая, принципами не поступится. Отдадим им должное: останется их трое на всю страну — в согласии с их уставом откроют партсобрание, облобызают знамена, начнут верстать план, как еще раз объегорить историю и подкузьмить население. А их пока отнюдь не трое. Погорячившись с отменой руководящей и направляющей роли, льстят теперь собранию единомышленников: «...КПСС остается сегодня единственной политической силой общесоюзного масштаба». Может, и так, да масштабы-то нынче не те. Уж коль гуртом эта «единственная сила» профукала власть, то навряд ли овладеют страной партийные осколки во главе с многими довольно комичными лидерами, в чем по долгу вежливости я и выражаю им не вполне искреннее сочувствие. Перефразируя сталинскую максиму, можно сказать: ныне нет таких крепостей, которых большевики не могли бы сдать.

Кто еще в засаде? В лучших традициях уличной склоки поклонники сильной руки вопиют: куда смотрит милиция? Только что ей велено смотреть, куда надо. Из истории мы знаем, что тоталитарную власть спасли в свой час латышские стрелки — история происходит как трагедия и повторяется в виде фарса. Вы верите, будто мальчишки-омоновцы попрут под пули ради чьих бы то ни было великодержавных амбиций? У ОМОНа нет резона.

Ну, а Лубянка? Нам сообщено о безбрежном расширении функций КГБ — от охраны устоев советской власти до контроля за использованием импортной продукции, от спасения атрибутов и символов государства (дались им эти символы!) до распределения еды. Уже от себя руководитель КГБ выдвинул встречное обязательство: «Более того, мы можем сравнительно быстро отладить механизм экономических взаимосвязей». А мы-то, лопухи, ломаем голову над этой задачей. Само собой, обеспечат нам демократию и права человека. А что? Права скорее всего обеспечат. О чем тут речь, несколько витиевато, но в целом понятно объяснил в печати недавний заместитель премьера С. Ситарян: «Я рассматриваю права человека не как абстрактную самоцель, а как категорию, которая вписывается в интересы государства». С демократией того проще: если руководство тайной полиции объявляет себя демократами, значит, будут сажать. Это мы уже проходили. Однако обильный опыт высветил ключевое условие могущества ЧК: подкожный наш страх. А его-то больше и нету, был, да весь вышел. Лично мне это стало ясно раньше тех дней, когда из КГБ побежали первые генералы. Этапным событием стала первая демонстрация перед зданием, мимо которого давно ли старался прошмыгнуть мышкой правый и виноватый. И теперь уж не мы, а служащие этой конторы оправдываются чуть не ежедневно перед телезрителями: мы, мол, хорошие, в затылок больше не стреляем, а, наоборот, ищем для вас всякие клады.

Наконец, армия. Тут дело серьезнее. Генералы свои намерения объявили. Тщательно подобранные депутаты-военные толковали Президенту в том смысле, что караул устал, кончай базар — иначе потеряешь армию, и ее подберет кто-нибудь другой. В. Очиров, начальник из парламентского комитета по вопросам обороны, печатно потребовал указа, позволяющего вести «огонь на поражение». Маршал Язов дал указание применять оружие «без предупредительного выстрела». Все так. Однако армия — это не только министр Язов, генерал Макашов да полковник Алкснис. Дух армии определяется офицерским корпусом, а у него настроения другие. 80 процентов офицеров, как выяснили социологи, против ячеек КПСС в армии. Они желают служить не партиям, не политическим авантюристам, но народу. И когда, к примеру, в парламенте Украины горячие головы предложили силой очистить киевские улицы от демонстрантов и голодающих студентов, затею пришлось отклонить: войска ненадежны.

Мнение мое не изменилось и после кровопусканий в Прибалтике. По большому счету генералы там проиграли, хотя действовали на самом благоприятном для них участке фронта: у реакции какая-никакая социальная база была — русскоязычное население, точнее, часть его. И если в этих условиях диктатура не прошла, то было бы чистой авантюрой затевать нечто подобное в Питере, Москве, на Урале, в Киеве, Минске.

КТО ЖЕ НАКАЛЯЕТ ОБСТАНОВКУ?

Понимаю, мои доводы не всех убедят. Надо быть бдительными — к несчастью, авантюристами земля наша не оскудевает. Но есть одно решающее обстоятельство, способное отрезвить потенциальных диктаторов. Не слишком сложно, вероятно, посадить тысячу-другую смутьянов-интеллектуалов, опять ввести единомыслие в средствах массовой информации (на телевидении Л. Кравченко преуспел в том за считанные недели). Однако перестройка пошла много дальше, чем планировали коробейники очищенного социализма. Перемены стали необратимыми, когда в них включились широчайшие массы — от школьников до старцев. Я имею в виду национальные движения. Парад суверенитетов — только внешнее и далеко не зеркальное отражение этого могучего процесса.

Долгое время и власти, и общество рассматривали, да и теперь еще рассматривают такой процесс как явление безусловно отрицательное, пугающее, или, если угодно, как незаконнорожденное, нежеланное дитя перестройки. Но национальные движения — необязательно зло и уж точно не только зло. Вот все удручены кризисом, параличом власти, распадом управленческих структур. Однако приглядитесь зорче: распадаются-то структуры Центра либо иерархические построения в союзных республиках, специально приспособленные для обслуживания Центра, для исполнения его команд. Здесь, кстати, разгадка отмеченного выше феномена: чем больше Центр в лице Президента нахватывает себе полномочий, тем меньше у него реальной силы. Уверенно можно предсказать, что бесполезной окажется и проводимая в эти дни реорганизация структур Центра по присловью хрущевских времен: «Что это такое — на «р» начинается и никогда не кончается?» Кризис только в этом эшелоне.

Оценка кризиса зависит от темперамента и пристрастий наблюдателей. Мыслитель охранительного толка уподобил распад Союза взрыву вселенского масштаба — с умопомрачительной скоростью разлетаются во все стороны галактики. При взгляде слева событие выглядит, представьте, сходно. Публицист Максим Соколов, размышляя о кончине империи, эпически замечает: «Эта кончина приключилась весной — летом 1990 года, и теперь мы — кто с любопытством, кто со страхом, кто со скукой — наблюдаем различные действия, совершаемые с мертвым телом представителями различных общественных сил». Обе оценки совпадают в главном: галактики не слепить больше в плотное ядро, мертвеца не воскресить. Но любимый мой публицист, перечисляя наблюдателей, забыл помянуть еще одну группу: тех, кто смотрит на упомянутые действия с надеждой и оптимизмом. Истории предела не положено, конец одного периода всегда служит началом другого.

Центр воспринимает собственное бессилие как вакуум всякой власти на территории Союза. Между тем

Продолжение на стр. 30.

Фото Александра НАГРАЛЬЯНА.

С ТРЕВОГОЙ О ЗАВТРАШНЕМ ДНЕ

ЗАМЕТКИ С КОНФЕРЕНЦИИ ДЕМОКРАТИЧЕСКОГО КОНГРЕССА

Облик независимого демократа в контексте жгучей современной действительности несколько трансформировался. Еще недавно милые нашему сердцу митинговые профессионалы, ошалевшие от свободы кричать что угодно и по какому угодно поводу, постепенно уступили место ораторам более трезвым и сдержанным, которые уже реально рассуждают с трибуны о возможных формах консолидации демократического движения. Сегодня оно без преувеличения напоминает разноцветное лоскутное одеяло, и не случайно на учредительную конференцию Демократического Конгресса, которая проходила 26 и 27 января в Харькове, были делегированы представители 46(!) партий, движений, организаций Украины, России, Белоруссии, Литвы, Латвии, Эстонии, Казахстана, Армении, Азербайджана, Грузии... В числе их немало народных депутатов СССР и союзных республик. Тем не менее вопрос о том, кого сегодня можно считать демократом, в определенной степени остается открытым. Еще недавно так можно было назвать любого, кто «выступал против». Против КПСС, государственного диктата, тоталитарного режима и т. д. Сегодня эйфория сплошного отрицания, кажется, прошла. Идет поиск реальных альтернатив, готовых противостоять диктатурным структурам.

Визитная карточка участника: Юрий Дракохруст, секретарь Сейма Белорусского народного фронта, 30 лет, по профессии математик, научный сотрудник Академии наук БССР, в двадцать пять защитил кандидатскую, имеет первый разряд по шахматам.

— Теперь уже для всех очевидно, что Система вылезла из окопов и наносит один за другим сокрушительные удары по демократии. Как образно выразился один из делегатов, пока мы делили крокодилову кожу, здоровый и резвый зверь решал, какую ногу нам прежде всего откусить. События в Прибалтике и последние Указы Президента ни у кого не оставляют иллюзий... В нашем доме разворачивается крупномасштабная операция по подавлению свободы. Необходимо консолидировать здоровые демократические силы и остановить надвигающуюся диктатуру.

Визитная карточка участника: Араз Ализаде, председатель Социал-демократической партии Азербайджана, 40 лет, имеет экономическое и юридическое высшее образование, в юности играл за дубль футбольной команды «Нефтчи», воспитывает трех сыновей.

— Похоже, что идея национального возрождения никак не вписывается в программу тоталитарного режима. Центр любыми способами пытается сохранить ту самую власть, которая привела народ к экономической разрухе, поставила на грань голода и гражданской войны, отбросила далеко назад в культурном и нравственном развитии, создала трудноразрешимые национальные проблемы. Имперские амбиции Центра отражает и выработанный им проект Союзного договора, не учитывающий изменений, происшедших в стране, провозглашенного республиками суверенитета. Конференция высказала свое отношение к этому вопросу, подчеркнув, что подобный договор не может быть поддержан демократическими силами, здравомыслящими людьми.

Визитная карточка участника: Генрих Алтунян, член партии Демократического возрождения Украины, депутат Верховного Совета УССР, в прошлом известный правозащитник, арестованный КГБ в 1969 году по политическим мотивам и проведший за решеткой в общей сложности 9 лет, ныне полностью реабилитирован.

— Почему в развитых демократических странах могут сосуществовать различные политические позиции, коим и в голову не придет враждовать между собой? Очевидно, потому, что эти партии придерживаются общего взгляда на права и свободу человека, принципы парламентской демократии и рыночной экономики. В заявлении о создании Демократического Конгресса участники конференции провозгласили, что это будет коалиция независимых партий и движений социал-демократической, либеральной и общедемократической ориентации, решительно выступающая против межнациональной розни, провоцирования беспорядков, подталкивания общества к гражданской войне.

Визитная карточка участника: Владимир Лысенко, сопредседатель республиканской партии Российской Федерации, депутат Верховного Совета РСФСР, 35 лет, кандидат философских наук, политолог, в свободное время любит играть с сыном в футбол и хоккей.

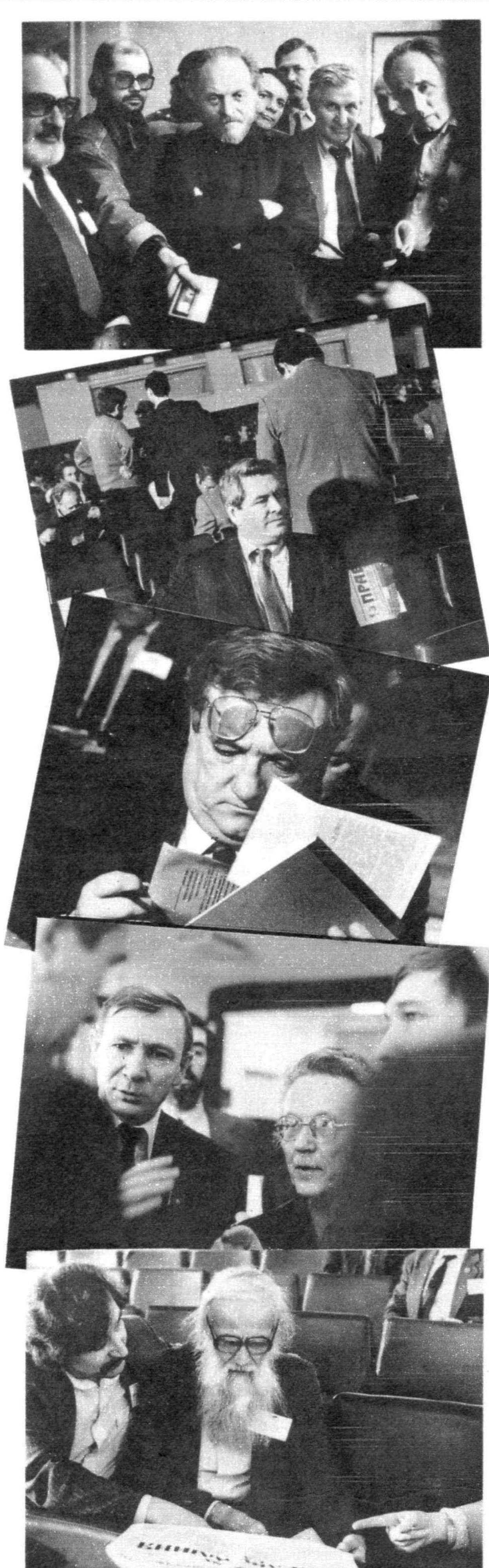


Фото Сергея ПЕТРУХИНА

— Было бы наивно утверждать, что конференция проходит по накатанному и безупречно выдержанному сценарию, были столкновения разных точек зрения, ощущалась невысокая культура политических дискуссий. Некоторые демократические партии пытаются автономно добиться свободы в своих республиках, эти ошибки умело используются Центром, ибо принцип «разделяй и властвуй» — испытанный прием в руках партократии. И сейчас многие из тех, кто подчеркивает свою независимость, начинают понимать, что без коалиции на разумной, конструктивной основе этой свободы не видать.

Визитная карточка участника: Марис Тралмакс, председатель Центральной контрольной комиссии Демократической партии труда Латвии, 41 год, из крестьян, в прошлом партийный работник.

— Процессы пробуждения и перестройки вызвали глубокий кризис коммунистической идеологии. Но политическая (через КПСС) и экономическая (через союзное государство) монополии старой власти сохранились. Более того... После применения вооруженной силы в Литве стало ясно, что органы СССР не защищают законную власть в республиках, а подрывают ее. Поэтому путем заключения многосторонних межреспубликанских договоров возможно создание Содружества суверенных государств. Они могут строить свои отношения на принципах равноправия, невмешательства во внутренние дела друг друга, нерушимости существующих границ и обеспечения прав национальных меньшинств на своих территориях.

Визитная карточка участника: Лазарь Захаров, член Демократической партии Украины, 65 лет, в годы Великой Отечественной войны солдат-пулеметчик, награжден медалью «За отвагу», по профессии бухгалтер, имеет троих внуков.

— В обязанности общества входит не только обеспечение полной свободы личности, уважение ее прав, но также создание и совершенствование определенной системы социальной защиты, гарантирующей достойное человека качество жизни. Республики-государства могут развивать общее экономическое пространство, сотрудничать во всех областях хозяйственной деятельности, расширять кооперацию, интеграцию, обеспечить свободное перемещение товаров, услуг, капиталов и рабочей силы.

Визитная карточка участника: Геворк Карапетян, член комитета Партии национальной и социальной справедливости Армении, 33 года, по профессии кибернетик, в Академии наук СССР сейчас работает над докторской диссертацией.

— Конференция неоднократно подчеркивала: спорные вопросы должны регулироваться исключительно мирными способами. Мы видим, что отмена статьи 6 Конституции СССР в реальной жизни далеко не решила всех проблем. В связи с этим все чаще раздаются голоса о запрещении Коммунистической партии, выключении ее членов из активной политической жизни. Тем не менее сколь ни важна борьба с тоталитаризмом, ее нельзя проводить тоталитарными методами. Необходимо законными средствами добиться, чтобы КПСС соблюдала те же «правила игры», что и остальные партии и организации.

* * *

...В минувшее воскресенье вечером опустели помещения харьковского Дворца культуры строителей, где в течение двух дней в спорах и шумных дискуссиях принимались заявления Демократического Конгресса. Из этого зала делегаты и наблюдатели разъехались по стране для тяжелой, в какой-то степени опасной, но так необходимой людям работы.

Александр БОЛОТИН

P. S. В ночь на 28 января по железным дорогам страны катился странный вагон под № 21, прицепленный к поезду «Полтава — Москва». Где-то под утро я ощутил, что примерзаю к своей нижней полке. В коридоре делегаты Конгресса пытались устроить кросс, чтобы как-то согреться, молодой народный депутат СССР Аркадий Мурашов выбивал от холода зубами и ногами чечетку, а отец Глеб Якунин поведал мне, что все это напоминает ему зону, ШИЗО, БУР, вместе взятые. Предлагался шутливый лозунг для митинга: «Бог с ним — с Пуго, бог с ним — с Язовым, потребовать немедленной отставки Конарева». Похоже, что кто-то в буквальном смысле решил охладить демократические страсти. Но все-таки Конгресс проходил во Дворце строителей. Построим ли?

Ирина **ПЕТРОВСКАЯ**

ВОЗВРАЩЕНЕЦ

АВТОРСКОЕ ТЕЛЕВИДЕНИЕ ЛЕОНИДА КРАВЧЕНКО

Телевизионщикам можно посочувствовать: годами, десятилетиями живут они исключительно надеждой на доброго и справедливого царя, то бишь председателя, приспосабливаются к вкусам, привычкам, симпатиям и антипатиям очередного своего правителя.

Вспоминают, что Сергей Георгиевич Лапин, например, терпеть не мог бородатых, евреев и умных. Бородатые при нем брили бороды, евреи меняли фамилии и старались не попадаться на глаза, умные маскировались или уходили с телевидения — вместе с бородатыми и евреями...

Сменивший Лапина Аксенов... Впрочем, эта фамилия вызывает в памяти цитату из пролетарского классика: «А был ли мальчик?» Большинство телевизионщиков его никогда в глаза не видели, а в Гостелерадио периода Аксенова все вершилось именем его первого зама Леонида Петровича Кравченко, так что даже закрадывалась крамольная мысль: «Аксенов» — псевдоним Кравченко или «Кравченко» — псевдоним Аксенова? О привычках и вкусах Кравченко речь впереди, а пока далее — по списку.

Михаил Федорович Ненашев, по его собственному признанию, питал слабость к людям творческим, но решительно не понимал, чем ТВ отличается от газеты, мечтал перестроить оное по типу крупной газетной редакции. Телевизионщики прощали ему, потому что Михаил Федорович был открыт для диалога: его можно было переубедить, он иногда даже признавал свою неправоту. Прощали, потому что знали из собственного опыта: бывает хуже.

Очередное перемещение произошло, что называется, в одночасье. Еще вчера Михаил Федорович, созвав журналистов газет и журналов на пресс-конференцию, делился с ними планами коренного переустройства Гостелерадио, говорил: «Мы предполагаем в ближайшее время...», «Мы намерены и далее...». Несколько камер снимали это историческое событие, программа «Время», сообщив о нем, пообещала показать отчет. Михаил Федорович (вот она, великая выучка номенклатурной конспирации!) ни словом, ни намеком не дал понять, что эта пресс-конференция — его прощальная, лебединая, так сказать, песнь на ТВ. Через день все газеты опубликовали Указ Президента о назначении Ненашева на его дотелевизионный пост председателя Госкомпечати (в годы правления Ненашева он назывался Госкомиздатом). А в Гостелерадио вернулся Леонид Петрович Кравченко. Полтора года назад на телевидении острили: взяли нашего и дали Ненашева. Теперь же, наоборот, забрали Ненашева и вернули «нашего».

Как всегда, ни работникам Гостелерадио и Госкомпечати, ни журналистам других изданий, ни тем более зрителям объяснять ничего не стали, предоставив всем нам право самостоятельно гадать на кофейной гуще. Это что — Ненашев плохо руководил телевидением? Но тогда почему его отправили не на пенсию, а в Госкомпечать? Или Кравченко так успешно директорствовал в ТАССе, что ему доверили еще более ответственный идеологический участок? Для кого из наших героев новое назначение — понижение, а для кого — повышение по службе?

На одной из первых встреч с подчиненными Л. Кравченко сказал: «Мне приятно, что меня здесь многие помнят». Леонид Петрович не ошибся: память о нем надолго сохранилась во многих телевизионных сердцах.

Его наверняка помнит известный тележиссер Игорь Беляев, чей фильм «Процесс» по воле Кравченко пролежал на полке около года. Беляев был первым, кто перед объективом съемочной камеры проинтервьюировал вдову Бухарина Анну Ларину, она пересказала широко ныне известное предсмертное письмо мужа. Пока фильм выдерживался и вылеживался, письмо опубликовали, Ларину расспросили все, кому не лень, а редчайшие кадры кинохроники, найденные Беляевым, растиражировали его бойкие и более пробивные коллеги.

Помнят Леонида Петровича создатели «Взгляда», помнят, в каких муках рождались первые передачи, как изымались и корежились безобиднейшие по нынешним временам сюжеты, как отстранялись от эфира ведущие... И это все — о нем, точнее, при нем, Леониде Петровиче Кравченко.

Каждый новый правитель на Руси начинал с амнистии. Эта добрая традиция сохранилась и до наших дней. Так, Михаил Федорович Ненашев, заняв в 1989 году телевизионный престол, сразу же «амнистировал» публицистический фильм молодого журналиста Леонида Парфенова «Дети XX съезда», положенный на полку его предшественником. Телевизионщики тогда восприняли это как добрый знак: может, будет и на их улице праздник? Может, дождались наконец хорошего и справедливого? Однако всего через два месяца тот же Михаил Федорович запретил выдавать в эфир сюжет из .передачи «Пресс-клуб» того же Леонида Парфенова и Киры Прошутинской, посвященный первому заседанию межрегиональной депутатской группы. Кира Прошутинская ослушалась и под собственную ответственность выдала в эфир «крамольный» сюжет, заработав... всего лишь выговор «за нарушение производственной дисциплины».

Сегодня, немногим более года спустя после происшедшего, этот выговор наверняка кажется ей чем-то вроде легкого отеческого шлепка. Посудите сами: нарушила высочайшую волю, а «Пресс-клуб» не закрыли и сама Кира Александровна осталась на посту заместителя главного редактора молодежной редакции ЦТ и вскоре возглавила новое творческо-производственное объединение под названием «Авторское телевидение» (АТВ). Либерал был Михаил Федорович, что бы там ни говорили!

Кравченко, придя на ЦТ, либеральничать не стал и тотчас же заявил: «Я пришел выполнить волю Президента». Конечно, телевизионщики мечтали услышать другое, скажем: «Я пришел дать вам волю!» Но давно ожидаемую «вольную» они так и не получили, более того, Леонид Петрович немедленно репрессировал новый телевизионный канал «Авторское телевидение», решив, очевидно, искоренить вольнодумство в зародыше.

Идея АТВ — свободное творчество свободных талантливых людей — не очень нравилась и Михаилу Федоровичу. Какая еще свобода творчества на государственном телевидении? Первые передачи АТВ появились при нем, но каждый выход в эфир сопровождался дикой нервотрепкой «свободных и талантливых», отстаиванием рубрик и программ, пробиванием эфирного времени и т. д. и т. п. Тем не менее на той самой «лебединой» пресс-конференции Ненашев посоветовал журналистам обратить внимание на новое телевизионное объединение, а один из его сподвижников, Всеволод Богданов, только-только утвержденный тогда генеральным директором первого канала, пообещал, что передачи АТВ будут выходить по первой программе и в новом году.

Михаил Федорович, уходя, мог обещать что угодно. А вот когда был искренен Богданов: когда выступал на пресс-конференции или когда нетрепетной рукой вычеркивал АТВ из сетки вещания на будущий год? Кравченко же, не дрогнув, утвердил эту сетку вещания, лишив АТВ эфира, а нас, зрителей, нового, яркого и самобытного телевидения, успевшего доказать, что ТВ многокрасочно и многопланово, что ТВ не только бесстрастный фиксатор жизни, но и искусство, способное эту жизнь по-своему интерпретировать и конструировать.

Он выполнял волю Президента? Но скажите на милость, чем не угодили Президенту развлекательные и увлекательные программы: «Гиннесс-шоу» (своеобразный телевариант знаменитой книги), «Театральная гостиная» (возрождавшая традиции театральных капустников), религиозный «Благовест» (вообще ни разу не увидевший эфира), лихая, веселая, по-настоящему авангардная «Оба-на», остроумные информационные выпуски «Намедни», по-своему, оригинально комментирующие события недели (с ведущим Леонидом Парфеновым. Не везет прямо парню: за четыре года работы на ЦТ он умудрился не угодить трем председателям!).

А может быть, Президент, отдыхая от государственных и партийных дел, увидел «Шок-шоу», в котором речь шла также и об эротике, ныне подвергнутой государственному остракизму?

Первый, он же, видимо, и последний, выпуск «Шок-шоу» не стал творческой удачей, хотя судить о нем сложно, ибо вышел он в эфир сильно порезанным. Но мыслимо ли из-за одной, не самой удачной программы громить с такой одержимостью? Леонид же Петрович заявил, что ему совершенно не важно, где пролегает граница между эротикой и порнографией. Его задача — защитить телезрителей от непотребства, бесстыдства и т. п. Что ж, в таком случае на наш экран заказан путь многим произведениям мировой киноклассики, ибо великие Феллини, Антониони, Форман, Бергман и другие прекрасно понимали, где пролегает эта граница, и снимали эротические сцены. Хотя... их и вырезать недолго, что и делалось в недавнем прошлом: для руководителей государственного ТВ не существует понятия «авторское право», даже по отношению к мировой классике. Вспомним, как выстригалась из любой киноленты рюмка или упоминание о кружке пива, не говоря о «Шотландской застольной». Зритель, безусловно, восполнит недостающее ему — в видеосалонах, на домашних видеопросмотрах. Но то, что **это** бывает еще и восхитительным искусством, он, увы, может никогда и не узнать, потому что на то — воля Президента, которому **это** — по крайней мере в трактовке Кравченко — в принципе не нравится. И что? Маме моей, а она примерно одного с Президентом возраста, тоже не нравится. Она и не смотрит, переключает телевизор на другую программу. Такое поколение, иначе воспитано. Новое поколение выбирает... А что оно может выбирать? За него уже выбрал председатель Гостелерадио.

Программам АТВ (а их всего 12) не дали даже дожить до конца года. Не вышел в эфир очередной «Пресс-клуб» — единственная из передач АТВ, не удостоенная первой программы и регулярно слетающая со второй из-за многочисленных трансляций съездов, сессий и т. п., к тому же страдающая еще одним существенным недостатком, с которым также намерен бороться Кравченко,— «политизированностью». Не вышла в декабре и другая «политизированная» передача — «Знакомый незнакомец»,— об Илье Заславском. День, когда был назначен эфир, к несчастью, совпал с началом Съезда народных депутатов, где одним из первых выступил герой передачи. Очевидно, и его — не только АТВ — наказали за это выступление отлучением от эфира.

Тогда же, в конце декабря, состоялась коллегия Гостелерадио, на которой обсуждались планы молодежной редакции и судьба АТВ. Газета «Советская Россия» поместила отчет с этой коллегии, уверив читателей, что борьба АТВ за свободу и место в эфире не что иное, как миф, мыльный пузырь, раздутый безответственными изданиями (демократическими, конечно), выступившими в защиту АТВ. А факты таковы, как сообщает «Советская Россия»: «Первый общесоюзный телеканал, особенно по вечерам, намечено отдать в основном художественным передачам... И, стало быть, АТВ со своими предельно политизированными программами... должно будет уступить место в первой программе концертам, спектаклям, фильмам...»

Помните знаменитое булгаковское: «Поздравляю вас, гражданин, соврамши!..» Только вот не знаю, кого поздравлять первым: руководителей Гостелерадио, придумавших такую замечательную отговорку, или знаменитую газету,

без малейшего сомнения ее растиражировавшую. Из 12 программ АТВ всего две можно назвать «политизированными». Остальные — именно художественные, или развлекательные, или познавательные, не имеющие ничего общего с политическими страстями, от которых, если верить «Советской России», хочет уберечь зрителей Л. Кравченко. «Что касается АТВ,— сказал он на коллегии,— то, возможно, мы будем ставить его на втором канале...» Обратите внимание на это прелестное «возможно». То есть, возможно, будем, а возможно, и нет. Хозяин — барин. Леонид Петрович, тонкий политик, умело обошел главный вопрос: **возможно,** второй канал вообще скоро не будет принадлежать Гостелерадио, так как именно на него претендует (абсолютно обоснованно) Российская телекомпания. **Возможно,** 31 марта станет днем рождения Российского ТВ, чему Кравченко в основном всячески противодействует.

А может быть, у нас, зрителей, стоило бы спросить, чего нам хочется видеть по первой программе? И нужно ли нам АТВ? Вдруг зритель, искренне откликнувшись на призывы «Пишите нам!», возьмет да напишет: «Нужно. Очень нужно». Что тогда делать Кравченко с Богдановым, уже постановившим: не нужно? Потому и не спрашивают, сами решают — Лапин, Аксенов, Ненашев... Теперь вот Кравченко. Воистину наше телевидение — самое независимое в мире. Оно не зависит от своего зрителя. Так что прощай, АТВ!

И «Взгляд», прощай! Причем все произошло по знакомому сценарию. 21 декабря в программе были сделаны значительные купюры — цензорские ножницы поработали над выступлением Н. Травкина, целиком вырезали пародийное «Письмо народа к своему президенту» «Веселых ребят». Создатели программы почувствовали: руководство Гостелерадио в панике, поскольку не знает, что еще можно, а чего уже нельзя. Однако поволноваться толком они не успели: новогодний «Взгляд» отменили. Зато заволновалась печать. Высказывались предположения, что причина запрета — обсуждение в передаче отставки министра иностранных дел СССР Э. Шеварднадзе.

Леонид Петрович лично вышел в эфир и объявил: никакого запрета нет, передачу просто не подготовили, там и запрещать было нечего. Тут даже неискушенный зритель, вероятно, догадался, что быть такого не могло. 4 января «Взгляд» снова не вышел, а 9-го в Гостелерадио появилось замечательное письменное распоряжение, из которого следовало, что производство и выход в эфир «Взгляда» приостановлены. Надолго ли? До решения двух неожиданно возникших проблем: уточнения творческой концепции программы и разработки условий контракта, предусматривающего права и взаимную ответственность руководства Гостелерадио и «указанного коллектива» за содержание и качество программы. Уточнить концепцию и взаимную ответственность в ближайшее время явно не удастся. Ведущие передачи намерены подать в суд на руководство ТВ. Группа народных депутатов России и Ленсовета в письме, адресованном Комитету по вопросам гласности, прав и обращений граждан Верховного Совета СССР, заявила, что они будут добиваться отставки Леонида Кравченко, определив то, что он намерен показывать на экране, как «развлекательно-успокоительную баланду, сваренную мастерами информационного насилия».

«Зритель устал от политики, он хочет развлечений»,— заявил Кравченко в своем телевизионном выступлении. «Сиди и смотри» — так назвали новогодний бал в Останкине, и это название стало своего рода символом новой концепции государственного телевидения в наступившем году. Сиди себе, зритель, и смотри: фильмы, шоу, конкурсы. Не переживай, отвлекайся и отдыхай от политики. Не переживай, даже если в твоей стране льется кровь и десантники «по просьбам телезрителей», недовольных содержанием программ, штурмуют телецентр в Вильнюсе. В то кровавое воскресенье, 13 января, когда люди в тревоге прильнули к радиоприемникам, стремясь постичь, что же происходит в Литве; когда в прибалтийских республиках был объявлен траур; когда Литва оплакивала погибших, а многие из нас навсегда прощались с иллюзиями, по первой программе Центрального телевидения, в разудалом «Александр-шоу», кафешантанные девицы отплясывали канкан, и давнишний любимец публики Александр Масляков целовал ручки эстрадным дивам, раздаривал подарки и поднимал бокал с шампанским за любовь, дружбу и согласие.

В эти трагические дни на ЦТ торжествовала порнография — порнография духа. Журналист Дмитрий Бирюков, только что вернувшийся из Вильнюса, вечером 13 января в программе «Время» уверял нас: дескать, ничто не предвещало кровопролития. (Союз журналистов Литвы принял решение никогда больше не пускать его на литовскую землю.) «Неистовый репортер» Александр Невзоров восславил «подвиг» «доблестных десантников — спасителей Литвы», штурмовавших телецентр (правда, так и не сумевших внятно ответить на вопрос, зачем его понадобилось штурмовать). Невзоров угодил Кравченко: его «героический» репортаж, прошедший по ленинградскому каналу, был дважды показан на следующий день по первой программе ЦТ.

И только ведущие Телевизионной службы новостей (ТСН) все эти дни, как могли, противостояли безудержному руководящему диктату, пытаясь прорвать информационную блокаду. Именно в ТСН мы впервые увидели танки на улицах Вильнюса, несмотря на категорический запрет руководства Гостелерадио. Ведущим ТСН было запрещено давать в эфир репортажи из Литвы и собственные комментарии.

Тогда же, предваряя показ репортажей из еще мирного Багдада, дикторы неизменно уточняли: съемки ведутся под наблюдением иракских властей, материалы подвергаются цензуре. Иракские власти можно понять: они хотели убедить мир, что в Багдаде все спокойно. Они **мир** хотели убедить... Наши идеологические вожди, в то время как весь мир смотрел кадры, снятые в Литве литовскими, латвийскими и зарубежными корреспондентами, изо всех сил убеждали **своих же** сограждан: мол, и у нас, как в Багдаде, все спокойно. На сессии Верховного Совета Литвы был заявлен протест против необъективного комментария литовских событий в программе «Время», а Союз журналистов Москвы в своем заявлении отметил, что откровенно тенденциозная подача информации ТАСС и ЦТ не способствует урегулированию конфликта, а ведет к его углублению и разжиганию национальной розни.

...После заседания парламента, на котором речь шла о гласности и необходимости представления различных точек зрения на Центральном телевидении (помните полковника Петрушенко, кричавшего с трибуны: «Руки прочь от Кравченко!»), корреспондент «Московского комсомольца» попытался взять интервью у Леонида Петровича. Народный депутат СССР, глава Советского телевидения отреагировал по-парламентски изысканно: «Да идите вы...» Послал, попросту говоря. Послал всех нас, зрителей, послал АТВ, «Взгляд», ТСН... Кто следующий? С чем и с кем еще простимся мы в наступившем году?

Телевидение последним из средств массовой информации вступило в свое время на путь демократизации. Кажется, на сей раз оно будет первым, поворачивающим время вспять. Возвращенцем.

ПРЕМЬЕРА РУБРИКИ

ЛЕКАРСТВО ОТ ДВОЕМЫСЛИЯ

Рубрика «Человек месяца», конечно, не относится к оригинальным журналистским находкам. Но при всей своей очевидности она не могла появиться раньше, в плановом государстве, где заранее известно не только, чего и сколько нужно производить, но и кто должен быть наиболее любим и уважаем народом. Все знали, кто есть человек месяца, года, пятилетки. Им был Первый. Первый означало «самый». И если социологические службы выявляли, что «самым» является не Первый, то под сомнение ставились компетентность социологов и душевное здоровье опрашиваемых.

Нелепость, даже какая-то несоциалистичность названия рубрики раньше ощущалась всеми. Что значит «человек месяца»? Понятно, когда говорят о «водителе месяца», «победителе ежемесячного соцсоревнования», но вот что можно написать о человеке... Писать действительно было нечего, поскольку он был обобществлен, как земля и средства производства, и не принадлежал сам себе. Война против частной жизни, заранее считавшейся порочной и аморальной, велась на всех фронтах. Достоинство определялось не личными качествами, а тем, на сколько процентов перевыполнялся план. Герои труда пришли на смену святым, доски почета — иконостасам. Под холодным светом «комсомольских прожекторов» и «общественных советов» маленький человек прятал свое личное как можно дальше.

В то же время власть и все окружение представляли собой «черный ящик», непроницаемый для посторонних взглядов. Она считалась священной, а ее жрецы — непогрешимыми. Любое сведение их на «землю» расценивалось как кощунство. Максимумом нетактичности, которую могли себе позволить журналисты, был вопрос о последней прочитанной книге или фильме. Он давал возможность номенклатуре показать кругозор и в то же время пожаловаться на чрезмерную занятость и нагрузки. Дом, семья, досуг, друзья — все скрывалось.

Остался ли сегодня еще кто-нибудь, верящий, что из скромности?

Они говорят, что работали, не жалея себя. Может быть, действительно они не жалели не только нас, не только свою страну. Хотя какой смысл в этом самооправдании, ведь мотор, в котором они «горели», как подшипники, работал вхолостую.

Вера высыхала по каплям. Ее исчезновение и привело к кризису. Кто-то видит укрепление власти в восстановлении порядка и дисциплины. Мы тоже за дисциплину, но с небольшой приставкой «само». А она невозможна без веры в честность и компетентность руководителей, будь они политики, хозяйственники или военные. «Огонек» готов, если вы, дорогие читатели, нас поддержите, способствовать узнаванию «в лицо» людей, на которых ориентируется наше общество. Мы хотели бы сделать прорыв из производственной сферы, которая, считалось, единственная могла дать смысл жизни, к личной. Возможно, наши вопросы не вызовут удовольствия у тех, с кем вы захотите познакомиться поближе. Как-никак вмешательство в личную жизнь. И все же нашим лидерам придется поступиться скромностью, смириться с этой раздражающей и неприятной частью популярности. Для общества же такой «рентген» может стать своего рода противоядием от двойных стандартов, от двоемыслия, свидетельством того, что слова и образ жизни избранников не расходятся.

Собеседников мы хотели бы определять с вашей помощью. В своих письмах указывайте нам, кто был наиболее «заметен» в прошедшем месяце. Причем причины известности могут быть разные. И если появятся не только титаны духа и апостолы новой веры, но и свои геростраты и сальери, было бы интересно исследовать обстоятельства, приведшие к их появлению. Наверное, «человеком месяца» может стать не только политик, повлиявший на судьбы страны, но и знаменитый руководитель предприятия, новый миллионер, писатель, ученый, выдающийся спортсмен или даже эстрадный певец и т. д.

Мы просили бы указывать в письмах, что именно вас интересует, а если когда-либо удавалось встречаться с нашими героями, то поделиться впечатлениями. Редакция будет отбирать десять наиболее часто упоминающихся фамилий и передавать их Службе изучения общественного мнения — VP, возглавляемой профессором Б. А. Грушиным, для определения их рейтинга в широком общественном мнении.

Сейчас VP заканчивает наше первое исследование, определяя «человека января». В одном из ближайших номеров «Огонька» вы сможете с ним познакомиться.

Отдел морали и писем

ДВА СЛОВА О СЛУЖБЕ VP

Служба изучения общественного мнения — VP — была учреждена Фондом социальных изобретений СССР, газетой «Московские новости» и Союзом кинематографистов СССР в середине 1989 года со статусом независимой общественной организации, действующей на основе самофинансирования, коммерческих и бесплатных заказов советских и иностранных клиентов.

Основные формы работы Службы: всесоюзные, российские и локальные опросы общественного мнения и экспертов, изучение аудиторий средств массовой информации, а также содержания их текстов. Главный метод проведения опросов — персональное интервью в технике «лицом к лицу» на основе случайных репрезентативных выборок населения. Объем выборок: всесоюзной — 2500 человек, российской — 2000 человек, московской — 1250 человек. Количество пунктов опроса во всесоюзной выборке — 30 (16 городов и 14 сельских районов), во всероссийской — 23 (12 городов и 11 сельских районов). В сравнении со стопроцентным опросом взрослого населения используемые выборки гарантируют точность результатов, при которой ошибка не должна превышать ±3 процента.

Главные темы опросов общественного мнения: политика, экология, культура, социально-экономические отношения, рынок.

Служба приступила к работе с 1 января 1990 года и за минувший год провела 11 всесоюзных исследований общественного мнения, в том числе «Каким быть Союзу кинематографистов СССР?», «Молодежь в процессе перестройки», «Представления населения об экологической проблеме в стране», «Герои перестройки от А до Я», «Состояние и перспективы информатизации общества», «500 дней: информированность и ожидания населения», «Использование советских и иностранных источников информации» и др.

Борис ГРУШИН,
доктор философских наук,
профессор

ДЕНЬГИ: ОБМЕН ИЛИ ОБМАН? ●
ПО СЧЕТУ СОЦИАЛЬНОЙ СПРАВЕДЛИВОСТИ ●
...Я ВОРОВАЛ В НЕМЕЦКИХ ОГОРОДАХ ●

■

Слушали всей семьей выступление по телевизору председателя правления Госбанка СССР В. Геращенко. Лихо он давал на отсечение правую руку, затем левую, уверяя, что 25-рублевки «гореть» не будут, как горят нынче кровные наши сотенки. И вспомнилось мне другое заявление, когда в январе же министр финансов В. Павлов (через несколько дней он стал премьером) высказался, что о подготовке к денежной реформе не может быть и речи. И, бац, через несколько дней он же на всю страну: мы эту реформу готовили год.

Жалко мне Геращенко, трудно жить без обеих рук, даже если ты председатель правления Госбанка.

В. ПЕТРЕНКО,
инвалид войны
Киев

■

Пишет вам дезертир из Советской Армии. Дезертировал я не только потому, что в течение десяти месяцев каждый день меня как новенького били «старики». А потому что мне вдруг стало ясно, что от этой службы никому пользы нет — ни моей Родине, ни мне. Что та служба, которую проходил я, может озлобить до предела.

Зовут меня Сергей, в армию я попал в ноябре 1989 года. Служил в ГДР в десантных войсках. В первые же три дня «старики», или «черепа», объяснили, как мне лучше жить: «по уставу» или «не по уставу». «По уставу» — значит два года вкалывать за всех, бить тебя, правда, не будут, но создадут такую атмосферу, что останется только повеситься, будут посылать в самые унизительные наряды, воровать портянки, посылки, белье, мыло. Жить «не по уставу» — девять месяцев быть прислугой «старикам» и остальным, а после этого стать «ветераном», то есть заставлять новоприбывших вкалывать на себя и за себя.

За что же тебя, новичка, бьют? А за все. Слова «нет» не существует: хоть роди, хоть с того света достань. Достань и принеси сигареты и спички, иголки и нитки, «подшиву» — белый материал под внутренний воротник гимнастерки (приходилось воровать простыни). За «стариков» надо выполнять все наряды, мыть уборные и коридоры, стирать их личное белье, а то прямо ночью достать где угодно картошку и на чем угодно пожарить ее. Не скрываю, приходилось идти воровать в немецкие огороды и сады, однажды забрался в чей-то подвал и украл окорок и консервы. Не выполнишь — по скулам, в грудь. Грудь была постоянно синяя, и ни один врач не спрашивал почему. Били табуреткой, били по почкам, это называлось «выпить пивка». Из 28 марок, которые я получал, 20 отдавал «старикам».

Никогда не проходило чувство голода, и не только у меня. Кормили в основном мешаниной — кашей из перловки, пшена, «секи» (не знаю, что это такое). Иногда бросали кусок вонючего сала. Несмотря на голод, у многих после «еды» начинался понос, резь или рвота. В бане разрешалось мыться раз в неделю, это после того, как каждый день надо было бежать в полном обмундировании по 6 километров. Для справки: в немецкой армии солдаты принимают душ утром и вечером. За последние два месяца я расчесал тело до крови, после побега, в Берлине, врач обнаружил у меня чесотку.

Офицеры все это видели, но делали вид, что ничего не происходит. Последние четыре месяца спали в лесу, в палатках, так как казармы закрыли на ремонт, ночью в палатках было два-три градуса тепла. Весь близлежащий лес был загажен, «Красная звезда» служила туалетной бумагой. По воскресеньям закапывали испражнения, а с понедельника лес загаживался опять.

Я никогда не читал в советской прессе, сколько солдат гибнет ежегодно в армии в мирное время, сколько кончает жизнь самоубийством. По сообщению немецкого телевидения, только за одну неделю из Советской Армии (на территории Германии) убежали 150 человек, 57 попросили убежища в немецкой полиции, а остальные прячутся в лесах. Кстати, солдат сейчас очень хорошо охраняют, как зеков.

О своем поступке не жалею, иначе не выжил бы. Пользуюсь случаем и передаю привет родителям, живущим в Эстонии. А родом я из-под Костромы, вырос на русской печке и ходил в ночное... В моей жизни сейчас много изменений, а вот будут ли они в Советской Армии? И кто несет ответственность за армию? Или, как всегда,— никто?

Сергей МИРОНОВ
ФРГ

P. S. Чтобы вы поверили в подлинность рассказанного, вкладываю мое удостоверение, выданное немецким Красным Крестом, принимающим беженцев.

■

В последнее время многие политические деятели КПСС, от Генерального секретаря до руководителей горкомов и райкомов, в качестве аргумента для сохранения своего положения взяли на вооружение ссылку на «силы, рвущиеся к власти». Это выражение, наверное, приемлемо в политической перепалке. Но, на наш взгляд, оно совершенно недопустимо в речах людей, обладающих государственной властью. Всплыл этот словесный оборот, помнится, во время чехословацких событий 1968 года. Тогда нашей официальной пропагандой он использовался как ярлык для сторонников «социализма с человеческим лицом», как называла себя оппозиция. Сегодня же использовать его для обоснования «вины» политических движений, стремящихся в рамках закона реализовать свои цели, по меньшей мере нелогично. Мы полагаем, что предметом осуждения (не обсуждения!) могут быть только способы взятия власти, если они противоречат Конституции и угрожают правам граждан. Тогда возможно и судебное разбирательство. Стремление же прийти к власти конституционным путем является нормальной задачей политического движения.

Но если для М. С. Горбачева и бывшего главы союзного правительства Н. И. Рыжкова их отношение к оппозиции было вопросом политической этики, то для В. А. Крючкова — это уже вопрос государственной ответственности. Заявление руководителя КГБ в декабре прошлого года по телевидению заставляет усомниться в его стремлении утверждать нормы правового государства. Тут ссылка на «стремящиеся к власти силы» без конкретного упоминания об имеющихся в виду политических организациях, без указания, что речь идет о тех, кто действует вне рамок Конституции, придает заявлению зловещий смысл. Остается впечатление, что руководство КГБ готово противодействовать каждому, кто стоит в оппозиции к КПСС, к ее руководству. Это впечатление укрепляет и упоминание о защите социалистического строя.

Но после того как мы отказались от догм «реального» социализма, когда партия, построившая такой социализм, меняет свои идеологические установки со скоростью, за которой не поспевают многие из ее же идеологических работников, манипулировать термином, не получившим признанного определения, может быть, и допустимо на митинге или партсобрании. Но когда такое исходит от человека, призванного защищать безопасность всего общества, а не отдельной политической группировки,— это не только странно, но и страшно.

В. ДМИТРИЕВ,
председатель клуба
«Гражданская инициатива»,
А. БЛАГОВЕЩЕНСКИЙ,
член совета клуба
г. Октябрьский Башкирской АССР

■

Позвонили мне 28 декабря по телефону: приходите ровно в пять в РЭУ-4 получить подарки из Вены, учтите, что весит подарок 9 килограммов. В РЭУ пришло более 50 человек таких, как я, инвалидов. Многие привели помощников, так как сами поднять такой груз не смогли бы.

Организатор или ответственный за эту милосердную операцию некто Анатолий Григорьевич сказал, что машина задерживается, так сообщили из исполкома. Ждали мы на улице до восьми вечера. Дали команду расходиться и прийти утром к девяти. Утром установили очередь. Машина не пришла. Объяснения мы не получили. То же самое повторилось и 30 декабря. Анатолия Григорьевича я не виню, мы видели, как он старался, ждал вместе с нами.

Если вдуматься, то все страшно. Вызвать столько народу за милостыней... И не кого-нибудь, а инвалидов, стариков. Продержать три дня на улице — и все вроде бы ради благого дела.

М. В. ПОМИНОВА,
инвалид II группы
Москва

■

Денежный обмен. Первая и решительная мера нового премьер-министра. Наверное, эти деньги войдут в нашу жизнь под названием «павловки».

Так вот, о наших интересах. Дельцы теневой экономики заранее, уверена, вложили свои миллионы в материальные ценности, деловые бумаги (в те же акции Менатепа, например), недвижимость. На то они и дельцы. Я не экономист, но элементарные подсчеты (беру сведения из выступления В. Павлова и из сегодняшних газет) говорят, что государственная казна обогатится всего-навсего на каких-то 7—10 миллиардов рублей. Плюс те сотенные, которые за границей. Мне, промаявшейся бесполезно целый день в очереди в сбербанке, стало ясно, что в казну потекут в основном денежки инвалидов, стариков — из заветных узелочков, «покойничьи». Ну, может быть, «накроют» неопытного кооператора или начинающего фермера, который с трудом добился кредита и, нате вам, влип. Жестокое лицо у нового Указа, и первый день показал, что страдают, как всегда, работяги и нищие.

И еще. Принял Президент свой Указ, когда танки и пули в Вильнюсе и Риге общественность поставила ему в вину. Настоящий политик наш Президент, выбрал время, ошеломил, да так, что об очередной трагедии в Цхинвали мало кто услышал.

Т. КУЗНЕЦОВА
Ленинград

■

В Центральном Доме художника в декабре 1987 года был вечер памяти и однодневная выставка картин Романа Семашкевича. Возможно, именно эту дату следует взять исходной в определении второго рождения одаренного живописца.

Теперь стало обычным делом писать о репрессированных: судьба такого-то сложилась трагично. Разве дело в одной отдельно взятой судьбе? Трагична история многомиллионного народа, от которого отсекли одну треть. Но любой тоталитарный режим оказывается беспомощным: из миллионов выжили тысячи, из этих тысяч пришли одиночки, которые рассказали миру и сохранили для истории живое свидетельство сопротивления и противостояния. Солженицын, Домбровский, Шаламов, Гинзбург — только их свидетельских показаний достаточно для любого, даже Божьего суда. В так называемом деле художника Р. Семашкевича показания на редкость скудны: обвиняемый, по свидетельству матерого служителя лубянских застенков, немотивированно и категорически отказался давать показания. На Лубянке поняли: из этого не выбьешь. В ноябре 1937-го арестован. В декабре расстрелян. Ему было 37 лет.

На выставке «Творчество в лагерях и ссылках» я впервые увидел лицо Р. Семашкевича. Высокое человеческое достоинство, редкая сила, чуткость, талант — все есть в лице Романа Матвеевича, выросшего на белорусских лугах и болотах. Он воспитывался в крестьянской семье, в которой было 16 детей. От зари до зари работали дети с отцом.

Работы Семашкевича сразу же становятся мечтой коллекционеров.

Вдова художника Надежда Мироновна Васильева всю жизнь отдала восстановлению его доброго имени и наследия. Дело в том, что во время ареста без описи, без понятых была увезена машина с живописными работами. Сейчас Третьяковская галерея открыла выставку Семашкевича. Просьба ко всем, кто что-либо знает о судьбе художника, у кого сохранились его работы или сведения об их участи, сообщить по адресу: 103001, Москва, Вспольный пер., 17, кв. 9, Васильевой Н. М.

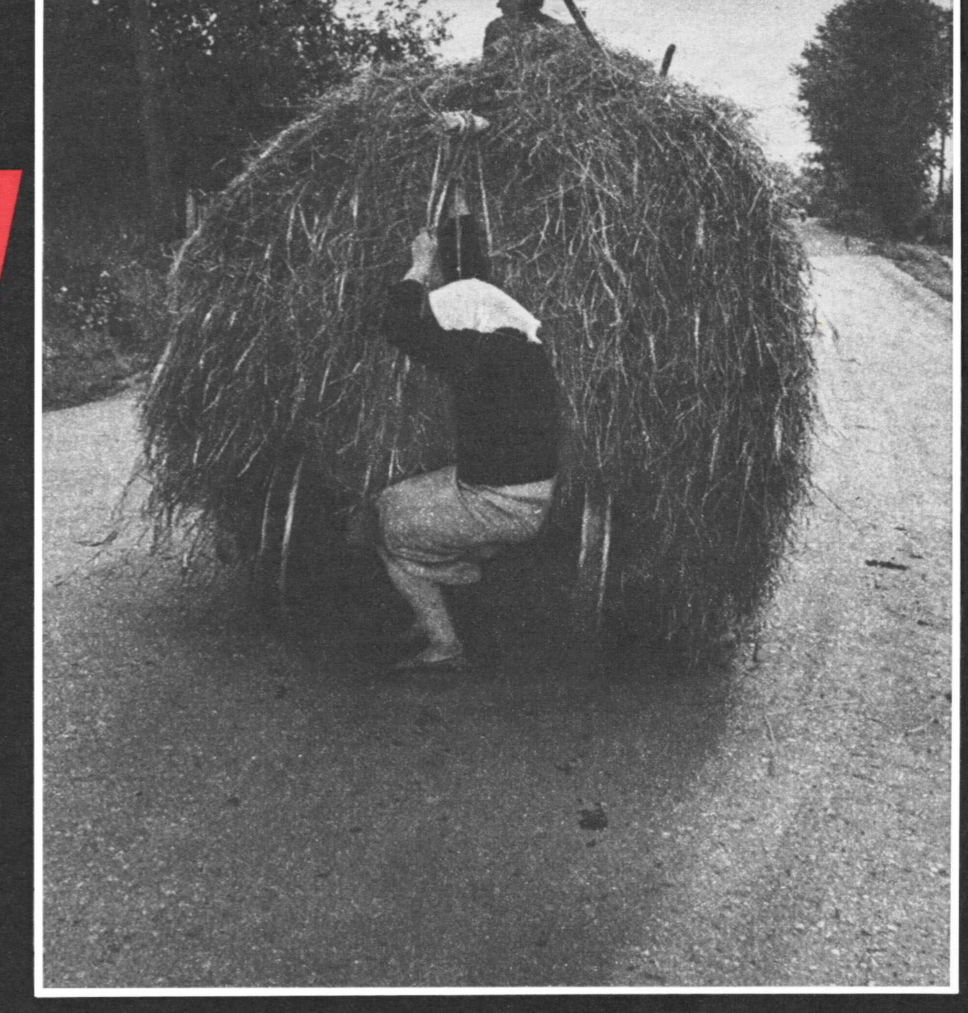
Гр. АНИСИМОВ,
искусствовед
Москва

В «Огоньке» № 4 в рекламе СП «КОЛУМБ» был указан неверный телефон. Просим звонить по тел. 963-24-22.

ФОТОВЕРНИСАЖ

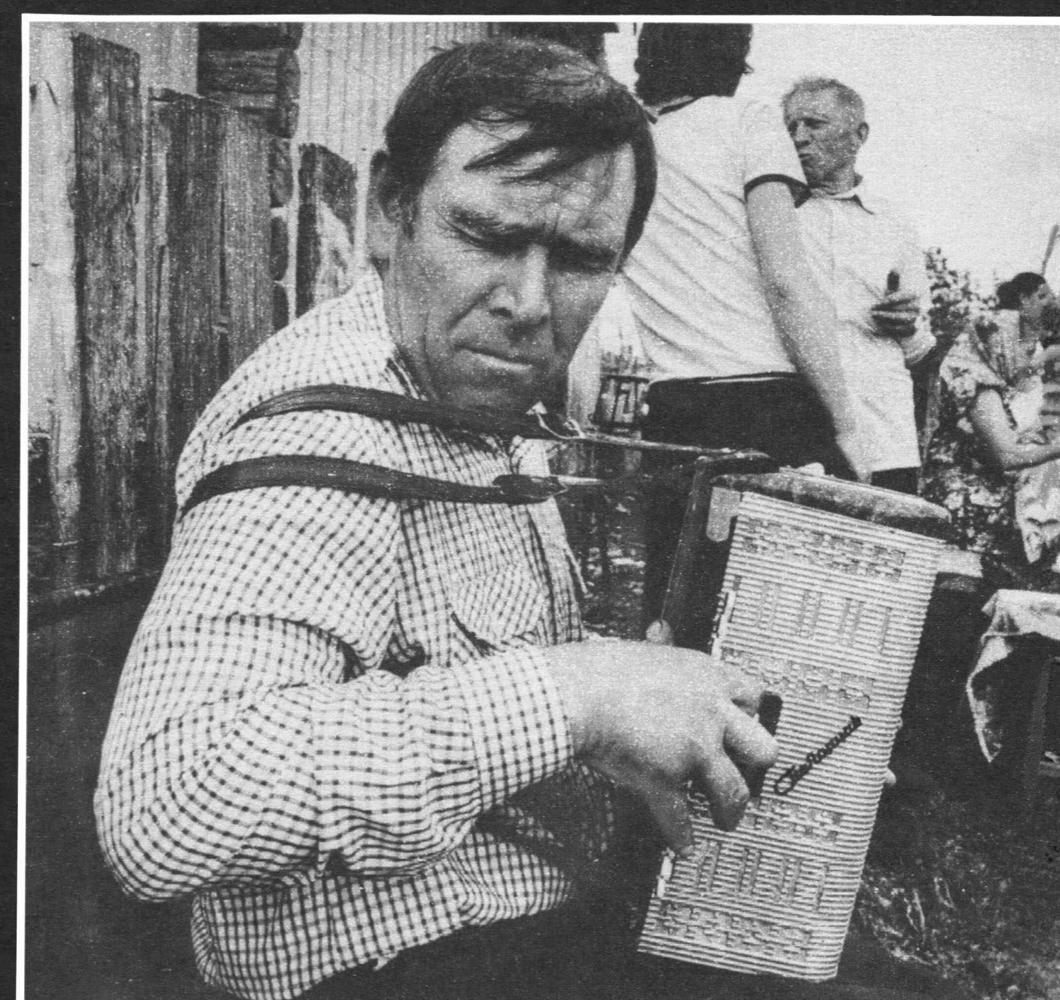
РАЗМЫШЛЯЯ О ЖИЗНИ...

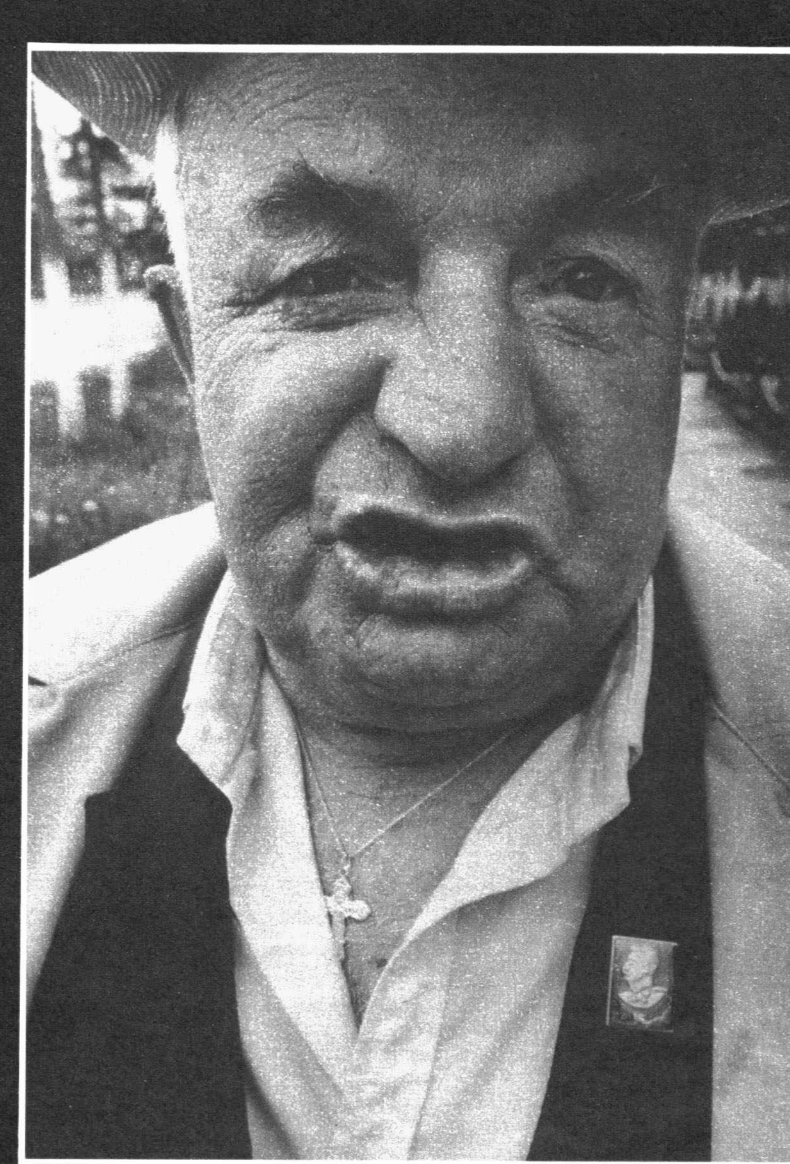
Рубрику ведет председатель Союза фотохудожников России Андрей БАСКАКОВ.



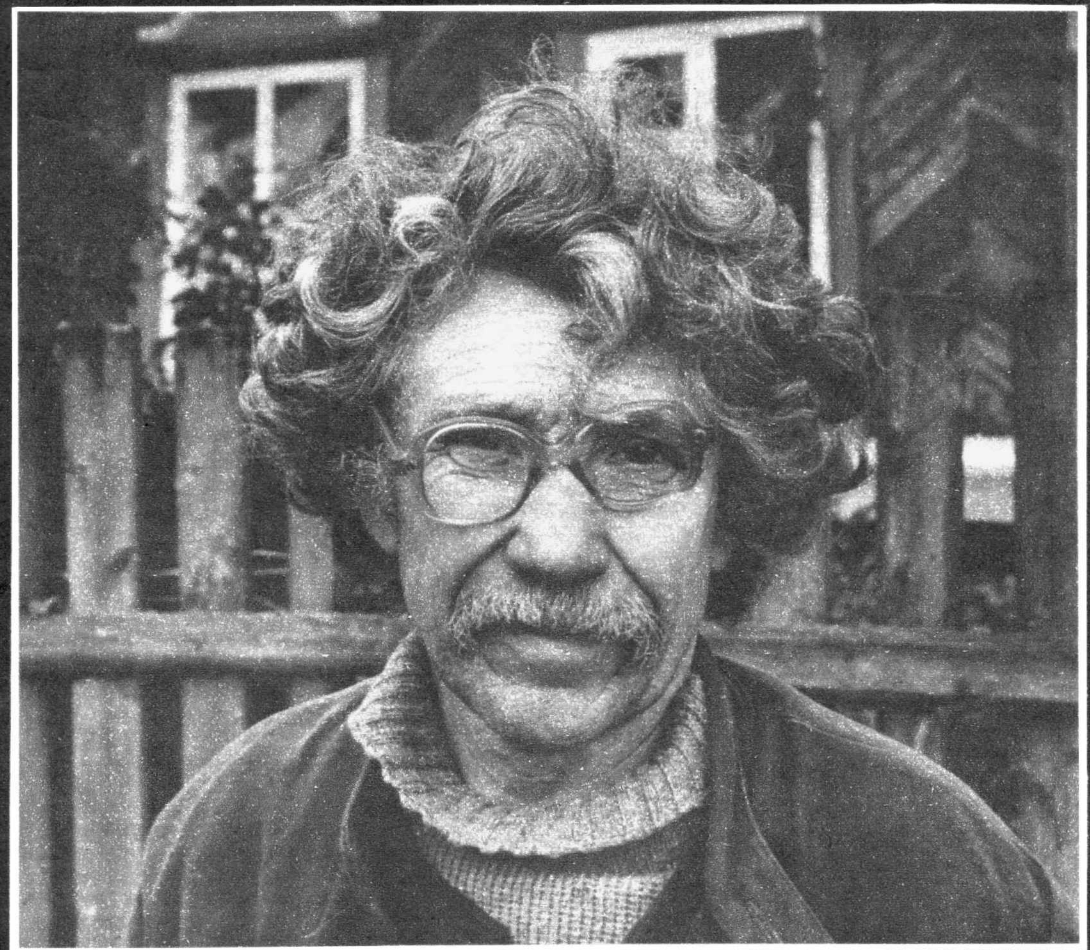
Александр Назаров из Пензы. Участвовал в 150 советских и зарубежных фотовыставках. Награжден золотой и серебряной медалями Международной федерации фотоискусства (ФИАП), получил Гран-при на фотовыставке в испанском городе Реусе, имеет около шестидесяти других наград. Фотографии Назарова публиковались в Дании, Венгрии, Болгарии, Чехословакии, Германии, Аргентине.

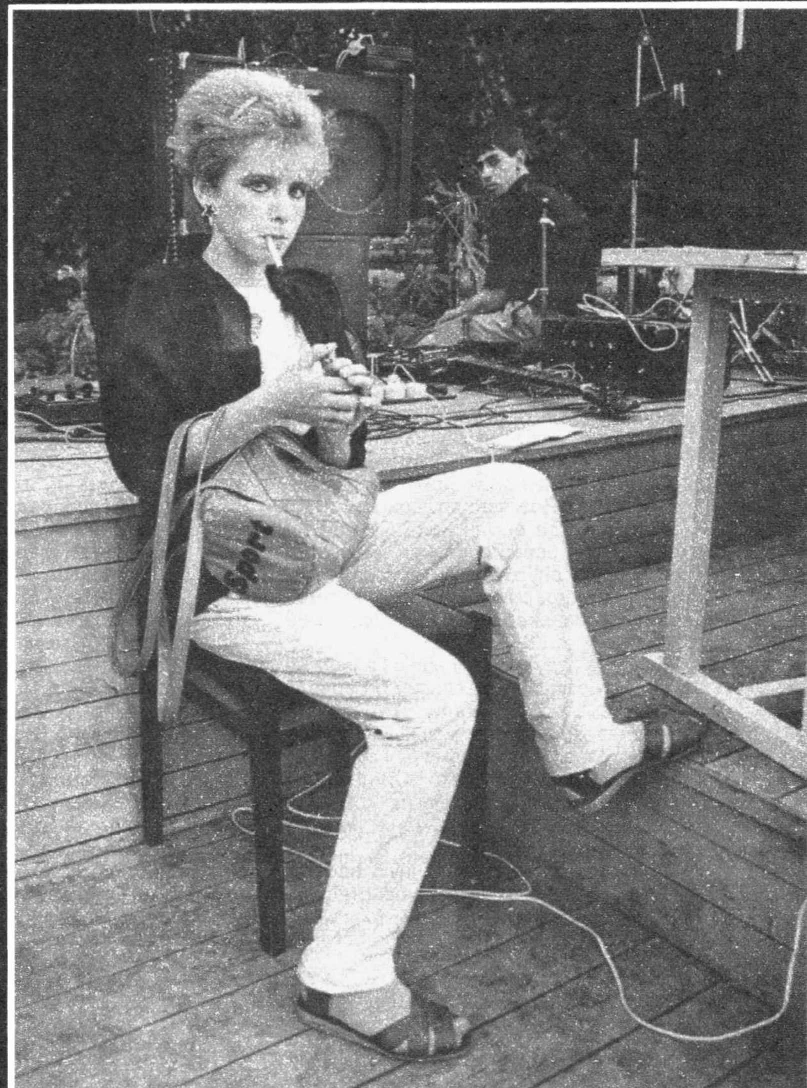
Большой материал о нем сделал в 1989 году известный французский журнал «Актюэль». Начав свой творческий путь как салонный фотограф, как мастер монтажа и коллажа, «заработав» имя композициями, сделанными при помощи ножниц и клея, Назаров неожиданно для многих уходит в фотографию социальную. Он становится фотографическим отшельником. Два года снимает только свой город и область. Итогом этой работы стали фотографические серии «Собирая минувшую Русь». В его фотографических размышлениях заложено глубокое убеждение, что историю делают не ударники коммунистического труда и не победители социалистических соревнований, а простые, обычные люди. И они достойны лучшей жизни.

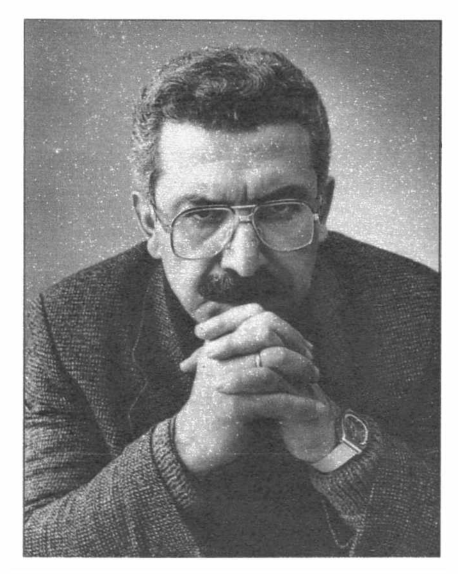




20 апреля 20
ВСЕ НА КОММУНИСТИЧЕСКИЙ СУББОТНИК!



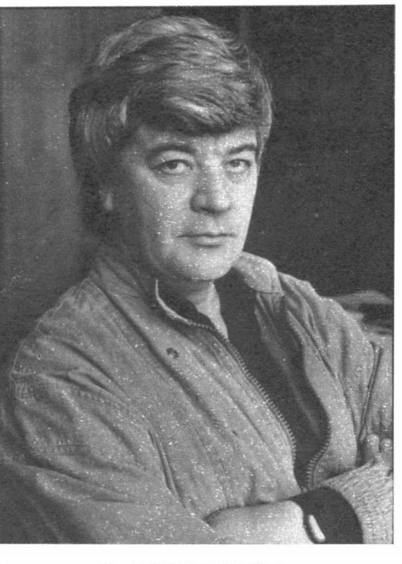

Sport



Гайк КОТАНДЖЯН:
«Остаюсь в партии, но вовсе не для того, чтобы защищать утопию...»

ТОНКАЯ НИТЬ СОГЛАСИЯ

Опыт полемики в старомодном жанре



Анатолий ГОЛОВКОВ:
«Выход из КПСС для меня — это что-то вроде эмиграции из себя прежнего».

НЕСКОЛЬКО СЛОВ ОТ АВТОРА ЗАТЕИ

Перед вами не очерк, не статья, а письма двух людей, журналиста «Огонька» и члена правления Армянской ассоциации политологов, на острейшую тему дня: об отношении к КПСС. С Гайком Котанджяном мы ровесники с разницей в два дня. Знакомы давно, но сблизила нас совместная борьба по одну сторону баррикады. Сначала — против засилья бывшей партократии Армении, против коррупции и теневой экономики. Позже — за справедливое решение карабахской проблемы, за политическую оценку трагедии в Сумгаите, поворотной точки всех последующих бед в Закавказье, за диалог между Арменией и Азербайджаном. Котанджян, тогда еще партийный работник, в условиях тотальной травли, как мог, сражался с местными коррупционерами, я писал статьи в «Огонек».

Гайк Саргисович Котанджян был известен в брежневское время как первый секретарь ЦК комсомола Армении, затем он занялся социальной психологией политики и защитил кандидатскую диссертацию. С тех пор служит двум «музам» — политике и науке. Как начинающему политику, ему пришлось испытать себя в качестве советника-посланника ЦК КПСС в Афганистане, когда Андропов пытался добиться там политического урегулирования военного конфликта.

После «Афгана» ему довелось не раз бывать в самой гуще конфликтов и катастроф, участвовать в их политическом анализе и разрешении последствий. Будучи первым секретарем райкома, принимал и обустраивал в Разданском районе первых для наших времен советских беженцев: более тысячи шестисот армян — жертв сумгаитского геноцида. В составе Всесоюзного штаба Котанджян работал уполномоченным ЦК Компартии по эвакуации семей, пострадавших во время армянского землетрясения. Возглавлял бригаду Верховного Совета Армянской ССР по расследованию первого случая массового применения внутренними войсками автоматического оружия против населения г. Степанакерта 10 октября 1989 года.

Еще два года назад у нас с Гайком не было серьезных разногласий по поводу КПСС: мы оба считали, что партия обладает достаточно мощным влиянием в стране, чтобы помочь Горбачеву в его реформах. Однако XXVIII съезд КПСС оказался для многих коммунистов, в том числе и для меня, последним рубежом.

Для заявления в первичную парторганизацию хватило нескольких строчек, а хотелось поделиться с кем-то мыслями о партии, ее теперешнем положении в обществе. Так возникла переписка с Котанджяном.

Письмо первое.
Середина июля 1990 года.
Москва.

Дорогой Гайк!

Возможно, мое письмо озадачит тебя, но недавно я подал заявление о том, чтобы меня не считали более членом КПСС. Ну, уплатил последние взносы, сдал партбилет — и до свидания. Никто из райкома не позвонил, не поинтересовался, что это вдруг произошло у коммуниста с пятнадцатилетним стажем. Но дело не в том. Для меня момент прощания с КПСС был уже чем-то вроде развода с нелюбимой женой. Вышел, помню, на улицу, и воздух показался свежим, как в горах. Подумал: вот и конец двусмысленному моему и грешному положению, которым мучился последние годы. Выход из партии стал для меня чем-то вроде эмиграции из себя прежнего.

Почему же интеллигенция в семидесятые годы рвалась в партию, даже своеобразную очередь в райкомах создавала? Многие были вынуждены вступать в КПСС из-за карьеры. Некоторые мои коллеги-журналисты — чтобы получить нормальное место работы. Часто вопреки искреннему желанию: такие условия ставил тоталитарно-партийный режим. Плюс общественное мнение: почти все в редакции коммунисты дружно топают на собрание, а ты остаешься за дверьми как белая ворона. Но было другое обстоятельство, важнее: часто на собрании, на заседании партбюро не хватало именно твоего голоса в защиту единомышленника. Тебе ли, Гайк, не знать, как травили, сживали со свету честных, глубоко порядочных людей, хамски вторгались в интимную жизнь, с упоением, садистски вытирали грязные сапоги о человеческую душу... Думаю, ты еще не забыл про жестокие провокации партийных чиновников и их приспешников? Вспомни, как преследовали на трассе твою служебную машину...

Ты скажешь: среди беспартийных тоже бывают подонки. Да, конечно. Но разве не унизительно шагать в каком-то строю, называемом «авангардом», заведомо зная, что никуда, кроме пропасти, дорога не ведет?

Некоторые избрали другие пути — Андрея Сахарова, или Анатолия Марченко, или Ларисы Богораз, или Сергея Григорьянца, или Сергея Ковалева... Однако такой выбор стал уделом немногих, самых мужественных и честных. Единственное утешает: в 70-е годы и по нашим домам гуляли ксерокопии книг Солженицына, Конквиста, Оруэлла (видно, у КГБ не хватало рук обшарить каждую квартиру!); и наши песни пели, читали наши стихи, пьесы, обреченные на темень ящиков письменного стола, снятые прямо из номера статьи и репортажи. Некоторые из этих текстов вполне тянули на бывшую 190-ю «прим.» УК РСФСР. Сейчас думаю, что уцелели мы случайно: слава Богу, не нашлось в кругу друзей предателя.

Однако наша прежняя «кухонная революция», все эти попытки вынырнуть из зловонного болота к свету и правде (об эмиграции мы не помышляли) вряд ли могут сравниться по серьезности осмысления с выбором, который приходится делать сейчас, хотя речь по-прежнему идет о возвращении из мира утопий. Тема все еще актуальна, поскольку многие люди еще неспособны осознать, что социализм, идущий от практики ленинизма, ни на какое реформирование, ни на какое позитивное саморазвитие не способен.

Вспомни начало восьмидесятых, когда плыли над Москвою сиятельные гробы. Еще не отзвучала траурная музыка, когда в кабинет генсека вошел загадочный тогда для многих М. С. Горбачев. Думаю, он оправдал наши надежды в том смысле, что никому до него не удавалось превратить грозные некогда Пленумы ЦК КПСС в подобие театра масок, отстранить партаппарат от всевластия. Но партаппарат, и сегодня опирающийся на армейские штыки и свободные — в полной сохранности! — подвалы КГБ, ясно доказал, у кого реальная власть в стране.

И вот я хочу спросить тебя, Гайк: что означает сейчас для трезвомыслящего человека быть членом КПСС? Время «оправданий» для нашей славной партии истекло, покаяния, которого мы долго ждали, так и не состоялось. Вместо этого нам твердят: дескать, социализм в СССР так и не построен. Но разве Ленин и Сталин не построили именно социализм? Разве не смешно до сих пор рассуждать о каком-то прошлом «извращении социализма», «грубом отступлении от коммунистических идеалов»? Разве не верх лицемерия со стороны партийных бонз лить крокодиловы слезы по жертвам репрессий, будто бы предшественникам Лигачева или Полозкова можно было другим способом уничтожить частную собственность, кроме насилия, которое они называли «классовой борьбой»...

Понимаю, что, возможно, слишком много вопросов задал тебе, но уж больно хотелось выговориться. Напиши, что ты думаешь об этом, выйдешь ли из партии.

Жму руку.

А. Г.

Письмо второе.
Начало октября 1990 года.
Ереван.

Дорогой Анатолий!

Если кратко, то я не убежден в том, что нынче политически важнее, честнее сдать партбилет. И хотя в Армении недавно компартия перестала быть правящей, я в ней остаюсь.

Ты знаешь, что я давно и определенно различаю чиновных торговцев номенклатурой и их коррумпированных клиентов от рядовых коммунистов. Среди последних больше порядочных людей. Ведь когда мы вступали в партию, она была фактически единственной серьезной сферой политического самовыражения. Альтернативы не существовало. Ты пишешь, что было диссидентство. Да, это так, но диссидентство под тоталитарным гнетом не могло быть массовым. Что же касается нас с тобой, то это все-таки был не наш выбор, иначе бы мы его сделали.

Итак, почему я остаюсь в партии? Этот ответ я дал прежде всего себе. Во-первых, по политическим мотивам. Сегодня, в обстановке кризиса власти, по-моему, важно способствовать обновлению партии изнутри. Удержать общество от деградации можно, не разрушая КПСС, а, наоборот, трансформируя ее из тоталитарной во влиятельную парламентскую партию демократического социализма.

К сожалению, многие партийные лидеры и теперь представляют мощь и силу партии в образе «монолита», да и другим голову этим морочат. Велика инерция политических штампов, живучи они и по сей день. В иные годы мне, например, вместе со многими коммунистами приходилось не раз вставать и аплодировать в составе монолита партийной аудитории, когда какая-нибудь эмблемная фигура выкрикивала как пароль: «Предлагаю избрать почетный Президиум из Политбюро... во главе... лично...» Под этот пароль, под литургию избрания единственного на всю страну почетного Президиума требовалось еще и соответствующее политическое поведение...

Истина, по-моему, в том, что за последние несколько лет многие в партии изъявили готовность взять на себя руководство антиутопической, в сущности своей буржуазно-демократической реформой. Однако с самого начала «монолитность» обернулась малоподвижностью, которая не только парадоксальна, но и саморазрушительна для КПСС. Политологи знают, что такая жесткость главного стержня власти при нарастающей активности окружающей гражданской жизни оборачивается расшатыванием всей политической системы.

Думаю, что КПСС на XXVIII съезде, а вослед и съезды республиканских компартий не в полной мере учли уроки, преподанные народно-демократической, а во многих случаях и антикоммунистической революцией в Восточной Европе. И чем дольше наша партия бу-

дет молчать о необходимости перехода в социал-демократическую фазу, тем меньше шансов снять глубокий конфликт между контррыночной сущностью КПСС и экономическими целями, которые она нынче декларирует. Все это нагнетает и без того взрывоопасную напряженность как внутри, так и вокруг КПСС. Ведь «антирыночность» закреплена не только в структуре командного хозяйствования, но и в социальных позициях и интересах миллионов людей внутри КПСС и вовне, в их психологии. Попробуй-ка соотнести мысленно приблизительный срок для политических перемен с огромным, на мой взгляд, периодом воспитания людей в духе прорыночной демократической культуры. Если учесть особенности развития различных регионов, разнородность населения нашей страны, то думаю, что сменится не одно поколение, пока...

Данный конфликт усугубляет действие одной из глубинных причин нестабильности перестраивающегося общества — значительного несовпадения темпов двух основных реформ. Более скоротечной политической реформы и требующего большего исторического времени радикального реформирования директивной экономики.

По-моему, реально политикам да и всем нам придется считаться вот с чем. Экономика скорее всего сумеет стабилизироваться лишь после длительного спада, во время которого, по-видимому, давление на власти будет возрастать, «митинговой и стачечной демократии» не поубавится, а популярность властей будет сильно колебаться. В этом случае, если политика и экономика будут действительно развиваться на истинной демократической основе, мы еще долго будем наблюдать разногласия между народными депутатами, органами Советской власти, избирателями и их общественными организациями.

Драматично, что сегодня достаточно много людей не без помощи партийной пропаганды продолжают верить в утопические идеалы коммунизма. С другой стороны, они видят результаты шагания к светлым далям и непоследовательного отмежевания от этого пути. Это противоречие раздирает души честных коммунистов, а их, поверь, немало в стране. Парткомы уже по чисто моральным соображениям не могут требовать от рядовых коммунистов вчерашнего смирения, когда сокрушаются нередко искренне выбранные личные позиции.

С другой стороны, традиционная элита (партийно-государственная, хозяйственная и военная) находится перед реальной угрозой потери престижа и гарантий благосостояния. Этот влиятельный корпус номенклатуры ссылается, кстати, не без оснований, на то, что изпод бархатных одеяний некоторых восточноевропейских и отечественных революционеров уже не раз выглядывала деспотическая и даже кровавая подкладка. И именно здесь, на данной точке социального кипения, точке социально-психологического срыва, по-моему, лидеры КПСС должны уяснить, что упускаются последние шансы сохранить у своих членов, значительной части народа предпочтение перестроечных либеральных подвижек при безвластии и голоде стабильной и отнюдь не босой прохиндиаде застоя. Речь идет, пожалуй, о самом серьезном — о поддержке властей со стороны люмпенизирующихся масс и отчуждающейся от перестройки традиционной элиты. Другими словами, о важных, если не основных резервах стабильности разбуженного перестройкой тоталитарного общества. Доминирование в защите прав человека и наций, солидные политические гарантии доходам, престижу и социальной защите интеллигенции, крестьянства, рабочих, военнослужащих, жителей невосстановленных зон стихийных бедствий, пенсионеров, учащихся — вот арена социал-демократического строительства. Именно здесь нам нужно искать ключ к прогрессивному преобразованию структуры общества и к демократическому обеспечению массовой поддержки социализма. Промедление же чревато тем, что антикоммунистические атаки дискредитируют и растопчут наряду с идеалами коммунизма актуальные социалистические интересы цивилизованного развития нашего общества.

Так что я остаюсь в Компартии вовсе не для того, чтобы, как ты пишешь, защищать утопию.

Всего тебе доброго! Пиши!

Гайк Котанджян.

Письмо третье.
Конец ноября 1990 года.
Москва.

Здравствуй, Гайк!

Признаться, сочиняя первое письмо и зная тебя, я догадывался, как ты ответишь на вопрос о выходе из КПСС. Мне понравился твой спокойный, взвешенный тон, что неплохо бы и позаимствовать, будь у меня другой характер. Во всяком случае, по твоему письму чувствуется, что написано оно после глубоких раздумий. Ибо нелегко сегодня не то что защищать «ленинскую партию», а даже искать для нее поле деятельности без того, чтобы это снова не отбросило нас назад.

Искренне говоря, мне жаль, что умные, талантливые люди остаются все еще в КПСС и тратят время, силы, подогревают себя новыми надеждами — и ради чего! Все это напоминает затянувшиеся похороны, когда все готово, а родственники все не едут... У меня никогда не вызывали сочувствия перекормленные Брежневым, так сказать, «представители славного рабочего класса», которым на Пленумах ЦК КПСС все равно кого травить, они у настоящих рабочих вызывают брезгливость. Я думаю о ленинградском социологе Андрее Алексееве, кристально чистом человеке, которого при помощи КГБ исключили из КПСС и который потом потратил столько сил, чтобы восстановить партийный стаж. Думаю о Вадиме Лысове, замечательном организаторе, бывшем комсомольском работнике, которого недавно выбрали секретарем Старооскольского горкома партии. Мог бы еще назвать десяток-другой только своих знакомых, но ведь в стране таких сотни, а может, и тысячи. Это за их счет пока еще держится на плаву КПСС. Она держится и за твой счет, Гайк Котанджян.

Я назвал бы эту ситуацию драматичной. Это драма моих товарищей, оставшихся коммунистами и теперь мучительно размышляющих, что бы еще предпринять, чтобы спасти свою партию. Их все меньше. До XXVIII съезда их объединяла «Демократическая платформа», в которой ЦК КПСС так и не сумел разглядеть основу для создания новой партии с обновленной программой, основанной, как ты пишешь, на ценностях социал-демократии. Это был последний шанс. Болгарские «большевики» его не упустили. Оголтелость ортодоксально настроенного большинства на XXVIII съезде привела к тому, что начался массовый выход из КПСС — рабочих (тебя это прежде всего не настораживает, Гайк?), интеллигенции, офицеров Вооруженных Сил и милиции, кооператоров и колхозников... Летели издевки вслед Ельцину, покидавшему Кремлевский Дворец съездов, оскорбляли Шостаковского и Лысенко, всех, кто пытался «демократизировать» партию. До их ухода еще можно было както рассчитывать на обновление.

Зато теперь ситуация стала более ясной: по одну сторону — в основном люди с окостенелым политическим сознанием во главе с партийными бюрократами, по другую — те, кто больше не желает жить по «мудрым предначертаниям». Возможно, и ты, Гайк, испытываешь ностальгию по отстраненной от власти Компартии Армении, все-таки столько лет на партийной работе... Но не уместно ли вспомнить, что именно высшей партократии и Армения обязана своими бедами? Не Политбюро ли предыдущего состава рука об руку с руководством Армении осталось глухо к мирным еще призывам степанакертских и ереванских митингов 1988 года? Не при попустительстве ли ЦК Компартии Армении превратили Арцах в военный полигон? А что думают твои земляки, ленинаканцы, о Николае Ивановиче Рыжкове, который после первых недель ликвидации последствий землетрясения фактически оставил восстановление разрушенных городов на откуп другим, и они сорвали программу? По-прежнему ли армяне носят самодельные значки с его портретом?

Я прощаюсь с тобой, надеясь, что Господь даст тебе сил и мудрости пристальнее вглядеться в будущее, которое готовят народу коммунисты, но которого у нынешней КПСС попросту нет.

Обнимаю,

А. Головков.

Письмо четвертое.
Конец декабря 1990 года.
Ереван.

Анатолий, приветствую тебя!

На сей раз не стану останавливаться на всех твоих доводах против КПСС, иначе полемика разведет нас далеко... Я не сторонник самоцельной политической ругани. Попытаюсь выделить лишь созвучие в наших позициях — это важнее. А то все, кому не лень, говорят о консенсусе, но мало что делают для его достижения.

Сначала — «о злобе дня».

Внимательно слежу за дебатами IV Съезда народных депутатов и нахожу подтверждения самым худым своим предположениям: «низы» и «верхи» перестали контролировать друг друга. Рушится Союз, потому что лидеры, принимающие решения, не захотели увидеть сферу пересечения интересов страны и республик. Проект нового Союзного договора затрудняет возможность преобразования СССР в некое новое стабильное сообщество наций. Судя по выступлениям, всеми заинтересованными сторонами все еще не осмыслена возможность согласия вокруг важнейшей политико-правовой проблемы — «суверенитета в суверенитете».

Жизнь по инициативе коммунистов-реформаторов пытается возвратить политику и людей от ориентации на черно-белые оценки на противостояние плюрализму, трудноусвояемым терпимости и консенсусу, то бишь согласованности, согласию. В то же время реальность такова, что миллионы наших сограждан воспитаны на героике смертельных схваток, лишений — всего того, что является «войной за мир». Отдавая дань глубокого уважения поколению наших отцов и матерей, хочется понять и отслоить их личный гражданский героизм, исполненный ими долг перед Родиной от навязанных им надрывных патологических испытаний. Наверняка они, верные сыны и дочери своего Отечества, обогатили бы свои семьи, народы, свое дело большей радостью, будь у них возможность проявлять себя преимущественно в согласии с самой жизнью, а не в непрерывной борьбе с ней.

На мой взгляд, твои претензии к КПСС и только к ней не отражают полноты картины и поэтому воспринимаются как притянутые. Согласись, что многие гуманитарные устремления реформаторов от партии искажаются, а иногда доводятся до абсурда и дискредитации в связи с историческим изъяном — недостатком, а в ряде случаев и мест и отсутствием демократического опыта поколений. И уже на этой исторической базе — избытком тоталитарной закваски нашего времени. Поэтому и без сколь-либо заметного отторжения со стороны общества делаются уверенные попытки силой внедрить разноцветную демократию: одну — правозащитную — для собственного потребления, другую — с тираническим содержанием — для всех остальных. Именно поэтому некоторые отцы местных демократий могут себе позволить, соревнуясь с Центром, соединять в политической практике такие взаимоисключающие принципы и подходы к согласию и сотрудничеству, как демократизм и деспотизм, равноправие народов и колониализм. Столь же симптоматично диковатое смешение компетенций законодательной и муниципальной властей под знаменами демократии и поселкового суверенитета.

Невозможно в коротком письме и даже в нескольких найти окончательный ответ, который ныне мучительно ищут все — от хмурых участников очередей, от юных призывников и их растерянных родителей до Съезда народных депутатов и Президента.

Давай еще раз попытаемся разобраться в сути развертывающегося в последние годы перелома во внутренней политике (мне придется несколько злоупотребить понятием «элита» в том смысле, как это принято в политической науке).

Итак, лишь в 1983 году Юрий Андропов имел гражданское мужество на июньском Пленуме ЦК КПСС поставить перед партией задачу — разобраться в сущности того общества, в котором мы живем.

В 1985 году на апрельском Пленуме ЦК КПСС Михаил Горбачев объявил о начале переосмысления исторического пути тоталитарного социализма и перестройки советского общества. Реформаторская часть партийно-государственной элиты развернула гласность дискуссий. Она же дала возможность постепенному организационному оформлению оппозиции, а в дальнейшем, в процессе демократических выборов, ее конституционному проникновению в депутатский корпус (то есть включению в состав политической элиты).

Таким образом, на четвертом году перестройки в составе политической элиты произошло перераспределение сил, в центре которых как держатель возможного согласия между оппозиционной и традиционной элитой расположилось реформистское крыло партийной элиты во главе с М. Горбачевым. Затем эти преобразования с большим местным разнообразием были воспроизведены в органах власти по всей стране. А прошло-то со времени апрельской заявки всего около шести лет.

На первых этапах реформирования политической и духовной сфер новое равновесие внутри элиты в основном обеспечивало динамическую стабилизацию обстановки. Это делалось, как и во всем цивилизованном мире, через трансформирование тех элементов государства, которые подвергались наиболее массированной обоснованной критике. Санкции же в ответ на политическое давление оппозиции на данном этапе, за несколькими роковыми исключениями, носили преимущественно локальный характер и были направлены на погашение всплесков крайнего экстремизма. В прошлой переписке мы отмечали также отрицательные последствия несвоевременности этих закономерных и спасительных трансформаций.

Теперь наступил этап переустройства отношений собственности, а отсюда обострились ожидания изменений целеполагания и социальной структуры общества, короче говоря, изменений качества государства и политической системы. Именно данный принципиальный вопрос, оглашенный на всех этажах власти, поляризовал и нарушил баланс политических сил.

Подключение традиционной и оппозиционной элитой в конфликт вокруг этих принципов массовой пропаганды, а с ее помощью и политизированных масс обусловило эскалацию глубинного социального конфликта. Конфликта, отражающего родовую для советского общества борьбу за удержание или смену политического строя и государственной целостности.

Итак, мы находимся на пороге известной в конфликтологии структурной дестабилизации государства. В Прибалтике, Армении и Грузии это привело

практически к смене не только власти, но и режима.

На этом этапе традиционная элита резервы стабилизации общества посредством частичной трансформации государства, видимо, считает исчерпанными. Вот почему ею в качестве способов погашения воздействий оппозиции на государство на первый план выдвигаются санкции. Мера их репрессивности в значительной мере обусловливается самой природой, традициями общества. О них я высказался чуть выше. В связи с тем, что прямое подавление оппозиции как мера структурной стабилизации общества в нашей стране обычно грозит ее сползанием в гражданскую войну, резко повышается ответственность сторон конфликта за принятие решений, способных в очередной раз отбросить СССР на зады истории.

Как было недавно метко замечено: «Сталин умер только вчера». Нельзя забывать: на часах политической истории это выглядит именно так.

В данных реальных условиях судьбоносность миссии Президента и его команды, местной элиты и ее лидеров в собственном смысле этого слова заключена в решении сверхзадачи — удержании нашего реформирующегося общества в берегах правозащиты гражданского и межнационального мира.

Если всем здравомыслящим силам во главе с прогрессивной патриотической частью КПСС не удастся в условиях структурной нестабильности направить социальную революцию в цивилизованное, мирное русло, ее стихия сметет со своего пути и все то, что называется обновлением, перестройкой, обустройством России. А при таком развитии событий наши укоренившиеся политические традиции скорее всего подтолкнут процесс к режиму «голой власти» (по выражению Бертрана Рассела), то есть к диктатуре. И тогда в войне за гражданский мир трудно будет избежать живодерских способов «массового умиротворения» по подобию Сумгаита или Баку.

Анатолий, я бы предложил использовать влияние «Огонька» для осмысления и пропаганды тезиса о неотвратимости гарантированного поражения всех участников современной гражданской войны в СССР — в случае ее развязывания. Для обоснования особенностей применения в наших внутриполитических конфликтах принципов того своеобразного консенсуса, который до последних пор удерживал противостояние сверхдержав от взаимоуничтожения и общечеловеческой ядерной катастрофы.

Участникам политического процесса, судя по Съезду и событиям в республиках, на мой взгляд, следовало бы еще раз реалистически уточнить круг совместимости жизненных ценностей и интересов, взвесить приоритеты в стратегии и тактике дальнейшего реформирования Советского Союза.

Вот еще одна причина, почему я решил со своими товарищами остаться в партии.

Но мое решение не выходить из Компартии Армении в тяжелую для нее пору имеет и моральную подоплеку. Я хочу, как специалист, подчеркнуть опасность серьезного деформирования социальной психологии нации в случае массового ренегатства коммунистов.

Что касается упомянутых тобою моих взаимоотношений с республиканской номенклатурой, то они могут представить интерес скорее всего своей типичностью. Но это отдельный разговор. Важнее то, что, как показал последний съезд Компартии Армении, несмотря на некоторое оживление «низов» и нового состава ЦК, там все еще не выветрился дух недостойного умолчания правды.

Мне кажется, чаще всего по этой причине многие коммунисты, вкусившие за последние годы доводы разума и истины, не доверяли руководству и не желали подчиняться конвульсивным командам сменяющих друг друга политиканов.

А на партии, конечно же, не обижаются.

Вот, пожалуй, пока и все.

Жму руку.

Гайк Котанджян

ПОСЛЕСЛОВИЕ

...Каждый имеет право на свою точку зрения. Что же касается КПСС, то она действительно переживает нелегкие дни.

Политическая история последних пяти лет стала летописью попыток вытащить Компартию из кризиса и предотвратить катастрофу прежде всего в области экономики. Эта серия аппаратных игр в высшем эшелоне партийной бюрократии случилась отчасти из-за инстинкта самосохранения, отчасти из-за наивной веры, будто в развале виноваты плохие руководители.

Между прочим, такие мнения раздаются до сих пор. Звучали они и на закончившемся недавно IV Съезде народных депутатов СССР. Что же мы наблюдали? Все то же стремление во что бы то ни стало расчистить поле деятельности для КПСС. Ведь более всего от депутатов-партаппаратчиков и некоторых военных исходили призывы к Горбачеву покончить с «деструктивными силами», «навести порядок». Так и слышится в этой половинчатой формуле призыв «восстановить прежний порядок». И требуется совсем немного: установить жесткую военно-партийную диктатуру, когда на каждом углу будут стоять пулеметы, сохранить власть за ортодоксами.

Разумеется, на фоне очевидного банкротства это были странные призывы. Но отнюдь не беспочвенные. Запугивание людей надвигающимся хаосом не случайно. У КПСС еще есть время (год? два года? три?) в любую минуту восстановить «порядок» при помощи армии, КГБ, внутренних войск, соблазн чего сейчас так велик. Позже, когда рынок начнет давать о себе знать продуктами и товарами ширпотреба, пропагандистских аргументов в пользу тоталитаризма уже не останется. Никого тогда «загнивающим капитализмом» не запугаешь.

Парадокс вот в чем. Казалось бы, хаотичные судороги экономики, паралич исполнительной власти, рост преступности — все это аргументы для КПСС, которая на XXVIII съезде выдвинула программу социальной защиты людей. Однако, во-первых, с этой программой никак не согласуется равноправие форм собственности — основы рынка. И КПСС саботирует реформы. Во-вторых, за последние годы изменились сами люди. Думается, что никакая очередная «коммунистическая перспектива» уже не заставит их работать на износ и быть при этом одинаково «счастливо бедными». Нет силы, способной отнять у народа то, что он обрел за пять лет перестройки: достоинство и сознание собственной значимости, веру в способность изменять страну.

Разрыв с «Демплатформой» на XXVIII съезде КПСС — это не победа партии, как кажется иным, а глубокая драма: КПСС потеряла одну из реальных возможностей возродиться в глазах народа. Подавление движений за национальную независимость — не достижение перестройки, а ее позор, как и нежелание некоторых республик предоставить равные гражданские права людям всех национальностей.

Речь не о том, дружить дальше коммунистам и демократам или «ругаться». Вопрос надо бы ставить в иной плоскости: как нам всем выжить? Как объединить усилия, чтобы спасти страну, вывести ее из тупика на только еще зарождающемся понимании того, что пора предпочесть «идеологической борьбе» тропу согласия.

ПРОШУ СЛОВА

О ЛЮБВИ

Марк ЗАХАРОВ

И в сердце дума заронилась;
Пора пришла, она влюбилась.
А. С. Пушкин
«Евгений Онегин»

Наше общество закончило один из своих блистательных исторических циклов, начался новый, не менее блистательный и тоже исторический. Захотелось любви.

Те, кто думает, что любовь дается человеку от рождения и как бы в придачу, что любовь человека к человеку сама собой разумеется, глубоко заблуждаются. Даже собственных детей полюбить не так просто — надоедают. Иногда их слушаешь, слушаешь, и хочется дать затрещину, но сдерживаешься во имя любви. Похожие чувства возникают также при беседах с женой, если с ней долго жить и она начинает тебе рассказывать, как тебе жить дальше.

Но это все частности. Жизнь подталкивает к мыслям глобальным, иное дело, что они не приходят в ожидаемом объеме, но это уже не вина автора — такое время.

После окончания IV Съезда народных депутатов хочется всех любить. И не только парламентскую группу «Союз», полюбить хочется все политические партии, общественные организации и сексуальные меньшинства. Это не каждому по плечу. Так же как и любовь к некоторым предписаниям нового союзного руководства. Например, очень трудно полюбить нашу новую систему налогообложения. Но при желании вызвать любовные позывы все-таки можно. Если сделать отчаянные усилия, можно полюбить даже бывшего министра финансов, ставшего недавно премьер-министром.

Когда-то финансовые вопросы в Российской империи были удачно решены графом С. Витте, который разрабатывал денежные реформы 1897 года и основные положения столыпинской перестройки. После чего начался знаменитый и еще плохо изученный нами российский промышленный подъем. Благодаря решительным преобразованиям в области экономики появилось много новых предприятий, стали удваиваться и утраиваться капиталы. Русское купечество, мелкие ремесленники, крестьяне, дородные и тщедушные фабриканты стали изнурять себя непосильной работой, потеть, надрываться, лезть из кожи, лишь бы разбогатеть и выдать конкурентоспособные товары.

В этом смысле деятельность нашего Министерства финансов представляется мне в высшей степени гуманной. Налоги, подаренные нам, направлены прежде всего на создание внутреннего покоя и бережного к себе отношения. Впадать в рабочий экстаз при наших налогах глупо. Хочется чаще отдыхать, ежедневно погружаться в неторопливую задумчивость, например, по поводу того, сколько еще продуктов может собрать для нас Германия и Австрия и почему совершенно ничего съестного не поступает из Бенилюкса.

Непросто полюбить некоторые президентские Указы, например, о рабочем контроле. Очень трудно понять, сколько рабочих контролеров должно находиться возле каждого продавца. Если рабочие и студенческие отряды контролируют одну только доставку и расфасовку товара, пусть даже с помощью бронепоезда, каждому ясно: этого явно недостаточно. Следить надо за конкретным продавцом именно в тот момент, когда он отходит от прилавка, вне зависимости от того куда. И тут — новые вопросы! В каких количествах надо формировать отряды для обысков и дежурств в подвальных помещениях? И вообще какова общая стоимость проекта по контролю за торговлей? Каким образом будет осуществляться оплата труда новых спецотрядов эпохи «военного коммунизма»? Сколько надо платить каждому контролеру, чтобы на предложение: «Вот тебе кусок мяса, пачка макарон, погуляй до вечера!» — он ответил бы: «Ни за что! Буду следить, чтобы вы без меня ничего не съели»?

Любовь — занятие непростое, и поэтому я специально концентрирую внимание на ее трудностях. Трудно расстаться с программой «Взгляд», но «разлука любовь бережет» — говорят в народе, и не только об этой программе.

Очень трудно полюбить предстоящие референдумы, мы слишком сроднились со словесными заклинаниями и призывами, нам важнее проникнуться общим настроением, чем конкретным экономическим расчетом. И потом референдумы бьют по больному: они подразумевают некоторый уровень образования и цивилизованности.

Если меня спросят: «Хочешь батрачить на своего торгаша-соседа, эксплуататора человека человеком или жить без всякой частной собственности при гуманном и вольном социализме?» — думаю, что непроизвольно выкрикну о своей вольной социалистической направленности. Могу не удержаться и по поводу коммунистической перспективы. Особенно сейчас. А что касается рыночных отношений — задрожу от ненависти мелким бесом. И буду в этом качестве не одинок. Любви рынок от меня не дождется вместе с его биржевыми играми и бартерными сделками, о которых у нас понятия не имеют даже те, кто ими занимается.

Конечно, в референдумах есть определенный риск. Чтобы дружно провести референдум, надо как можно дружнее сплотиться. Для этого хорошо найти врага. Это прекрасно опробованный и надежный способ для взаимной любви и консолидации. Однако врага надо найти подлого настолько, чтобы покусился на нашу свободу и попытался бы нас завоевать, не раздумывая долго о том, во что это ему обойдется. Внешний враг очень укрепляет социализм и цензуру. Уже за одно это он достоин любви. Кроме того, военная опасность огорчает только рядовой и младший командный состав, генералитет без нее долго жить не может. Хотим по-настоящему и искренне любить своих генералов — необходимо создать для них нормальную обстановку, чтобы были при любимом деле.

Понимаю, найти сейчас настоящего врага непросто, но отчаиваться не надо. Ведь хотела же нас завоевать Финляндия в 1939 году, подло построив перед этим оборонительную линию Маннергейма! А совсем недавно афганские муджахеды хотели нарушить наши границы да сейчас еще косятся на всю их протяженность!

Впрочем, если внешнего врага по каким-либо причинам нанять не удастся, остается найти внутреннего. Это тоже дело хорошее и проверенное. Предложений у меня немного, но есть. Из внутренних врагов народа, по которым следует ударить в первую очередь, назову любимых мною «Московских виртуозов». Они иногда заезжают к нам на гастроли из Испании, и их можно поймать. Во имя любви к Испании. Если трудно полюбить далекую Испанию, полезно возлюбить ОМОН, он много ближе.

Читающей публике нынче хорошо знаком страдальческий образ поэта, в годы безвременья и застоя с разбегу «прорывавшегося» в литературу. Его «заворачивали», «зарубали», бдительный редактор выбрасывал его стихи «уже из верстки», цензор-сатрап приказывал изъять «уже напечатанный» тираж.

Автор, публикуемый сегодня, знал свое место. Он вослед за другим поэтом мог повторить, что разногласия с Советской властью у него эстетические. То есть у нее с ним. А эстетика тоталитарного режима настолько своеобразна, что не терпит она не только — упаси Бог — авангардизма, но и самого традиционного ямба, если это «не наш» ямб.

Наше время столь желчно, что кажется, для того чтобы написать сейчас «Я помню чудное мгновенье...» и чтобы тебе поверили, надо предварительно выругаться. В том, что делает Рубинштейн, помимо застенчивости перед поэтическим пафосом и остроумия, есть, по-моему, еще и обнажение структуры современного поэтического сознания.

Олег ХЛЕБНИКОВ

Лев РУБИНШТЕЙН

ЧИСТАЯ ЛИРИКА

1989

1. Раз
2. Два
3. Три
4. Четыре
5. Что такое?
6.
7. Ну что?
8. Вошел и трепетное сердце опять наполнилось тоской
9. Я здесь
10. неосторожное касанье а сколько встрепенется в нем
11. шатается на горизонте непостоянная звезда
12. Да или нет?
13. как беззаконная комета так жизнь не то чтоб удалась
14. Четырнадцать
15. недаром кровь наружу рвется и песнь воинственну поет
16. Я не знаю
17. не примелькается свобода она с тобою погляди
18. Я не могу
19. не так-то просто день вчерашний сегодня взять да пережить
20. нет нет усилья не напрасны я это точно говорю
21. Ничего нет
22. давай но очень осторожно чтоб ничего не повредить
23. усталый мозг рождает слово но растворяется во рту
24. поверить в это невозможно не убедившись самому
25. Все ли здесь в порядке?
26. не странно ли смотреть на солнце а видеть звезды и луну
27. мороз и солнце лед и пламень земля и небо день и ночь
28. кто не страшился бы поведать о тайнах сердца своего
29. кто проводил бы дни и ночи над вечной книгою Ицзин
30. кто там в мохеровом берете сквозь запотевшее стекло
31. Тридцать один
32. кошмар весь череп наизнанку ковер манишка — всё в крови
33. значенье данного мгновенья мелькнет и сгинет навсегда
34. Надо подумать
35. а утром стало вдруг получше и даже кушать попросил
36. любовь откуда бы ей взяться опять не даст мне умереть
37. рассказывал один знакомый как дама пукнула в гостях
38. та что насмешливо внимает поэта пламенным речам
39. Я думаю
40. один с мохнатыми бровями другой с...
41. в системе чуждых отношений вдруг и мое мелькнет лицо
42. ну надо же какая сука с больным не может посидеть
43. пришли и лишь потом узнали что всем придется уходить
44. Я думаю
45. все так изменчиво и странно что странно как это еще
46. моя пронзительная лира внушает сердцу моему
47. что дело не в спасеньи мира
48. Я думаю
49. что содержание и оправдание каждого жеста
50. прямо пропорциональны той степени
51. в какой осознаны
52. вся мера ответственности за него
53. и весь диапазон
54. его последствий
55. от сновиденья к сновиденью одна навязчивая тень
56. Как будет: «один, два, три, четыре»?
57. не может быть чтобы не знала как тут сыночку без нее
58. а впереди такая пропасть что жить не хочется пойми
59.
60. зову костлявую подругу она все медлит не идет
61.
62. гоню костлявую подругу она кивает и молчит
63. Как будет: «Я здесь»?
64. тебя тебя лишь приглашу я прийти глаза мои закрыть
65.
66. приди приди меня проведать могилку к празднику убрать
67. Как будет: «Да, нет, не знаю, не могу»?
68. не лучше ль порасти травою чем пыльной славою земной
69. увековечили и ладно пойдем посмотрим отойдем
70.
71. уснем уснем я точно знаю что мы проснемся не спеши
72. Семьдесят два
73. послушай жалобную песню поплачем вместе так и быть
74.
75. пока не понял что такое утрат чуть слышный аромат
76. надежды юношей питают так то ведь юноши а ты
77. Как будет: «Ничего нет»?
78. за всех понятно не ответишь ответь хотя бы что к чему
79. Как будет: «Все ли здесь в порядке»?
80. ты говоришь к чему все это я говорю смотря о чем
81. ты говоришь нельзя так больше я говорю ну перестань
82. ты говоришь кровь стынет в жилах я говорю ложись и спи
83. Как будет: «Что-нибудь еще»?
84. не будем говорить об этом а то и так черт знает что
85. А еще?
86. как будет мама стол спасибо прощай навеки стол любовь
87. летали надо мной стрекозы неясной прелести полны
88. как будет ясень облетает глядишь и птицы улетят
89. качались надо мною сосны суля прохладу и покой
90. как будет холодно и сиро моей подветренной судьбе
91. повисли надо мною птицы надежды признак и симво́л
92. как будет весело наверно когда нас всех по одному
93. Девяносто три
94. Девяносто четыре
95. ни состраданье ни прощанье не отразятся на лице
96.
97. вот так без знаков препинанья но с многоточием в конце
98. Девяносто восемь
99. Девяносто девять
100. Как там дальше?
101.
102. Как?
103.
104. Ну как?
105. Сто пять

Евгений
ЕВТУШЕНКО

СВИДЕТЕЛЬСКИЕ ПОКАЗАНИЯ

Рисунок Алексея МЕРИНОВА.

МЕФИСТОФЕЛЬСТВО ЦЕНЗУРЫ

Выступая против жестокостей Сталина, я долгие годы противопоставлял ему Ленина. Тогда я еще не знал, что Ленин был инициатором создания первого политического концлагеря на Соловках. Я не знал, что Ленин во время гражданской войны упрекал Сталина отнюдь не в грубости, как это было перед смертью, а в мягкотелости. Книге Гроссмана «Все течет...», первому критическому произведению о Ленине, написанному советским, а не эмигрантским писателем, я внутренне сопротивлялся. Вся моя концепция сталинизма как предательства ленинских идей распадалась, а ведь человек ни за что так крепко не держится, как за собственные концепции. Небольшой сборничек цитат из Ленина, составленный Венедиктом Ерофеевым, под названием «Моя маленькая лениниана» поверг меня в глубокую депрессию. Сильно поколебал в моих прежних, самых искренних убеждениях.

В 1987 году я написал стихотворение «Еще не поставленные памятники», посвященное памяти жертв войны против собственного народа. Стихотворение проходило очень трудно. Редактор «Правды» В. Г. Афанасьев, в начале перестройки не побоявшийся напечатать «Кабычегоневышлистов», вдруг стал мне говорить о том, что во время войны на боевых самолетах он сам писал от всего сердца «За Родину! За Сталина!», что не все в сталинское время было плохо, что напечатать в «Правде» антисталинские стихи — это провоцировать раскол общества и т. д. Я отдал эти стихи в «Знамя», и их набрали. Однако мне позвонил Бакланов и сообщил, что на встрече главных редакторов с Горбачевым Афанасьев с гордостью заявил: «Правда» правильно поступила, отказавшись печатать стихи «одного известного поэта» о непоставленных памятниках жертвам сталинизма. Бакланов, ссылаясь на свое действительно сложное положение, попросил меня — по классической методе советских редакторов — пожаловаться на него Лигачеву, который тогда ведал идеологией. Я позвонил, послал Лигачеву по договоренности верстку. Голос Лигачева в телефоне звучал хмуро, напряженно: «Присылайте верстку, разберемся». Прошло недели две, но Лигачев ничего не ответил. Мое стихотворение в «Знамени» не появилось.

Наконец, после долгих колебаний его напечатал «Огонек». Я был счастлив. Но произошло нечто неожиданное. Через два номера тот же «Огонек» опубликовал письмо Льва Аннинского, который упрекнул меня в исторической наивности. Оказывается, я прославлял в своем реквиеме двух красных военачальников — Блюхера и Якира, не зная того, что подпись Блюхера стояла под приговором Якиру. Кто знает, как это случилось. Может быть, подпись Блюхера была фальсифицирована. Может быть, ее вырвали у него под пытками — моральными или физическими. А может быть, все было гораздо грубей — Блюхер, губя товарища, хотел этим спасти себя. Поток запоздалой информации, к моему ужасу, развенчивал многих из тех, кто казался жертвой Сталина. Оказалось, что, прежде чем стать жертвами, эти несчастные люди успели побыть палачами, делая несчастными других.

Когда открываются глаза на кровавую изнанку истории, то глазам больно. Так, было больно моим глазам читать некоторые ранее неизвестные мне документы о Ленине. Я против вандализма по отношению к Ленину, но я и против того, чтобы мы, как идолопоклонники, не имели права задумываться над тем, с чего в нашей стране начался такой массовый вандализм по отношению к собственному народу. Не надо все сваливать на Ленина, но и нельзя снимать с него вину. Ведь новая «красная цензура» была введена при нем. Цензура из так называемой «временной меры» превратилась в главную кариатиду здания лжи, которое начало угрожающе-стремительно разрушаться, как только эту кариатиду выдернули.

Но когда эта кариатида еще тужилась и кряхтела, напруживая гипсовые мускулы с постепенно отлетавшей штукатуркой, мы, не по доброй воле, а по обстоятельствам находившиеся внутри этого здания, выбирали разные формы сосуществования с цензурой. Полный уход в самиздат, а затем в тамиздат спасал совесть, но отнимал широкого русского читателя, а иногда и саму Родину. Попытка найти компромисс с цензурой, идти на уступки в частностях, чтобы спасти главное, отнимала строки, а иногда — незаметно для писателя — главное вместе с частностями. Третьего пути — чтобы не терялось ничто — не было. В этом и заключалось растлевающее мефистофельство цензуры.

А ЕСЛИ БЫ НЕ БЫЛО АМЕРИКАНСКОГО ИМПЕРИАЛИЗМА?

Я выбрал вид взаимоотношений с цензурой, который отнюдь не могу рекомендовать будущим поколениям, если, не дай Бог, они снова окажутся под всевидящим оком Большого Брата. Я выбрал сложную позиционную войну, где не раз отступал, уступал территорию, сдавал города, прятал зенитки под маскировочной сеткой, завязывал лошадям из орудийной упряжки их вздрагивающие от взрывов морды, чтобы они не выдали себя ржанием, и засылал свои некоторые стихи на работу в штаб противника, чтобы потом подорвать его изнутри.

В 1962 году я написал: «Поэзия — не мирная молельня. Поэзия — жестокая война. В ней есть свои, обманные маневры. Война — она войною быть должна». Этим я вызвал благородное негодование щепетильных неоклассицистов тем, что якобы низвел поведение поэта — жреца и оракула — чуть ли не до милитаристского хитроумия. Но постоянная жизнь в гигантском идеологическом лагере иногда заставляла применять по отношению к литературным вохровцам чисто лагерные приемы — например, «брать на понт».

Именно так я напечатал в «Комсомольской правде» в 1958 году стихотворение «В церкви Кошуэты» со сноской, что Ладо Гудиашвили был художником средневековья, которого преследовало тогдашнее духовенство. Ладо тогда был в глубокой безвестности, и в Москве ничего не заметили, зато вся Грузия хохотала, как провел за нос цензуру этот веселый сибирский мальчишка. Спохватившись несколько раз слишком поздно, цензура взяла меня на особую заметку.

Моя книга «Станция Зима» с одноименной поэмой и несколькими десятками стихов была безжалостно перекорежена при участии ее окончательных цензо-

Продолжение. Начало в № 5.

ров — директора издательства «Советский писатель» Н. Лесючевского и председателя правления издательства, «красного гардемарина» Л. Соболева. На мое счастье, в это время я написал множество новых стихов и заменил все выброшенное. Так книга «Станция Зима» неожиданно для самого автора превратилась в совсем другую книгу — «Обещание», куда из всей «зарезанной» Соболевым поэмы мне удалось включить лишь отрывок в виде стихотворения «По ягоды».

Одним из самых моих дерзких обманных маневров была публикация стихотворения на смерть Пастернака «Ограда». Имя Пастернака тогда в советской прессе было синонимом предательства Родины.

Напечатать это стихотворение даже без посвящения было невозможно, ибо образ Пастернака просвечивал в нем явственно. В это время умер поэт В. Луговской. Я испросил у его вдовы Е. Быковой милостивое разрешение временно перепосвятить мои стихи о Пастернаке Луговскому, чтобы удалось пробить цензуру. Все читатели прекрасно поняли, о ком идет речь, а вдова Луговского, печально улыбнувшись, сказала: «Володя не обидится. Он это поймет...» Вдова Луговского прекрасно знала, что такое цензура, ибо ее муж при жизни так и не смог напечатать, может быть, свое самое лучшее — «Алайский рынок» и некоторые другие поэмы, написанные белым стихом.

Мои отношения с цензурой складывались весьма двойственно. С одной стороны, мне удавалось иногда напечатать такое, что не удавалось никому, а с другой — мало кого из современных поэтов рассматривали под микроскопом так подробно, как меня. Долго я не мог напечатать даже такую строчку: «Не важно — есть ли у тебя преследователи». Приходилось печатать более нейтральное: «Не важно — есть ли у тебя исследователи». Какие же преследователи могли быть у нашего любимого народом поэта в его родной советской действительности!

Заглавие стихотворения «Одиночество» на несколько лет превратилось в «Верность». «Наш любимый народом поэт» не может быть одиноким! А вот верным должен быть всегда. Многие годы не удавалось включить в стихотворение «С усмешкой о тебе иные судят...» (1955) строчки: «Ты погляди — вот Николай Матвеич. А он всего трудом, трудом достиг». Нежелательный намек на Грибачева. Мне пришлось поменять Грибачеву отчество. В стихотворении «Мед», чтобы никто не усмотрел намека на историю, происшедшую с Леонидом Леоновым, строчку «сошел с них столп российской прозы» приходилось много лет заменять на другую: «сошел с них некто грузный, рослый». Мой собственный монолог «Мне говорят — ты смелый человек» (1961) во множестве изданий закавычен под заглавием «Разговор с американским писателем».

Архиепископ Иоанн Сан-Францисский однажды с улыбкой заметил мне: «Женя, а если бы не было американского империализма, как бы вы пробивали сквозь цензуру ваши стихи?» Я спасительно придумал название для «непроходимой» песни Окуджавы «Песенка американского солдата», и она сразу легализовалась. Написанное в том же году в Киеве стихотворение «Ирпень» я даже не предлагал в печать — настолько это было бессмысленно. Оно было напечатано спустя 27 лет, да и то журнал «Знамя» при всей его прогрессивности попросил меня смягчить строчку:

Голодает Россия, нища и боса,
но зато космонавты летят в небеса.

У меня старинный опыт «смягчать», и я «пожалел» редакцию: «Голодает Россия, редеют леса».

Можно было бы привести длинный перечень стихов, которые долгое время вообще не могли пройти цензуру. Но — пожалею читателя.

Есть ли совесть у тех людей, которые сейчас пытаются обвинить меня и других поэтов моего поколения в том, что во времена застоя мы якобы жили припеваючи, что нас якобы лелеяла партия? Если нас все-таки печатали, если все-таки нас время от времени выпускали за границу, то это только потому, что нас защищала любовь наших читателей. А такая читательская любовь, которая выпала на долю нашего поколения,— явление в истории мировой поэзии невиданное. Хотя далеко не во всем мы такой любви были достойны, этой любовью наши читатели как будто додавали все недоданное тем нашим предтечам, которые были гораздо талантливей нас.

Наши стихи были временями, в которые уже вселилось будущее. Уступая в культуре своим учителям XIX века и начала XX, мы, дети бараков и коммуналок, возможно, были сильней в инстинктах — в том числе и в инстинкте опасности, многое предугадали.

Я никому даже и не предлагал финальную строфу из стихотворения «Все, как прежде, все, как прежде в этом городе» (1962). А строфа была довольно выразительная: «Все обычно — и фасады, и названия, ни событий чрезвычайных, ни свержений, но во всем подозреваю назревание и возможность неожиданных движений». Прямо-таки об осени 1990 года, в преддверии пугающей зимы.

ПЛАТА ЗА КУСОЧКИ ПРАВДЫ

Цензура состояла из цензуры как таковой и из самоцензуры. Была самоцензура до написания, когда чувство самосохранения — одновременно спасительное и позорное — не позволяло даже нацарапать пером то, что таилось в душе. Была и самоцензура, которая заставляла выкидывать уже написанное.

Самоцензура, конечно, была не добровольной, а вынужденной. За право напечатать хоть кусочек правды приходилось расплачиваться либо потерями строк, либо смягчающим дописыванием. «Бабьему Яру» крупно повезло — он был напечатан без правки, лишь уравновешен двумя моими кубинскими стихотворениями на той же полосе. Лишь в партитуру 13-й симфонии Шостаковича под прямой угрозой запрещения этого гениального музыкального сочинения мной была добавлена строфа, ничего существенно не меняющая в главном смысле текста, но просто лишняя: «Я здесь стою, как будто у криницы, дающей веру в наше братство мне. Здесь русские лежат и украинцы, с евреями лежат в одной земле». Симфония исполнялась — правда, очень редко, а вот стихотворение не перепечатывалось в СССР 23 года.

В 1984 году директор Гослитиздата В. Осипов согласился на включение «Бабьего Яра» в мой трехтомник лишь при условии, что в авторской врезке я выскажу осуждение того, что израильское государство лишило палестинцев их собственной земли. Я ответил ему, что жертвы Бабьего Яра не могут нести за это ответственность, ибо при их жизни самого государства Израиль еще не существовало. Осипов не спорил, но со вздохом сказал мне, что иначе не сможет подписать мой трехтомник по не зависящим от него обстоятельствам. Тогда я предложил ему компромисс — напечатать эту врезку от имени издательства, а не от моего. Он только пожал плечами, красноречиво показывая глазами куда-то вверх.

Мне надо было принимать решение. Я задумался. За 23 года, прошедшие с напечатания «Бабьего Яра», выросло целое поколение, которое не имело физической возможности прочитать это мое проклятие антисемитизму, этот мой реквием по стольким невинно убиенным. За эти 23 года как на дрожжах вырос антисемитизм, толкающий советских евреев в эмиграцию, но садистически сочетающийся со столькими препонами в отъезде. Появилось образованное с горькой иронией от слова «спутник» слово «отказник». Подача евреями заявлений на выезд по закону порочного круга стала поводом для еще большего антисемитизма. Одна за другой появились несколько антисемитских брошюрок. Общество «Память» в той или иной форме всегда не дремало, ибо оно было частью всего общества. В то же время, если судить по заявлениям наших руководителей, еврейский вопрос у нас как бы не существовал.

Я решил пойти на компромисс, чтобы все-таки вернуть «Бабий Яр» читателям, даже заплатив налог за него совершенно ненужной врезкой. Я надеялся на догадливость читателей, которые сообразят, что эта врезка была только для того, чтобы снова пробить «Бабий Яр», хотя я не одобрял и не одобряю ничьи жестокости, в том числе и израильские по отношению к палестинцам, и палестинские по отношению к израильтянам (вспомним хотя бы террористическое нападение на израильских спортсменов на Мюнхенской олимпиаде, взрыв школьного автобуса с еврейскими детьми в Израиле). «Бабий Яр» был возвращен новым поколениям ценой этой не имеющей к нему никакого отношения врезки, а при следующих переизданиях я ее снял. Прав ли я был, идя на такой временный компромисс? С точки зрения максималистского пуризма — не прав, а с точки зрения стратегии борьбы за правду, когда за каждый ее кусочек приходилось платить? Вот и разберитесь в этом, потомки...

ХРУЩЕВ — АНТИСОВЕТЧИК?

Михаил Луконин когда-то так пошутил: «Раньше всегда Советская власть вела по отношению к поэтам политику кнута и пряника. Евтушенко стал первым поэтом, кто начал вести политику кнута и пряника по отношению к Советской власти». В «Ирпени» у меня были мрачные строчки на тему этой шутки: «Как коня, хомутали меня хомутом, меня били кнутом, усмехаясь притом. А сегодня мне пряники щедро дают. Каждый пряник такой — для меня, словно кнут». Кстати, видимо, я правильно сделал, что при печатании в 1987-м выкинул из «Ирпени» злые строчки про Хрущева, написанные в 1962-м: «Что — я этой эпохи лелеемый сын? Оцепляется проволокой Берлин, и в ООН по пюпитру, чуть-чуть под хмельком, обнаглевший хозяйственник бьет башмаком».

А может быть, я был не прав в моей самоцензуре, даже если она была не от трусости, а от доброты? Все-таки эти жесткие, безжалостные строки — правдивый эмоциональный документ эпохи, и стоит ли его «смягчать» задним числом?

В 1962 году после выноса тела Сталина из Мавзолея написал стихотворение «Наследники Сталина». Напечатать его было почти безнадежно. Когда я показал его Твардовскому, он сказал мне с мрачноватой иронией: «Спрячьте-ка лучше вашу антисоветчину в дальний ящик стола и никому не показывайте...» Так что от моих «Наследников» даже «Новый мир» отказался.

Но у поэтов моего поколения была особая типография — голосовая... Когда мы не могли напечатать стихи на бумаге, мы печатали их нашими юными ломающимися голосами на воздухе эпохи. Это был звуковой самиздат. Тогда еще не было кассетных портативных магнитофонов, и запись с голоса авторучками и карандашами шла прямо в студенческие блокноты. Обычно поэзию записывали так: садились рядом четверо студентов, первый записывал первую строчку, второй — вторую и т. д. Отчаявшись напечатать «Наследников Сталина», я начал их читать. На первом же исполнении в телевизионном театре (ныне ДК МЭЛЗа) несколько десятков людей встали и ушли, демонстративно хлопая стульями. Но на следующий день я шел по Кузнецкому мосту, и там, на книжной толкучке, уже продавали за трешку это же самое стихотворение, напечатанное на пишмашинке под ярко-фиолетовую копирку.

Твардовский оказался прав: нашлись добрые люди, которые меня сразу обвинили в «антисоветчине», и одним из них был не кто иной, как тогдашний председатель Союза писателей РСФСР Леонид Соболев. Редактор «Литературки» Косолапов, ранее мужественно напечатавший «Бабий Яр», когда я предложил ему «Наследников», честно признался, что не может решить это сам. Однако он дал мне телефон помощника Хрущева по культуре В. С. Лебедева и посоветовал отдать стихотворение ему. Я так и сделал. Лебедев был романтический интриган, влюбленный в Хрущева и тайно ненавидящий Аджубея. Впоследствии на встрече 1964 года, где подвыпивший Аджубей надел женскую косынку на голову и отплясывал что-то вроде «барыни» в фойе и тащил меня домой — продолжать веселье, кто-то, подошедший сзади, до боли сжал мой локоть и предостерегающе прошептал: «Евгений Александрович, не надо вам туда!» Это был Лебедев.

Но вот первый момент нашего знакомства. Лебедев, небольшого роста провинциал в дешевеньком костюме, из-под брюк которого выглядывали голубые кальсонные завязочки, сиял, доверительно сообщая мне, что он учился у моего деда Рудольфа Вильгельмовича математике. (Как я догадался, сопоставляя даты, дедушка в это время был в заключении и мог преподавать математику только в одной из школ ГПУ.) Лебедев был фотографом-любителем и доверительно показывал мне фотоальбом, главными героями которого были Нина Петровна и Никита Сергеевич. Мне запомнилась одна фотография, где они оба умиленно слушают, подняв глаза к небу, невидимого соловья.

Сентиментальный энтузиаст Лебедев пришел в восторг от моего стихотворения «Наследники Сталина», но затем задумался, наведя политический серьез на свое постепенно потускневшее после восторженного сияния лицо. Он сказал, что в таком виде эти стихи даже Хрущеву трудно будет напечатать. Он попросил меня сделать вставку, где бы прозвучали тема честного труда советского народа и тема героической победы над фашизмом, несмотря на сталинские репрессии. Кроме того, он попросил меня вставить слово «Партия» вместо слова «Родина». Мне пришлось пойти на эти уступки. Лебедев сказал, что он должен улучить особый момент, чтобы показать это стихотворение Хрущеву.

Прошло несколько месяцев. Я работал на Кубе вместе с Калатозовым и Урусевским, когда разразился карибский кризис. Прилетевший для переговоров с Фиделем Микоян на официальном приеме вынул из кармана привезенную им свежую «Правду»:

— Вот как меняются времена, товарищ Фидель. Раньше бы за такие стихи этого молодого поэта посадили бы...

Это было мое стихотворение «Наследники Сталина», напечатанное ровно за день до карибского кризиса. У самих наследников Сталина оно вызвало шок. Несколько крупных партаппаратчиков ЦК и МК КПСС написали Хрущеву письмо с жалобой на редактора «Правды» П. Сатюкова, напечатавшего на страницах партийной газеты эти антипартийные стихи. Они не знали, что это стихотворение было доставлено в «Правду» на военном самолете с резолюцией самого Хрущева.

Как это произошло?

Микоян рассказал мне, что Хрущев и он, находясь на отдыхе в Пицунде, побывали в абхазском селе. Когда председатель колхоза, старик абхазец, стал рассказывать о злодеяниях Сталина в Абхазии, то Лебедев, почувствовав сентиментально-гневное настроение Хрущева, подложил ему мое стихотворение. Вот как были напечатаны «Наследники Сталина», чье название сразу стало нарицательным.

На одном из секретариатов ЦК Хрущев, потрясая письмом «наследников Сталина» против моего стихотворения, кричал: «Если эти стихи Евтушенко и повесть Солженицына антисоветские, тогда я тоже антисоветчик!» Разъяренный Хрущев «под настроение» дал указание Ильичеву подготовить резолюцию ЦК об отмене цензуры.

Испугавшийся развития либерализации Ильичев хитроумно подготовил зал с выставкой модернистов внутри официальной выставки в Манеже и затащил туда Хрущева. Хрущев, до того никогда не видевший абстракционистов, пришел в сильнейшее раздражение. Особенно привела его в ярость картина, на которой были изображены красные пятна, похожие на лужи крови, неосмотрительно, а может быть, нарочно названная художником «Октябрь». Тут-то Ильичев и Суслов и прочие подсказали, что рано еще отменять цензуру, иначе наводнение буржуазных влияний смоет все завоевания Октября.

После этого Хрущев и начал резко «закручивать гайки», обрушившись на художников и писателей. День перед карибским кризисом был, пожалуй, последним днем, когда «Наследники Сталина» могли быть напечатаны при Хрущеве и потом при Брежневе. Я смог их напечатать без вписанных двух строф и слова «Партия» — только через 26 лет — в «Неделе».

Любопытно и страшно, что и через четверть века это стихотворение снова вызвало поток возмущенных писем, написанных все еще существующими сталинистами.

Был ли я прав, согласившись на поправки? Думаю, да. Даже в правленом виде это стихотворение сыграло свою роль в истории, особенно потому, что было напечатано в «Правде», а не в каком-то эмигрантском журнале. Сейчас самые популярные общественные фигуры — это народные депутаты-демократы. В конце пятидесятых — начале шестидесятых годов, когда не существовало политики, а была лишь ее видимость, одинокими фигурами с гражданской репутацией народных депутатов являлись поэты, а их стихи были единственными политическими речами.

ВАНЬКА-ВСТАНЬКА И ИДЕОЛОГИЧЕСКИЕ ХАНЫ

Партийно-комсомольская бюрократия, став коллективной цензурой нашей поэзии, постепенно эволюционировала до тончайшего понимания каждого поэтического нюанса. Однако повышение читательской квалификации надсмотрщиков означало и повышение надсмотра.

Лебедев устроил мне истерику, угадав в стихотворении «Паноптикум в Гамбурге» сатиру на Хрущева и его окружение: «Так-то вы отблагодарили Никиту Сергеевича за его заботу о вас и других молодых писателях».

Секретарь ЦК ВЛКСМ Павлов догадался, что один из подтекстов «Сказки о русской игрушке» — это противоборство одинокого художника с идеологическими ханами, и язвительно говорил мне: «Вы что, меня за дурачка принимаете? Разве я не вижу, что ваш Ванька-Встанька — это не кто иной, как Евтушенко, а заплывший жиром хан — это Никита Сергеевич. И вы еще хотите, чтобы я рекомендовал «Комсомолке» это печатать?» Уже упоминавшийся редактор, похожий на акул империализма, разоблачаемых его газетой, попыхивал мне в лицо сигарой: «Я напечатаю вашего «Стеньку Разина», только без строфы: «Ладно, плюйте, плюйте, плюйте,— все же радость задарма. Вы всегда плюете, люди, в тех, кто хочет вам добра». Ну зачем называть дружескую партийную критику в ваш адрес плевками?»

И все-таки каким-то чудом мне удавалось напечатать и «Картинку детства», и «Нефертити», и «Про Тыко Вылку», и «Балладу о штрафном батальоне», где так или иначе был ответ на град оскорблений, когда про меня писали, что я набил «несмываемые синяки предательств».

В 1965 году был первый на моей памяти официальный вечер, посвященный Есенину. Поэзию Есенина долгие годы держали «на отшибе», в школах ее не преподавали, называя «упадочной». Почему так неожиданно решили возвеличить Есенина? Да потому, что ни из Василия Федорова, ни из Егора Исаева, ни из Владимира Фирсова, как ни старались критики, не получалось должного противовеса нашему поэтическому поколению. Нашу популярность решили сбить, взвинчивая популярность Есенина. Нас, на него не похожих, но все-таки кровных наследников, захотели поссорить с ним.

Я предложил издательству «Молодая гвардия» написать две книги для ЖЗЛ — о Маяковском и о Есенине, но мне их не доверили. Есенина начали монополизировать агрессивные шовинисты, литературные охотнорядцы. Я не поверил своим глазам, когда увидел напечатанные черным по белому некоторые имена тех, кто травил Есенина при жизни, на афише есенинского вечера в Колонном зале. Я написал в день выступления гневное и горькое «Письмо к Есенину» и дописывал его в президиуме.

Чтобы молодые читатели поняли происхождение строк «Когда румяный комсомольский вождь...», поясню. Тогдашний первый секретарь ЦК ВЛКСМ С. П. Павлов был человек недюжинной организаторской энергии и обаяния. Во время Хельсинкского фестиваля в 1962 году он проявил большую личную смелость, спасая подожженный неофашистами советский клуб. Когда я ночью написал «Сопливый фашизм», Павлов поднял всю делегацию на корабле ранним утром и попросил меня прочесть стихотворение прямо на палубе. А в полдень мы шли маршем по направлению к стадиону, и всем делегатам уже раздавали мое стихотворение, переведенное за несколько часов и распечатанное на финском, английском, немецком, испанском, французском.

«Зачем тебе нужно писать такие стихи, как «Бабий Яр»? — сказал он мне в Хельсинки.— Писал бы ты такие стихи, как «Сопливый фашизм», и мы бы тебя сделали первым национальным поэтом». Он, видимо, не понимал, что, если бы я не написал «Бабьего Яра», у меня бы не было морального права писать «Сопливый фашизм». Павлов на многотысячном митинге по возвращении в Москву на вокзале назвал меня «героем фестиваля».

И вдруг именно он после разгрома абстракционистов в Манеже стал резко нападать на поэтов нашего поколения, упрекая нас в том, что в зарубежных поездках мы, вместо того чтобы ставить пулеметы на идеологических высотах, расставляем столики для коктейлей. Я в то время только что вернулся с армейских сборов на Кавказе. На одном из пленумов ЦК ВЛКСМ Павлов возмущенно показывал газету Кавказского военного округа, где я был изображен читающим стихи с танка, и кричал: «Еще неизвестно, в какую сторону повернуты танки, с которых читал стихи Евтушенко!» Вот в какой атмосфере рождалось мое стихотворение «Письмо Сергею Есенину», прочтенное мной в Колонном зале на есенинском вечере для «партийного актива города Москвы».

Телевидение было технически неумелое, и почти все передачи были прямые. Но где-то на середине моего стихотворения на всех экранах СССР заплясало: «Передача прервана по техническим причинам». С того случая все прямые литературные передачи отменили.

Стихотворение «Письмо Есенину» было растиражировано самиздатом, думаю, не в десятках, а в сотнях тысяч копий. Уже через несколько дней я получал читательские поздравления с этим стихотворением из самых-самых «медвежьих углов», с кораблей, находящихся в далеком плавании. Кажется, я был первым человеком, нашедшим для кровавых лет сталинщины четкое, простое определение: «война с народом». «Какие стройки, спутники в стране, но потеряли мы в пути неровном и двадцать миллионов на войне, и миллионы на войне с народом».

Напечатать это стихотворение мне удалось лишь через 22 года. Но зато не было ни одного человека нашего поколения, который не знал бы «Письма Есенину». Говорят, что Павлов планировался на должность секретаря ЦК по идеологии после Ильичева, но Суслов якобы сказал: «Человек с такой пощечиной, как стихотворение Евтушенко, не может быть секретарем по идеологии». Павлова «бросили» на спорт, а затем отправили за границу — сначала в Монголию, потом в Бирму. Словом, он должен был ненавидеть меня, ибо я ему сломал карьеру.

Однажды мы случайно встретились с ним на встрече Нового года в ЦДЛ — он сидел за одним столиком с певицей Майей Кристаллинской. Вид у него был какой-то затравленный — вид человека, ожидающего, что его каждую минуту кто-нибудь может оскорбить. Мы столкнулись в курилке, и вдруг он неожиданно для меня сказал, что я был прав в своем стихотворении.

В 1986 году, когда бирманские власти не давали мне визы, наш посол в Бирме Павлов послал мне приглашение быть его гостем. В этом случае визу были обязаны предоставить. Я согласился. В Рангун я прилетел поздней ночью из Вьетнама. Еще из-за стойки паспортного контроля я увидел Павлова. В его руках были цветы, а в глазах просматривалась напряженность, которую не удавалось прикрыть улыбкой. Некоторые посольские работники с плохо скрываемым, нехорошим любопытством наблюдали, что же произойдет во время нашей встречи. Поняв всю двусмысленность этой ситуации, я первый сделал шаг к Павлову, и мы по-дружески обнялись.

Он вел себя по отношению ко мне безукоризненно во время всего моего пребывания в Бирме. Однажды за ужином я спросил его, кто его заставил напечатать фельетон про меня в «Комсомолке», и вдруг получил ошарашивший меня ответ: «Никто. Я сам. Был момент, когда я потерял голову от власти. Когда часто разговариваешь по вертушке, когда на твоем столе все время кипа бумаг с надписью «совершенно секретно» — нелегко не проникнуться самомнением. Об этом мне, правда, никто не говорил, за исключением одного человека. Это был мой отец. Ну, что же, твое стихотворение было мне серьезным уроком».

Порой цензура принимала маниакальный характер — им виделось то, что мне даже не мерещилось. В 1964 году я прочел по телевидению мое стихотворение «Качка», после чего разразился страшный скандал — заподозрили мой намек и на только что происшедшее снятие Хрущева, и на общее состояние социализма как на качку. Стихотворение мной было написано за год до того в Баренцевом море, в момент настоящей качки, когда ни о каком Хрущеве я и думать не думал.

Жирный редакторский карандаш подчеркнул в рукописи книги «Катер связи» невинные лирические строчки: «И глядели девочки на свечи и в неверном пламени дрожащем видели загадочные встречи, слышали заманчивые речи». На полях рядом с последней строчкой, ничего общего не имеющей с политикой, было написано с тремя (!!!) восклицательными знаками: «Это что, намек на октябрьский Пленум ЦК?»

В 1974 году тогда еще не перестроившийся редактор «Октября» Ананьев снял из 11-го номера мое стихотворение «Плач по брату», ссылаясь на то, что его не пропускает цензура, узревшая там мой плач по высланному Солженицыну. Я пожаловался на цензуру в ЦК — иногда это помогало. В моем присутствии помощник Демичева позвонил главлитовскому начальству. Те заявили, что они моего стихотворения не снимали — его снял сам Ананьев,— да еще иповозмущались, то ли ханжески, то ли искренне, теми редакторами, которые ссылаются на цензуру, а на самом деле все снимают сами.

«Письмо в Париж» (1966), посвященное Георгию Адамовичу, цензура снимала раз десять — негоже советскому поэту воспевать какого-то эмигранта. Удалось его опубликовать лишь через 22 года. Слава Богу, что Георгий Викторович успел с ним познакомиться незадолго до своей кончины.

18 раз цензура снимала из различных журналов и сборников одно из моих самых любимых стихотворений «В ста верстах» — о крестьянках, которых невесть за что сослали невесть куда, вот они и вообразили, что это был плен, только «свой».

Альберт Беляев, работавший тогда в Отделе культуры ЦК, посоветовал мне заменить выражение старух о плене на слово «чужой», вместо «свой»: «А в каком плену, бабусь, в германском, что ль?» — «У чужом, касатик милый, у чужом». Я, скрепя сердце, согласился. Но это не помогло — главный цензор СССР тов. Романов, лично занимавшийся мной, не поставил своего штампа.

По совету Беляева я пошел к секретарю ЦК КПСС по идеологии М. Зимянину. Он был откровенен. «Вы всю коллективизацию показываете как преступный абсурд,— сказал он.— Но разве можно перечеркивать целый период жизни государства? Без коллективизации мы бы не выиграли войну с немцами. Конечно, в коллективизации были свои ошибки, перегибы. Даже Сталин это признавал... Но у вас же тут художественный образ, обобщение! Да еще и написано сильно».

Зимянин, который лично ко мне относился весьма неплохо, тем не менее весьма часто и весьма легко впадал в ярость по поводу того, что я пишу и делаю. В 1980-м на встрече с учащимися ВПШ он напал на мое стихотворение «Директор хозяйственного магазина», обвиняя меня в том, что я призываю народ к погромам магазинов.

Особенную ярость Зимянина вызвала моя невинная статья о Монголии в «Лайфе», на которую ему, очевидно, нажаловались цеденбаловские подручные. Его почему-то трясло от слова «лайф». Когда я пришел к нему жаловаться на то, что цензура сняла из «Крокодила» мое сатирическое стихотворение «Приключения мысли», то, читая его в моем присутствии, он от возмущения несколько раз вскакивал со стула, крича: «Это издевательство над всей советской жизнью, над нашим строем!» При начале перестройки Зимянин несколько раз впадал в истерики — так, он буквально бесновался перед съездом писателей СССР, перед пленумом правления СП РСФСР, потребуя, полуупрашивая писателей не упоминать еще не напечатанный тогда роман «Дети Арбата» Рыбакова, который он сам называл антисоветским.

Зимянин не замечал, что с каждым днем он все больше и больше становится анахронизмом. Его трагедия была в том, что, будучи субъективно честным человеком, в силу своей запрограммированности на так называемую идеологическую борьбу он превратился в разновидность верного Руслана — лагерной овчарки из повести Владимова, которую учили брать мертвой хваткой всех, кто посмеет выйти из колонны заключенных. Зимянин, как и другие идеологи, был настолько занят надзирательством, что почти не бывал в театрах, и если что-нибудь читал — только по служебной необходимости. Такие люди, руководя культурой, сами в ней ориентировались еле-еле.

Но все-таки была у них культура чтения — правда, особого склада. Они понимали силу слова, понимали, как самый вроде бы мягкий подтекст может становиться рычагом исторических перемен.

Окончание следует.

ОГОНЁК

ПОХВАЛА ЗДРАВОМУ СМЫСЛУ

Илья ЦЕНЦИПЕР

Бродишь своего рода Вергилием огоньковского читателя по выставкам и вернисажам и размышляешь о письме постоянного подписчика журнала Т. О. Шухминой из Москвы. Во-первых, это первый отклик такого рода в моей жизни. Во-вторых, тов. Шухмина спрашивает, какое мне направление по душе и вообще чем я руководствуюсь, оценивая выставки и работы художников.

Настали, тов. Шухмина, странные времена, когда все смешано и перепутано: высокое искусство с низким, общедоступное — с малопонятным, подполье — с истеблишментом. Последние времена, на что и указывает название нашей рубрики. Художественные партии потеряли всякий смысл. Изобрести что-то новое невозможно. Повторение известного нас тоже не устраивает, потому как вся наша культура основана на предположении, что новое лучше старого: есть такая модернистско-коммунистическая идея. Никаких критериев в современном искусстве найти не удается: оно отпало не только от Бога, но и от Будущего, и от Партии, и уж тем более от разных прочих партий. Не могу сказать, что я в восторге от этой ситуации, но деваться от нее некуда.

Остается уповать на вкус, неизвестно на чем основанный. Вкус же в наше безыдейное время начинает подозрительно смахивать на здравый смысл. И нам сегодня остается положиться на него.

Три выставки, выбранные для очередного обозрения, призваны продемонстрировать горизонты здравого смысла. «Авангард» оказывается интеллектуальным китчем («Агасфер»), народное творчество наводит на те же мысли, что и самое изысканное («От наивного искусства до китча»), а к хорошему художнику с джентльменским набором «направлений» оказывается невозможным подступиться («Графомания» Леонида Тишкова). Деление искусства на «этажи» и раздача принятых ярлыков не работают, зато на уровне здравого смысла можно попробовать понять, что происходит.

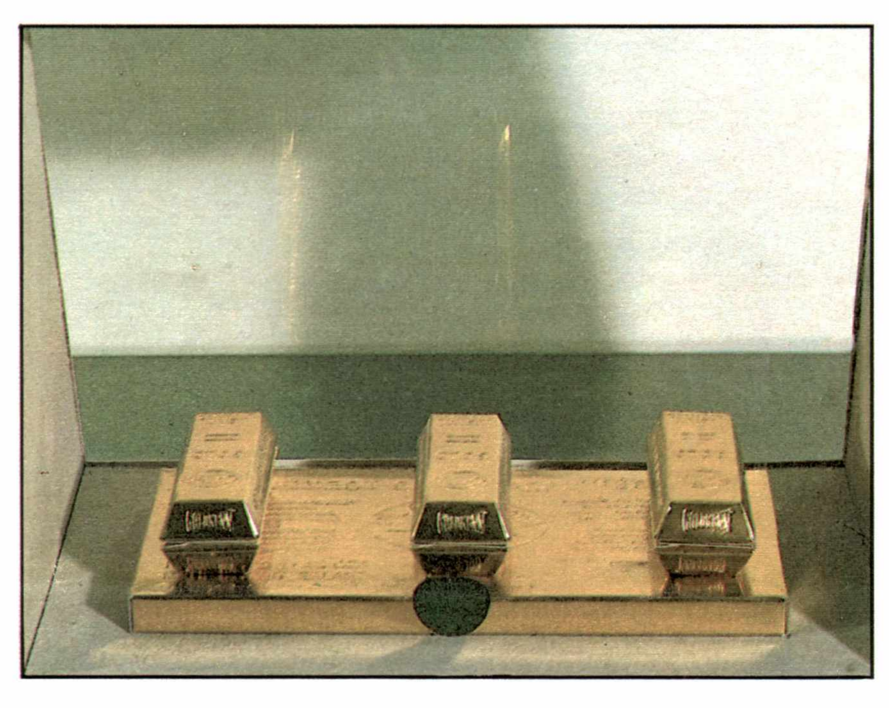
Происходила, например, в зале на улице Миллионщикова выставка с чудовищным названием «Агасфер». У зала (который обычно называют «Каширкой») отличная репутация вопреки тому, что он удален от центра и подчиняется районному управлению культуры. Напомню только о двух выставках прошлого года: безупречном «Исследовании документации» «Коллективных действий», предпринятом Иосифом Бакштейном, и хорошего музейного уровня экспозиции «В сторону объекта».

На этот раз в зал пустили молодежь. К молодежи я, по правде говоря, отношусь с подозрением и потому отправился полюбопытствовать: что за молодежь такая достойная?

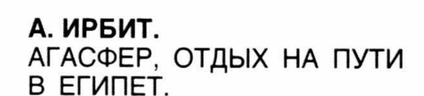
Вхожу. Темно. Из какого-то террариума среди пола доносится неимоверно авангардная музыка. Сквозь толпу удалось разглядеть внутри трубача А. Соловьева, художника Б. Мамонова, неизвестного гитариста и одного ползающего молодого человека в белье. Ужасно, понятное дело, радикально. Этакий «Нью-Йорк, Нью-Йорк» образца шестьдесят пятого года: как бы, значит, «Бархатное подполье» играет, как бы Ультра Вайолет «тусуется», как бы Уорхол выставлен. Картин, впрочем, не видно — темно...

Включили, наконец, свет. Ба! Хипаны. Волосатые! Я грешным делом думал, их уж давно нет. Моя спутница, вообще довольно приличная дама, почуяв дуновение ранней молодости, хихикая, села на пол. Хотелось делать любовь, а не войну, отпустить хаир* и изрисовать весь бэк* пацификами*.

Однако после осмотра произведений опять захотелось делать войну. Искусство большинства авторов напоминает диатез: проявление аллергии на официоз, попутно на образование, и все. Кажется, главное назначение его — демонстрировать «крутизну» авторов и их причастность к некоему «кругу». Можно



Д. ФИЛИППОВ.
ЗОЛОТОЙ ФОН.



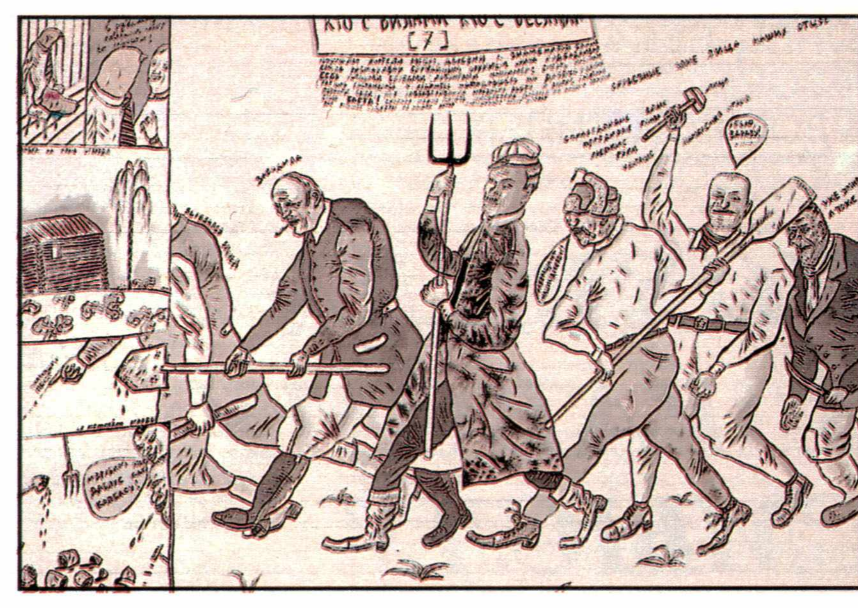
А. ИРБИТ.
АГАСФЕР, ОТДЫХ НА ПУТИ В ЕГИПЕТ.

определить такое искусство как эмблематическое и отнести его к тому же кругу явлений, что и длинные волосы у не случайных здесь хиппи.

Отметим работу корифея Звездочетова да элегантные маленькие концептуальные штучки Д. Филиппова. Маленькие объекты, кажется, по-прежнему в моде...

У остальных, надо думать, все впереди. А именно — Рига, Минск, Киев, Тбилиси. Экспедиция «Агасфер» будет вести поиски с целью пополнения выставки и, Бог даст, кого-нибудь найдет. В Москве же даже вернисажные хиппи оказались не настоящими — «янгами»... Отдохнул душой я в соседнем зале на выставке анималистов под названием «Спаси и сохрани». Покуда корь не пройдет, занялись бы и рядом чем-нибудь подобным: кошек там всяких рисовать, гекконов...

Прим. ред. На сленге хиппи: хаир — волосы, бэк — спина, пацифик — символ мира, янг — молодой хиппи.



Л. ТИШКОВ. ИМИ ДВИЖЕТ СПРАВЕДЛИВОСТЬ.

Л. ТИШКОВ.
СОЛДАТ, ЗАЩИЩАЮЩИЙ ДАБЛОИД.

Л. ТИШКОВ.
НАДЕЖДА СПАСТИСЬ ВСЕГДА ЕСТЬ...

Творчество Леонида Тишкова было представлено двумя почти одновременно открывшимися выставками: в Центральном Доме художника и на теперь уже Тверской, 25. На Крымском «Московская палитра» показала выставку «TROE» — Тишков, его сосед по мастерской Г. Берштейн и В. Сальников (последние заслуживают отдельного разговора). А на Тверской, куда Союз художников обычно затыривает своих нелюбимых, персональная выставка называлась «Графомания».

Тишков создает монументальные «проекты», состоящие из произведений живописи, визуальной поэзии, рукописных книг, изящно нарисованных альбомов, скульптуры и нежнейших акварелей. На «Графомании» зритель может видеть, например, некоторые части «Проекта даблоидизации». Книжки с картинками повествуют об отдельных фрагментах истории существ, называемых даблоидами. Написанные в красной гамме холсты запечатлевают даблоидов в особо драматичные моменты их жизни. Скульптура изображает отдельных представителей даблоидной расы (похож даблоид на эдакую здоровенную красную ступню с хвостом). Хотя проект обильно иллюстрирован такого рода произведениями, большая часть его остается за рамками выставленного, за рамками отдельных работ и, кажется, за рамками человеческих возможностей. Зритель поэтому напряженно пытается соорудить из известных ему обрывков историю даблоидов или хотя бы понять, что это все такое.

Среди героев других проектов — «стомаки», «живущие в хоботе», «дым». Каждый из несообщающихся миров Тишкова основан на собственной логике, всякий раз скрытой от зрителя. Переходя от проекта к проекту, Тишков меняет материал, манеру, метод: трудно предположить, что «Люди моей деревни» и «Палимпсесты» созданы одним автором. «Я» распадается в непересекающихся пространствах, «я» оказывается лишь темпераментом, лишь неутолимой жаждой творчества, обуревающей графомана. Эта стихия проявляется в каждом из проектов иронической фигурой автора-персонажа, бесконечно покрывающего разнообразные носители информации своими бесхитростными повествованиями.

Проект неизбежно предстает в виде собрания случайных обрывков и явно недостаточных сведений о каком-то большом сюжете. Разомкнутость проектов, их способность бесконечно присоединять все новые части создают ощущение чудовищной — от химии до психоанализа — разработанности этих миров, их равновеликости посюстороннему миру.

Тишков едва ли не в большей степени писатель, чем художник, в том числе

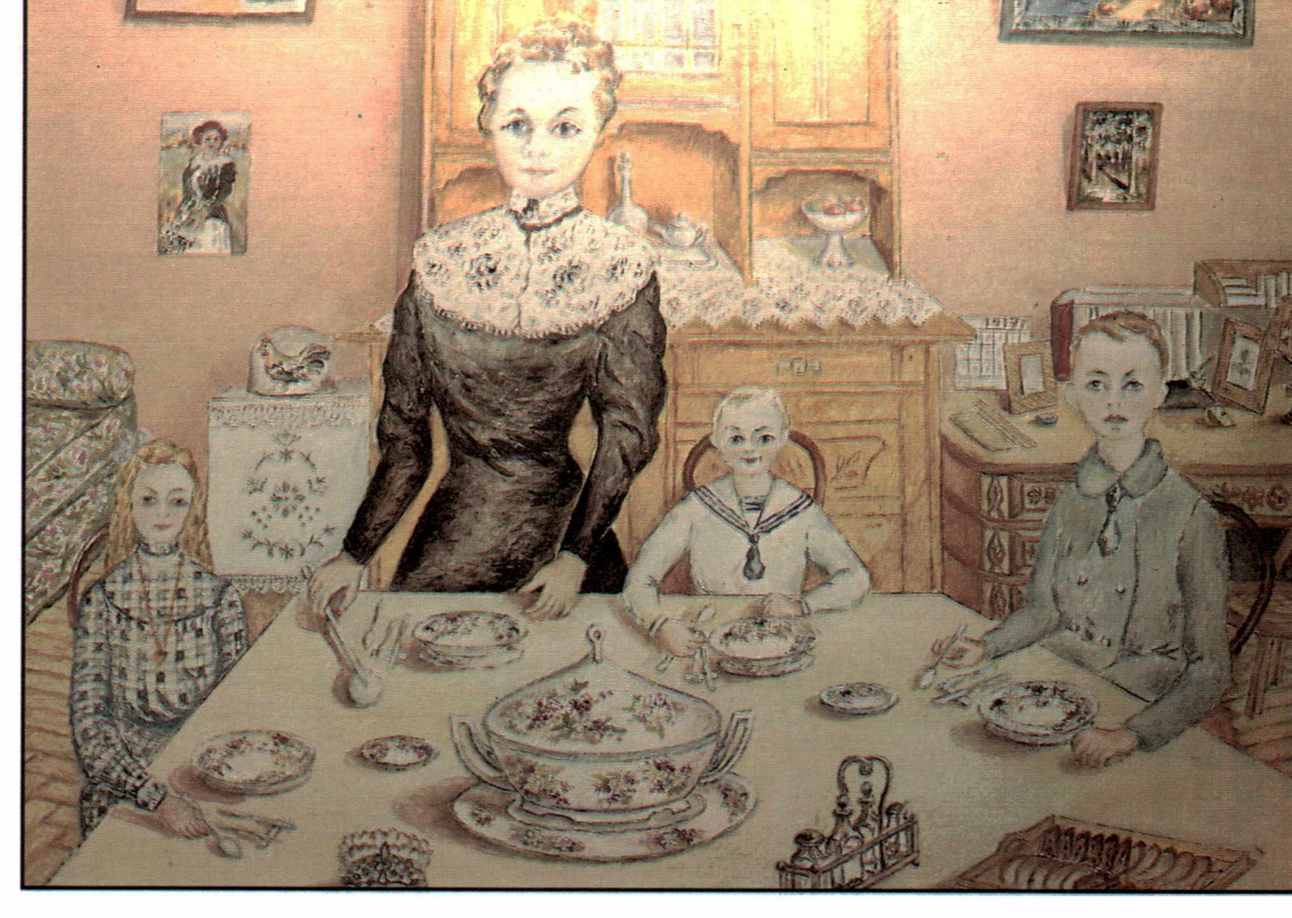
Л. ТИШКОВ.
ДЕВОЧКА С ДАБЛОИДОМ.

В. ГРИГОРЬЕВ. ПАСХАЛЬНЫЙ НАТЮРМОРТ.

П. ЛЕОНОВ. РУССКИЕ ПУТЕШЕСТВЕННИКИ НАД АФРИКАНСКИМ КОНТИНЕНТОМ.

и в своих отношениях с традицией. «Проект даблоидизации» многое связывает с «Носом». Мир даблоидов — мир литературной метафоры. «Проекты» строятся по законам литературного гротеска. В то же время «проекты» — концептуальные эксперименты над языком и восприятием, в которых не находится подходящих ячеек ни для вводимого в них Тишковым даблоида, ни для самого жанра «проекта». К сожалению, здесь нет места для обсуждения таких захватывающих тем, как вопросы отношения тишковского творчества с Кафкой, с плохой научной фантастикой или с традицией «картинки с подписью». Главное, что, напечатав эти заметки, «Огонек» поневоле включается в разработку «Проекта даблоидизации».

А. ГЕРМАН. М. С. ГОРБАЧЕВ.



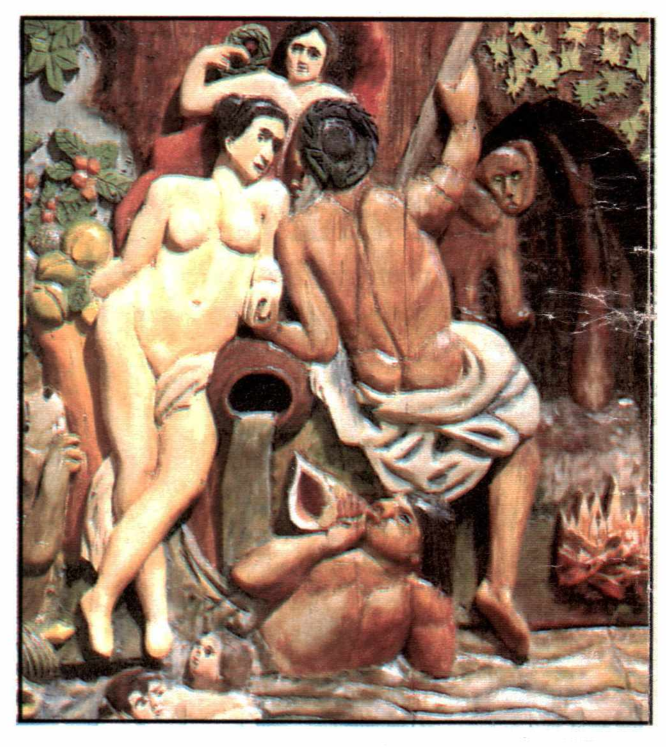
Э. МИЛЬТС.
СТАРАЯ МОСКВА.

Тему традиций хочется обсудить скорее в связи с выставкой «От наивного искусства до китча», организованной на деньги «Социнновации» в узбекском павильоне ВДНХ, переименованном ныне в «Советскую культуру».

Статистически среди героев наивного искусства лидируют литераторы: Пушкин, Есенин, Ленин — в порядке убывания популярности. Интересно, что если Есенин совершенно сусален, а Ленин изображается более или менее в русле официальной иконографии, то Пушкин в народном сознании совершенно универсален. Пушкин возникает среди группы голых «нищих», с «женой Пушкина» в трогательном уюте, у цыган, в тоске, в военной форме... Единственный непременный атрибут его — бакенбарды. Пушкин — плут, нарушающий любые границы и меняющий всевозможные личины. В разговоры о Пушкине, как известно, углубляться небезопасно, и потому не буду искать приключений на голову редакции. Да и что удивляться, если на могиле А. П. Керн, по слухам, принято среди населения окрестностей клясться в любви и верности в день свадьбы!

Но вот ведь как странно, что Пушкин народного сознания, Пушкин мифологический схож с Пушкиным Абрама Терца. Что нарисованные умельцами для красных уголков портреты вождей не отличить от соц-арта. Что самый през-

Неизвестный художник.
ОБНАЖЕННАЯ (Боттичелли).

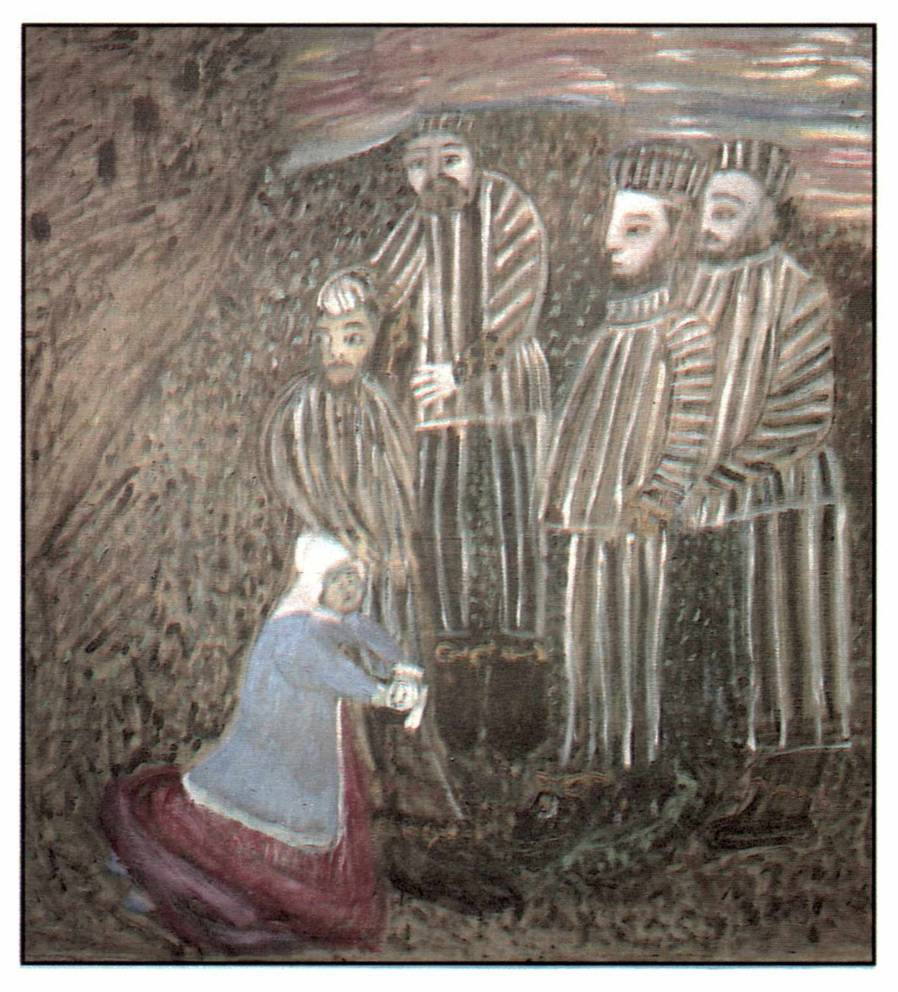


А. ПИЧЕРИН.
РЕЛЬЕФ «СОЮЗ ЗЕМЛИ И ВОДЫ».

ренный, как принято говорить, «китч» неожиданно порождает коллажи, разительно напоминающие несколько уже старомодные «трансавангардные» упражнения. Так называемая «высокая» культура доигралась с образами «низкой» почти до слияния, между тем как «низкая» вбирает — в профанированном виде — все более значительную часть «высокой».

Не нужно, однако, особого здравого смысла, чтобы полюбить работы П. П. Леонова, представленные на выставке,— от загадочных «Русских путешественников над Африканским континентом» (обязанных сюжетом, возможно, «Доктору Айболиту») и заставляющего вспомнить самые классические примеры «наива» «Цирка» и до ритуально серьезного «Приема в комсомол». Или портрет Михаила Сергеевича работы А. Т. Германа — в нарисованном в 1984 году портрете этом гениально была предугадана ангелическая бесплотность изобретателя перестройки. Или поразительные работы А. Г. Пичерина, который переводит в дерево и раскрашивает наиболее популярные образчики классического искусства — от «Явления Христа народу» до «Союза Земли и Воды». Замечательно, что ни в одной из подписей к рельефам не указан автор прототипа — только название.

На прощание еще раз рекомендую читательнице верить себе и собственному здравому смыслу.



А. ДИКАРСКАЯ.
КНЯГИНЯ ВОЛКОНСКАЯ У ДЕКАБРИСТОВ.

М. БЕЛОВА.
ЗА ТРИ ДНЯ ДО ДУЭЛИ.

Неизвестный художник.
КУПАЛЬЩИЦЫ.

ОГОНЁК

Алла БОССАРТ

СТЕПЕНЬ СВОБОДЫ

Опыт творческого подполья укоренил в нас недоверие и даже некоторое презрение к прижизненному успеху. Не только советская, но и русская культура в самых высоких образцах зачастую складывалась как диссидентская. Наилучшей почвой для создания шедевров не раз оказывался андеграунд — в известном смысле все мы вышли не столько из «Шинели», сколько из Болдина: природа русского художника не терпит камергерского мундира, блеска, сытости и признания.

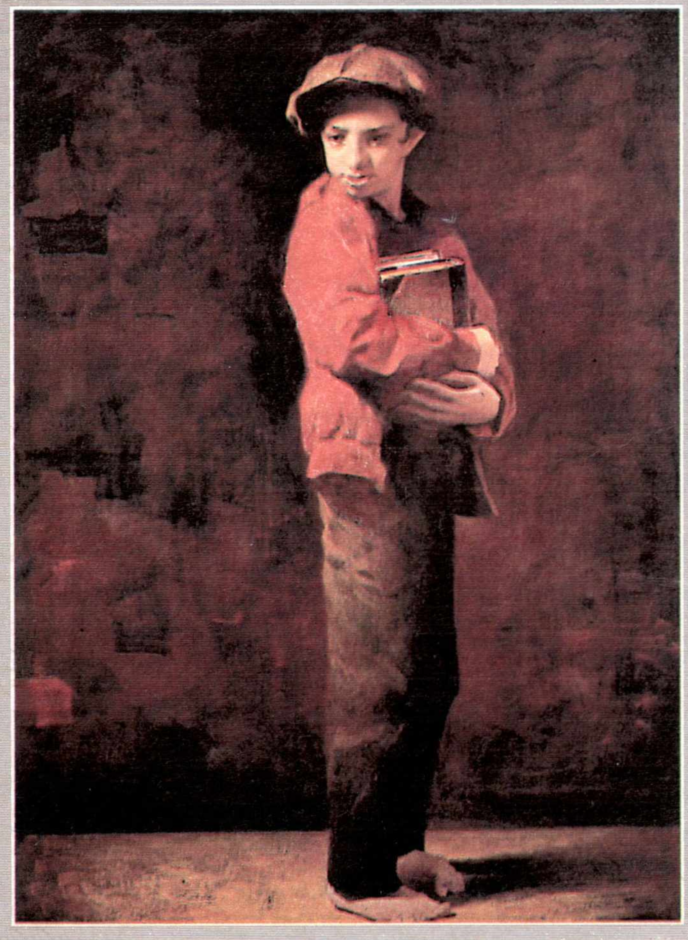
С некоторых пор этот тезис пошатнулся — с тех самых пор, как русских художников приохотились выдворять за рубеж. И оказалось, ни деньги, ни комфорт искусству не помеха.

Марк Клионский — художник не только успешный. Он еще и модный художник. Если бы обыватель в Америке вообще интересовался живописью так, как это свойственно совет-

Марк КЛИОНСКИЙ. ПОРТРЕТ ДИЗИ ГИЛЛЕСПИ. 1988.

МЫ НЕ РАБЫ. 1990.

МАДАМ РИЧМАН. 1990.



ЕВРЕЙСКИЙ МАЛЬЧИК. 1986.

скому обывателю, Клионского можно было бы сравнить с Глазуновым. Предрассудки каверзны. Поколение, воспитанное авангардом, и не только его эстетикой, но и менталитетом,— с трудом воспринимает эстетику и менталитет академизма, его респектабельность и культ мастерства.

Клионский — блистательный мастер. Он умеет все. Каждая его работа — это демонстрация классной техники, какое направление он ни осваивал бы — соцреализм, сюрреализм или суперреализм, демонстрация техники живописи и рисунка. Еще анатомические штудии Клионского, выполненные в ленинградской Академии художеств, включались впоследствии в учебники и антологии графики. Одно это свойство уже объясняло бы популярность Марка Клионского у американского истеблишмента, и уже одна эта популярность сделала бы его очень богатым, престижным портретистом. Но Клионский привез в Америку не только свою блестящую технику. Он привез также тему. Эта тема не востребовалась дома, в дружной семье народов, где в национальном самосознании отказывалось одному из народов — еврейскому. Еврейская тема Марка Клионского — существеннейший мотив его творчества — на родине была вообще неизвестна. В Америке она стала составляющей уже не моды, а славы.

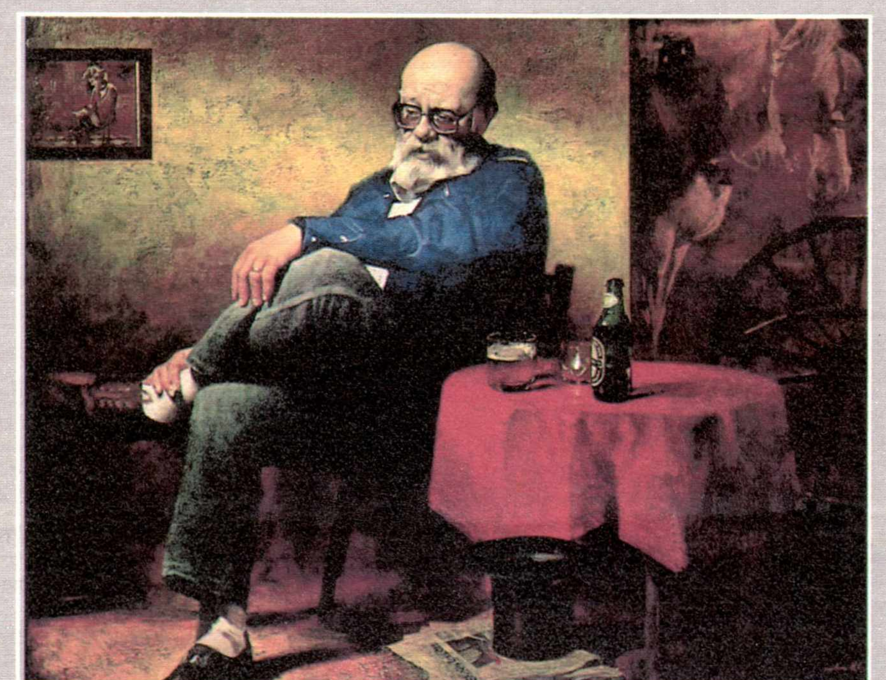
«Еврейские» офорты — пожалуй, самая мощная и пронзительная

УШЛА. 1988.

часть всей массы его творчества, хотя по преимуществу он не график, а живописец. Но, рассматривая именно эти черно-белые листы, угловатые и скромные, даже аскетичные по выразительным средствам,— не замечаешь ни техники, ни мастерства художника. Прямо и непосредственно отзываешься на боль.

Новая живопись, как и новая литература, утратила в наше время свои прямые функции, исконную задачу — воздействовать на душу. Они поменялись инструментарием: литература стала подчеркнуто изобразительна, графична и живописна, живопись — литературна, перечислительна, интеллектуальна. И в результате обе оказались переориентированы с души на разум. Читатель и зритель получают изысканную пищу, безумно интересно приготовленную, и нам лестно включиться в предложенную игру: КАК сделано? И выиграть в ней. Как нам кажется. На самом деле это сокрушительный проигрыш, потому что многие крупные художники — Шемякин, Брускин, в поэзии — Бродский, как в кино, например, Сокуров — угощают потребителя гениальной, виртуозной, доведенной до уровня шедевра формой, которой невозможно сопереживать. В очень большой степени это относится и к Марку Клионскому, произведения которого великолепно придуманы, просчитаны и исполнены. Он виртуозно играет со зрителем, апеллируя к его уму и нервным окончаниям, достигая поразительных световых и цветовых эффектов, которые позволили, например, поместить его сияющее полотно «В руках Бога» в галерею Богородиц Кристального собора в Лос-Анджелесе. Однако чудное свечение этого полотна — конечно же, инструментальный фокус, как и луна Куинджи, как и знаменитый чеховский осколок бутылки. В этом, мне кажется, кроется загадка технического всесилия Марка Клионского, с волшебной легкостью меняющего манеру, палитру, проблематику. Он рассказывал мне, как в начале своей эмиграционной одиссеи, в Риме, оказавшись перед собором Св. Павла, лег на камни площади и заплакал, всем существом ощутив наступившую свободу. Да, вырвавшись из тисков соцреализма, художник, вероятно, физически пьянеет от сознания, что все можно. Марк Клионский — мастер щедрых возможностей. Несмотря на свой уже очень зрелый возраст (ему за шестьдесят), он изобретает с юношеской неутомимостью. Но мне кажется, что в своей феерически разнообразной живописи он не достиг той степени свободы, какая обнажилась в его же скорбных «еврейских» офортах.

И только сейчас, упившись, должно быть, своим мастерством, насытившись «игрой в бисер», он вновь восходит к истинной свободе — свободе выражения собственной боли. Спустя много лет художник впервые приехал в Россию. В Россию, которая жила в нем, в его собственном душевном подполье, конечно, всегда — потому что он художник. Безусловный и большой. И, опьяненный, он протрезвел. И, вернувшись, потрясенный, стал писать лицо России, которое открылось ему в истинном, голом свете своих терпения и силы.



РАЗМЫШЛЕНИЕ. 1988.

РОССИЯ БЕРЕМЕННА. 1988.

Владимир МАКАНИН

ЛАЗ

Рисунки
Вячеслава ЛОСЕВА.

...ДЫРА СТАЛА УЖЕ, Ключарев протискивается до самой горловины, вползая и цепко держась. В узком месте он может уже расслабиться, удерживаясь за счет трения о землю. Зависнув, он подымает лопату в правой руке, то есть над головой,— движение кистью, и он выбрасывает лопату наружу, и даже улавливает слухом, как она там упала, несильно скрежетнув. Затем он спускается вновь на самую верхнюю перекладину лестницы, берет лом, к счастью, нетяжелый и, протиснувшись до горловины и зависнув, повторяет с ломом все то же самое, но с большими предосторожностями (раскачав в руке, сильно выталкивает его и тут же после броска прикрывает рукой темя: при плохом броске лом мог бы убить, падая вновь вниз). Когда раскачивал лом, задевал края, и щебень, песок с шорохом сыпались на макушку. Но кирку, конечно, выбросить не удастся, будет цеплять землю. И рука устала.

Привязанная к животу кирка мешает Ключареву, но главная трудность в самой горловине: лаз сузился. Или это сказывается близость к реке, где обычное подмывание из года в год (и из века в век) крутого берега ведет к опережающему подмыв смещению грунта. Или же подземная и соответственно земная нестабильность вызвана тектоническими переменами? Переживание, не потерявшее остроты... Он, Ключарев, знает лишь то, что с землей все время (и даже каждый час) что-то происходит. Земля дышит; нас сотрясают процессы, природы которых мы не понимаем; уже ясно, что в тишине не отсидеться, хотя, разумеется, есть научные термины, объяснения, гипотезы, но природа остается природой — тайной. Дыра сужается, вот и все; стискивается, сползается краями, вот и вся простота земного дела. А иногда лаз становится шире. (Тоже бывает. В этом и простота.)

Придавив, кирка продолжает и дальше деформировать тело протискивающегося Ключарева; привязанная у живота, она продирается вместе с ним, остриями забойных концов скребя, чертя борозды по кремнистым округлым стенам лаза. Они приспосабливаются друг относительно друга — кирка и его живот, и все же Ключарева сдавливает до такой степени, что он думает об отступлении, об обратном пути (можно же вылезти, а затем вытянуть кирку на веревке — веревки, правда, нет, мелькает в сознании склад, на миг старая Ляля с ее жирком — в конце концов он обойдется без кирки). Дыхание пресекается. Ключарев начинает хватать воздух открытым ртом, воздух с песком). Плечи Ключарева тем временем обдираются, сужаясь и беря на себя весь перегруз дергающегося движения, которое затем переходит в движение нацеленно вползающее,— так движется червь, так движутся и люди, если они не притворяются. Больно?.. Конечно, больно. Его правая рука все время впереди, как у пловца, плывущего на боку, но левая — у живота, где Ключарев сторожащими движениями смягчает вдруг упершуюся в ребра кирку. Вот когда больно. Ключарев кривится, лицо его, глаза забиты темным песком. Левая рука ищет углы кирки, в то время как телом Ключарев делает новое усилие протискивания. Плохо, потому что кирка отстала. Вновь левая шарит, ощупывает, пробует подтянуть кирку на уровень — через боль, покряхтывая, Ключарев вздергивает (тянуть не получилось) кирку повыше и еще повыше и выводит ее даже с некоторым запасом выше мякоти живота; обрывок бинта, которым кирка привязывалась к поясу, давно сбился и, вероятно, смялся комом. Сантиметр за сантиметром кирка продвигается по Ключареву, ударные острия теперь на уровне груди, на уровне его сосков, но шире. Теперь она еще больше мешает Ключареву, но теперь он не боится ее потерять. Плечи удается свернуть для протискивания, однако острия давят, упираются в предплечья,— но надо же лезть, Ключарев начинает дергаться, он едва не рвет правое предплечье своей же киркой. Взывает к разуму: спокойнее, спокойнее. Ведь уже в горловине, в самой горловине,— и чем дальше, тем легче. Ключарев заставляет себя дышать ритмичнее; заодно он улавливает первые запахи свежего воздуха, воздуха уже ОТТУДА. Неуправляемые судорожные дерганья наконец прекращены. Спокойнее. Теперь Ключарев выносит плечо, правильнее сказать, выпирает свое правое плечо вверх и в обвод острия кирки, делает это настолько, насколько возможно, и только тут в ход идет его левое плечо, повторяя тактику переползающих препятствие червей, которую знает в себе всякий, если опять же он не притворяется. Сколько-то пути (десять сантиметров?.. пятнадцать?) Ключарев продвигается, обдирая кожу, но зато его плечи расходятся и сходятся вновь без той острой боли и вот таким именно образом (правое выше, левое оттянуто вниз, затем выравнивание), повторяя маневр многократно, Ключарев продвигается уже до уровня, где в лицо ему дышит черная земля: почва еще не перед глазами, но уже дышит эта темная тонкая прослойка, которой кормится все живое. Становится свободнее. Голова может стряхнуть с макушки песок. Еще немного. Безо всякой мысли, однако же это получается вполне осознанно, Ключарев отрывает вдруг кирку от тела и выбрасывает ее, почти выкладывая в броске ее рукой наружу, ибо край рядом. Край земли, если идти изнутри. Когда он вскидывал голову, стряхивая песок и землю с макушки, он видел светлое небо. Но это обычный обман, когда смотришь на небо из дыры. Еще одно усилие рук, и Ключарев вылезает. Вокруг тот же вечер. Смеркается.

От слабости его шатает. Он повалился на землю, на зелень травы. Рядом лопата, рядом лом, и далее всего выброшенная последним усилием кирка. Он отдышится. Немного. Спазм смирения. Если смотреть вперед, ему видны их пятиэтажки еще хрущевского производства,— дома в сумерках вполне различимы,— вот в сумерках и его дом, чуть выдвинутый. Если же смотреть налево, свинцово светлеет река.

МЫСЛЬ, В КОТОРУЮ ОН НЕ СЛИШКОМ-ТО ВЕРИТ,— это мысль о пещере. (Которая достаточно близко от пятиэтажек, от своего дома.) Ключарев выбирает место. Отступая, он на несколько шагов спускается вниз. Овраг сходит к реке, это удобно. Овраг — это своеобразный разрез, и копать здесь легче, ибо принцип всякой пещеры прост и состоит в том, что копаешь не вглубь, а вбок. Вгонять лопату удобнее, также и отвал прост, так как земля отбрасывается или ссыпается сама собой вниз, не торчит кротовьей кучей и не мозолит глаза чужому человеку. Да, немного на склоне. Но не слишком вниз. Когда ударят ручьи, чтобы не заливало.

На миг Ключарев осматривается: запоминает место. Бурьян. Две стелющиеся корявые березки, а по склону над ними довольно рослая черемуха. И для совсем цепкой памяти — крапива, уже суховатая на выходе из оврага.

Обозначив глазом тропку, видную только ему, Ключарев приминает бурьян. Здесь. Лопата, лом пока в стороне, зато кирка сразу и хорошо идет в дело, не зря же лез с ней через всю дыру и едва не вогнал себе под ключицу, когда прижало. Копает. Мысль, в которую Ключарев не слишком-то верит,— мысль-минимум: если не удастся ни с кем объединиться, Ключарев сможет отрыть пещеру для себя и своей семьи на тот случай, если в домах жить станет невозможно. Копает. Сбрасывает свитер, но останавливаться не хочет, дабы не прошел первый запал. Теперь (и все еще не останавливаясь) за лопату — отбитая земля теперь летит вниз, комьями и россыпью, после чего Ключарев выравнивает пространство, выбитое по первому разу грубой киркой. Старательно стесывая лопатой углы, он замечает, что результат пока лишь напоминает собой нору и, пожалуй, дыру, в которую Ключарев лез и из которой только что так болезненно и трудно выбирался,— да, он невольно копирует. Что поделать, не столько интуитивное, сколько подинтуитивное, ЗЕМЛЯНОЕ мышление, которое вбирает чужой опыт, даже не доложив своему собственному сознанию,— вот что его ведет. Колея веков. Ползучие движения, как и ободранность (оглаженность) плеч и коленей, усвоены лишь на дальнем стыке с опытом тысячелетий (тех тысячелетий, когда не было еще опыта чужого или опыта своего и был лишь один опыт — сиюминутный). Ключарев устал. Бинт, стягивающий грудь, и зализы пластыря вновь раздражают кожу. Когда протискивался в лаз, бинта не слышал, но после того, как помахал киркой, тело изошло потом. Ладно. До пояса он уже может в свою пещеру войти. Он слышит вдруг звуки. Вот! Внизу слабо булькает ручей, значит, к реке где-то совсем близко спадает чистая водица, родившаяся здесь же, в овраге. Удобно. Не бегать к реке. (Возможно, что у самой реки будет небезопасно, как и в пятиэтажках. Как и на всяком заметном месте.)

Ключарев припрятывает инструмент в кустах. Придет попозже и покопает, еще не ночь.

Надо позвонить Чурсину. (Надо пытаться.) И, конечно, Оле Павловой.

Но как позвонить на вымершей улице?.. В телефонной будке трубки попросту нет, ее оторвали и выбросили. Торчит огрызок провода, более ничего. Ключарев идет дальше. Надо пытаться. В следующей вдоль по улице будке телефона-автомата телефонная трубка также оторвана, но она хотя бы видна: трубка валяется под ногами, раздавленная несколькими ударами сапога. Не хватало только столбика пыли. Расплющенная телефонная трубка впечатляет и заставляет поработать воображение (заставляет представить себе гигантское ухо).

Ни души. Одинокий прохожий возник, но и он, увидев другого человека, шмыгает куда-то за угол дома и там ждет. (Ждет, пока Ключарев пройдет.) В окнах домов темно. В некоторых квартирах, несомненно, живут, но они там забаррикадировались, а чтобы их не выдал свет в окнах, сделали самые плотные шторы. Шторы — наши запоры. Нас нет. Нас никого нет. Нас СОВСЕМ нет.

Ключарев тем же шагом проходит запертый магазин, проходит разбитую витрину. (Но успевает оглянуться — человек из-за дома выскочил.)

— Послушайте,— торопливо кричит Ключарев.

Тот быстро уходит.

— Послушайте же! Я не собираюсь вас догонять! — кричит Ключарев громче.

Голос Ключарева на пустой улице неожиданно звучен и гремит (для самого Ключарева неожиданно тоже), и человек тем более припускает бегом, сильно вжав голову в плечи, словно Ключарев собирается после окрика взять его на мушку прицела.

Спросить некого. Ключарев один посреди улицы — наконец впереди (дальнозоркость сорокасемилетнего книгочея) он высматривает телефон-автомат с трубкой, исправно висящей на своем месте: он подходит туда, он спешит!.. Но телефон, разумеется, также оказывается неисправным. В ухо сыплются

Полностью повесть «Лаз» публикуется в журнале «Новый мир».

беспрерывные частые гудки, по этому телефону уже высказали людям все свои досады, дав вечный отбой.

Сквозь гудки Ключарев, еще не оторвав трубки от уха, умудряется услышать некий скрип: поскрипывание двери. Он оглядывается. Позади телефонной будки виден подъезд дома с распахнутой дверью до предела, и, значит, скрипит не эта зафиксированная жестко дверь, а какая-то дверь внутри. Он идет в подъезд. Так и есть. Одна из квартир на первом этаже открыта, и легкий сквозняк гоняет дверь туда-сюда. Кажется, еще не ограбили. Голос?.. Нет, это включенный телевизор. Диктор, как обычно, сообщает о фактах, которые подтверждают, что обстановка мало-помалу нормализуется.

Вещи на местах. Пустая квартира. Водяные знаки отсутствия. Ключарев ходит по комнатам, на всякий случай не включая свет. Вот и телефон.

И чудо — отменные редкие гудки. Можно звонить. Оля Павлова заплакала и подтвердила, что Павлов умер. Умер на улице от инфаркта, подробностей пока никаких. Оля всхлипывает, давится слезами. Но, может быть, случайная с кем-то стычка? драка?.. Нет. Она не знает.

— Что Чурсины?

— Ничего...— Оля Павлова говорит, что звонит Чурсиным беспрерывно — гудки длинные, телефон работает, но к телефону никто не подходит.

Оля плачет. Она рассказывает, что тело Павлова не знали куда деть, так что и сегодня тело по-прежнему лежит в 3-м мединституте, а ей страшно — ей тягостно и страшно думать, что студенты станут вдруг делать на нем, мертвом, свой тренаж, опыты, как на всяком невостребованном покойнике. «Какой тренаж! какие студенты!..» — кричит Ключарев, пытаясь ее успокоить. С ума сошли! Кому сейчас нужен труп?! Выражение чудовищно по отношению к мертвому Павлову, но Ключарев не успевает, не успевает себя поправить. Он спешит. Он спешит рассеять ее тревогу — суть в том, что Оля Павлова беременна. На пятом или на шестом месяце. И надо сбить ее волнение хотя бы нажимом и уверенным криком.

Кричит Ключарев на нее (и для нее) — сам, однако, он не так уверен. Вечером и ночью город отключается, но ведь с утра занятия в институте, возможно, будут.

— Не плачь. Не плачь, Оля...— Ключарев говорит, что придет, что поможет похоронить. Он обещает, он клянется, что придет. Не плачь.

Сразу же после Оли Павловой он звонит Чурсиным, но трубку не берут. Ключарев помнит, что у Чурсиных есть старенькая дача, и номер телефона помнит. Он звонит и туда, но впустую.

Смерть всегда некстати. (Хотя, по сути, в жизни человека нет ничего более естественного. Всего лишь конец жизни.) Но, боже мой, до чего Ключареву не хочется сейчас, в это безвременье, ехать куда-то и хоронить беднягу Павлова, не хочется хлопотать, добиваться, много говорить, тем более в присутствии плачущей Оли Павловой. Ничегошеньки не умеющей сделать, еще и беременной. Второстепенность смерти, он думает об этом. Конечно, Ключарев поедет. Конечно, долг по отношению к умершему проснется и даст Ключареву хорошего пинка под зад, погонит его, заставит, но та минута еще не подошла, а в эту минуту он, Ключарев, не готов и даже растерян, настолько это сейчас некстати, невпопад.

Думает: кому бы еще позвонить. (Если уж под рукой телефон, который не отключен. Но в памяти телефонов больше нет.)

Ключарев оставляет квартиру. Дверь он маскировочно прикрывает, зажав меж дверью и металлической полоской замка плотно свернутый обрывок газеты. (Дверь открыта, но никому, кроме Ключарева, это не заметно. Ведь он придет еще звонить. Жизнь не кончилась.)

Но вдруг осеняет — дверь была специально оставлена открытой, для других, для всех, и ведь он сам потому только и позвонил, что дверь была открыта и к тому же скрипела. Разумеется, Ключарев тоже оставляет дверь открытой. (Пусть скрипит.) Он только запомнит номер дома и подъезд.

У СЕБЯ ДОМА. Когда Ключарев приходит домой, жена кормит сына — их сын огромный парень, четырнадцати лет, переболевший в детстве и теперь в своем развитии медленно наверстывающий упущенное. Он плохо делает движения руками, особенно мелкие (не умеет застегнуть пуговицу), плохо говорит (каша во рту) — в надежде, что сознание его восстановится, не отказано, надежда есть, но как медленно в таких случаях ползет время! Пока что он громадный, с кроткими глазами ребенок лет пяти, он на целую голову выше Ключарева, значительно более мощный в торсе и крепкий. Жену Ключарева, то есть свою мать, он превосходит объемом и весом раза в четыре.

— Давай, давай! — Ключарев, едва войдя, поддерживает голосом их важное занятие.

— Даем,— откликается жена; она и сын вместе держат одну громадную ложку. Сын несет ложку в рот самостоятельно, но какого-то малого усилия ему все же недостает, и вот тут-то рука матери, подхватывая ложку в конце спадающей траектории, добавляет необходимую долю усилия, после чего ложка с картофельным пюре причаливает к вяло жующим губам.

— На-на-нела несть,— произносит он. (Надоело есть.) Но мать ведет его руку вновь, и вновь он покорно черпает и покорно ест, как это и делают всегда отстающие в развитии дети.

Ключареву она говорит:

— Надо нам все-таки связаться с Чурсиными. И с Павловыми...

— Надо.

— Что ж это, мы все так потерялись! — Она продолжает кормить.

Ее боязнь, что Ключаревы останутся в одиночестве, облегчит ему вскоре уход. (Он это отмечает.) Но он не спешит. Бытовая подкладка.

Он не рассказывает жене про смерть Павлова и про необходимость похорон, зато он охотно рассказывает, что нашел место недалеко от дома и от реки и уже начал рыть убежище. Они обговаривали это уже прежде, но теперь жена спрашивает с новой силой, она должна быть убеждена — разве в доме оставаться страшнее? почему?.. Ключарев объясняет: все зависит от обстоятельств, представь себе, что воды нет, света нет, канализации, разумеется, тоже нет,— дом уже не дом. А если к тому же в половине квартир никто не живет и там спят пришлые, курят и сводят счеты, то часам к четырем ночи замечательная их пятиэтажка непременно вспыхнет и будет гореть довольно долго, потому что пожарная машина (если она даже приедет) не найдет, где накачать воды. Что касается пещеры, то там чудесно, он уже выкопал ее по пояс. Выкопает глубже, нарубит веток, выстелит изнутри,— можно и какое-то покрытие придумать. И ведь они переселятся туда с теплыми вещами...

Ключарев бодро болтает: воздействует на ее интонацию своей. Сам тем временем зашел в ванную комнату, сняв рубашку,— смочив йодом вату, он как бы с той же неиссякаемой бодростью шлепает ватой по царапинам и краям своей раны, чтобы не воспалилась. Жена закончила кормление. Она ставит на электроплитку чайник. Затем она подходит к Ключареву сзади и другим комком ваты — шлеп-шлеп-шлеп — обрабатывает ему спину, где самому рукой не достать. Она оттягивает бинт, смачивает там, под бинтом. Она словно штемпелюет большое письмо.

— Дыра, как я вижу по ссадинам, еще сузилась — что только делается с этой дырой?!

— Спроси лучше: что делается с землей?.. Стискивается земля, а не дыра.

Жена не желает вступать в спор. Обрабатывает ему спину. И говорит, призадрав одну из его штанин:

— Смотри, что с ногами!..

Но ноги у Ключарева достаточно грубокожи, пореза там нет, а воспаляющиеся ссадины он в расчет не берет.

Ключарев все еще бодр, взятый тон не даст проговориться про Павлова — да, да, он сейчас же отправится и к Павловым, и к Чурсиным. Да, да, друзья есть друзья, общение важно. Но надо поторопиться. Скоро станет темнеть. Вечер, согласно кивает жена.

ПО ПУСТЫННОЙ УЛИЦЕ — К АВТОБУСУ № 28, что делать, если весь остальной транспорт не работает и если в их районе ходит единственный автобус. И то спасибо. Маршрут автобуса извилист, искривлен, однако же можно выбраться в другие кварталы города, а дальше, если повезет, пересесть.

Ни души. Ключарев на остановке. Обычно возле остановки люди чертыхались на валявшийся тут собачий кал. Мол, безобразие, не убирают. Теперь асфальтовый пятачок на удивление чист. Поскольку из еды остались консервы да крупы, собачники вывезли своих собак и, как говорят, отпустили всех за городом, мол, живите, как сможете. Другие, конечно, уехали в деревню, в какую-нибудь самую далекую, темную. Уехали, если, конечно, у них есть машина и если, конечно, они достали бензин. Бензина нет. Тщета усилий. Машины мертво стоят у домов. Настолько мёртво, что хозяева даже не пригладывают за ними из-за плотно пришторенных окон.

Подошел автобус — пустой. Кроме Ключарева, в автобусе единственный пассажир, старушка, она рассказывает Ключареву все время какой-то вздор — вероятно, от страха. (Хотя Ключарев, войдя через заднюю дверь, сел от нее достаточно далеко, за пять сидений.)

АВТОМАТЫ С ГАЗИРОВАННОЙ ВОДОЙ, они самые. Но сначала Ключарев на пустынной улице у витрины магазина видит пугливого вора. Боязнь вора — это как раз естественно, но надвигающаяся ночь несет, вероятно, некий общий страх, и Ключарев сознает, что в этом чувстве он с вором един, совпадает. Витрина темна (гладь ее, как гладь темной-темной воды), и стоящий там вор словно прилип. Вор не виден. Он, кажется, пытался взрезать витрину и проникнуть в магазин — Ключарев вдруг видит, как тот стоит на коленках, прикладывая к стеклу линейку, и камешком, вероятно, эрзац-алмазом, пытается отрезать угол стекла. Он похож на старательного ученика со своей линейкой. Тихий скрежет. Ключарев догадывается, что это вор, только когда оказывается в шаге от него и когда тот, схватив свою линеечку, срывается с места и скрывается за углом. Страх ночного вора?.. Ключарев слышит удаляющиеся шаги, словно вор бежит на тонких-тонких ножках — такие вот ломкие звуки,— и с внезапной ясностью Ключарев понимает, совместившись, что и этот вор, и он, оба они боятся толпы. Этим переболеть. Опережающим слухом (опережающим знанием) Ключарев слышит не существующий пока топот тысяч ног на улице. ШРАХ-ШРАХ-ШРАХ-ШРАХ!..

Темнеет. На улице ни единой машины, ни автобуса, и, конечно, безлюдье — Ключарев пересекает гладь улицы напрямик. Никаких правил перехода, он идет, чтобы сразу и круче свернуть в переулок, и вот тут, на повороте, натыкается на автоматы с газированной водой. Ключарев больно ударился о край одного из них. (Единственный горящий фонарь стоит далековато, у подземного перехода.) Ушибся. Узнал. Волна узнанной (но не выпитой) газировки ударяет ему в нёбо. Слюна обжигает нёбо, горло, душу. Глаза слезятся. Забытое удовольствие торопит Ключарева найти в карманах монетку. Нашел. Бросает в щель. Не работает. Другой автомат. Не работает. Но Ключарев все упорствует, бросает. Нет. Нет... но вот зашипел, смотри-ка, срабатывает. И поскольку никаких, конечно, стаканов, Ключарев торопливо подставляет ладони ковшом, набирает пузырящейся долгожданной жидкости, пьет, припав. И, когда вода кончается (так скоро!), мокрыми ладонями отирает лицо.

Если улица пуста до самого горизонта, человека, тем более нескольких, замечаешь мгновенно: на другой стороне Строительной улицы, не на тротуаре, а несколько в глубине меж двух зданий, Ключарев видит мужчин, которые насилуют женщину, поставив ее на колени. Двое держат, справа и слева. Третий стоит прямо перед ней, расстегнув брюки. Все молча, все как в немом фильме, с некоторой даже медлительностью, и все совершенно понятно в этой притихшей полутьме.

Героического желания метнуться через улицу в Ключареве не возникает, нет и желания, вступившись за нее, получить ножом под ребро, ибо в известном смысле это их час, это их время — такова полутьма. Однако срабатывает инстинкт (или это осознанное чувство?) не дать хотя бы ее убить. Ключарев пересекает улицу и, надвигаясь на них, кричит: «Эй, твари!..» — Голос Ключарева угрожающ, но идет Ключарев к ним, конечно, медленно. Да, спугнуть. И в этом смысле опыт с тем магазинным вором — свежий опыт. «Эй! твари!» — Второго его рыкающего крика хватает, ибо тут они туда-сюда оглядываются, бросают ее и скрываются, бегут двое, потом и последний. Ключарев подошел. Она уже поднялась с колен, идет, она молодая. Ключарев идет с ней рядом и выговаривает ей с укором, нельзя же, мол, в такой час выходить на улицу, разве она не знает. Стареющий человек в шапочке с помпоном; правда, шапочку он потерял. «Да ничто,— говорит она хрипловато.— Ничто».

Молодая. Им по пути — по этой пустынной улице. Прокашлявшись, она рассказывает Ключареву своим простоватым, неожиданно певучим голосом: «Садист. Никак кончить не мог. Это он нарочно. Хотел, чтобы я захлебнулась,— и тут она добавляет, как бы не желая на людей наговаривать лишнего.— А те двое ничего. Нормальные».

Она жалуется ему, как ужасно без кино, без развлечений. Да уж, не золотой век, соглашается Ключарев. Там, где Строительная улица пересекается с улицей Жебрунева, где стоят без пользы и без смысла мигающие, меняющие цвета светофоры, там Ключареву поворачивать. Оба приостановились, прежде чем разойтись. «Если по-человечески, если нормально, то я сглотну... Хочешь?» — спрашивает она. Ключарев отвечает, что он торопится, и ощупывает голову, где же его шапочка с помпоном.

— Я тоже тороплюсь. Автобуса нет, пешком прошла уже три километра, если не четыре.

Держится она неплохо. Молодая. Прежде, чем расстаться, говорит Ключареву, что вообще-то она улицы не боится. «Но боюсь, что люди вдруг набегут. Набегут и затопчут. Прямо вижу, как тыщи и тыщи бегут по улицам...» — Она тоже боится толпы.

ЗИГЗАГИ АВТОБУСОВ. Но в том и незаметность, что лишние километры расстояния не ощутимы и не в тягость, если ты сидишь внутри автобуса и если в пути автобус зажег все огни, в салоне светло. Еще не ночь, еще вполне видно. Но возможно, что водитель при огнях чувствует себя смелее.

В автобусе Ключарев один.

Зато в следующем автобусе, в который Ключарев пересаживается, в салоне, кроме него, робкая семейная пара,— Ключарев слышит, как они шепчутся

и как она вдруг произносит слово: «Милиция...», показывая мужу за окно и голосом внушая ему (или себе) чуточку спокойствия. Ключарев тоже видит — на пустой улице стоят двое постовых. Оба при дубинках. Оба при пистолетах в кобуре, которая по правилам этих дней висит не на боку, а прямо на животе, под рукой. Один, конечно, с рацией.

Ключарев едва не вскрикивает: лаз совсем сузился! Земля стянулась, кусты, что у самой дыры, торчат теперь с наклоном градусов в тридцать, почти полегли вдоль земли, так сильно сдвинуло их подземным смещением относительно их корней.

Сдвиг не сказался на дереве черемухи, но по кустам и даже по пучкам травы все видно, как по стрелкам приборов.

Ключарев не собирался туда сейчас, но мысль, что он отрезан от тех людей навсегда, толкает его к дыре.

Ногами вниз (как обычно) лезть безопаснее, но теперь так далеко не пролезешь; ноги слепы. Ключарев нервничает, решает рискнуть: он вползает головой вниз. Прилив крови неприятен. (И опасен.) Но зато Ключарев может ощупывать землю впереди себя рукой, может втискивать и изгибать отсыревшее тело, используя на все сто процентов опыт ползущих, генетическую память всякого гнущегося позвоночного столба. Притираясь щекой и выискивая рукой, так Ключарев и ползет — на ощупь. Вот оно. Как стиснулась горловина лаза! Нет, не пролезть... Вероятно, Ключарев сможет лишь немного втиснуть туда голову, так как смещение пласта привело в этом узком месте уже не к изогнутости, а к излому лаза, и не может же Ключарев, и точно, ползти, как червь; у человека тело прямое. Но голову он втискивает. Через шум крови в висках и в ушах он различает теперь слабый гул погребка, звуки застолья и мало-помалу голоса. Но уже ясно, что если он продвинется еще немного, то скорее всего погибнет, потому что не сумеет выбраться назад. Стоп. Не шевелись. Но его заложенных ушей уже достигают слова, слова волнуют, дают высокий настрой духа: высокие слова. Затем Ключарев расслышит пение сдвинувшихся за столом, милого голоса звуки любимые, перебор гитары и спор о духовности, и чей-то неожиданно живой, хотя и отрезвляюще терпкий, густой басок: «Да, да, Виталик... всем еще по сто грамм! Не поленись, милый!» — отчего Ключарева не только не коробит, но обдает теплом, любовью и стремительным человеческим желанием быть с ними, быть там. Ну-ну, успокаивает он себя, мол, не прислушивайся слишком и не огорчайся, не надо.

Дыра сомкнулась, лаз стиснулся до невозможности, и Ключарев старается не думать о том, как огромна его потеря. Не застолье и даже не мыслящих людей в этом застолье теряет он, но саму мысль: ход мысли. Разумеется, никто из говоривших там не знает и не может сейчас ничего знать до конца, но все они (и Ключарев с ними) пытаются, и их общая попытка — их спасение. Хотя бы попытка! Нет-нет. Нечего об этом и думать. Иначе погибнешь. Который век перебирают высокие слова. Который век рождают их или хотя бы припоминают уже прежде рожденные, отчего и дается почувствовать всякому (и полюбить по нашей слабости) Что же еще, если не тот укол высоких слов напоминает, что он и она (и ты с ними) не просто ползущие или вползающие существа. Что он и она (и ты тоже) не умрут,— что же еще? Высокое небо потолков над столиками, где сидят и говорят. Нет, нет, Ключарев, он не станет об этом думать. Высокие слова, без которых ему не жить. (И без которых не жить его жене. И без которых не жить Денису, ибо даже не понимающий слов человек понимает, что слова есть; и живет пониманием. И Чурсиным не прожить. И той девке, что хотела сглотнуть там, возле бессмысленно и мерно мигающего светофора. Мы — это слова. Даже если только проходим синюшной тенью мимо друг друга, мы успеваем их передать один одному — тем и живем.)

Стараясь не думать и гоня мысли прочь, Ключарев уже выкарабкивается обратно, когда вдруг испытывает то, чего не испытывал никогда в жизни: ощущение стискивающейся земли. В области живота перехватывает его как петлей, и Ключарев понимает, что еще один малейший сдвиг — и он погибнет. Так просто, думает он. Вот оно как. Но испуг подхлестнул. Левой рукой, которую он все время держит вдоль тела именно на случай заднего хода (напоминая и тут пловца, плывущего на боку, плывущего в земле),— этой самой левой рукой он судорожно хватается за выступы земли. Изо всех сил пружиня животом, прессом, он одновременно выталкивает свои ороговевшие ноги назад, вверх по лазу. Он дергается, он бьется, выталкивая себя пульсирующими движениями кверху. Ноги уже в воздухе. Ноги над землей. Последнее пружинящее усилие вверх, и ноги его падают своим весом, тело Ключарева вытаскивает самое себя и (в последнюю очередь) голову. Ключарев сидит и плюется землей. Протирает глаза, полные песка. И дышит, дышит.

Конечно, стемнело. Но видно. Сумерки как сумерки. Во всяком случае, Ключарев различает ниже по реке брошенные лодки. Лодки стоят у самого берега, привязанные. Замерли на воде. Людей там давно нет. Река тускло светла.

Переводя мимолетно взгляд выше, Ключарев словно ударяется глазами среди зелени пейзажа о черное рваное пятно: разрушенная его пещера... Так и есть! Подойдя ближе, он видит, что пещеру обнаружили и обвалили, быть может, просто назло копавшему. Рядом на траве две пустые бутылки из-под водки, следы ног на рыхлой земле. Пытались даже развести костер, погреться на чужих развалинах.

Грустная минута. Но ничего, думает Ключарев. Грустно. Но ничего. Он в эту свою идею не слишком верил.

На черемухе висит убитая ворона. Убили и повесили над развалом. Мол, знай, как рыть себе свое.

Но Ключарев только сглотнул ком. Ключарев и тут найдет положительный момент. Что ж, думает он, от зоологии и ненависти перешли к конкретным знакам, которые можно понять. Это уже начало диалога. (За знаками и жестами придут слова — разве нет?)

Он ищет свой инструмент. Нет ничего. Разумеется, забрали. Он роется руками в траве — пусто. (Но, быть может, инструмент им понадобился. Быть может, инструмент им был нужнее. Ему не хочется думать, что лопату, лом и кирку они попросту бросили вниз, на дно оврага.)

Он чувствует усталость. Он устал, но не ропщет; он такой.

Ключарев идет домой — сначала по земляной, затем по асфальтовой тропе он медленно подымается в гору. Конечно же, несет с собой свой груз, рулоны ткани, керогаз, свечи.

Поравнялся с первой из пятиэтажек. Здесь мага-

зин, в темных витринах которого Ключарев видит слабое в сумерках свое отражение. Стекла витрин заклеены полосками бумаги крест-накрест; предупреждая, что в магазине ничего нет, не бейте понапрасну стекла.

На улице ни души. В окнах пятиэтажек всюду зашторено и темно. Вот там и его окна.

Ключарев приостанавливается, чтобы несколько иначе перегруппировать свою ношу. Руки устали, затекли. Он сел прямо на землю и перекладывает керогаз в тот же пластиковый мешок, где чай, где свечи. Перераспределяет, увязывает, и усталость вдруг наваливается на него и с усталостью вместе — краткий сон. Такое бывает.

Сны эти, как правило, нехороши и всегда на одну тему — земля стиснулась, сомкнулась, лаза нет, и он остался, навсегда отрезанный, на темных улицах. (Самый мучительный сон, когда земля стискивается в момент пролезания,— Ключарев застревает в дыре, задыхается и гибнет. Если спит дома, он мечется, хрипит и бьется, дергаясь головой, пока жена не разбудит: «Да прекрати же! Прекрати!..») Сегодняшний сон не столь мучителен, как сон застревания, но страшен. Лаза нет. Оставшаяся дыра ничтожна. Склонившись над ней, всунув туда, насколько это возможно, голову, Ключарев кричит им. Он кричит им первое, что приходит ему на ум,— о том, что нет свечей и батареек, о том, что на улице быстро темнеет, о порушенной пещере и повешенной дохлой вороне. (Логики не нужно. Им сгодится любая информация; их ЭВМ расшифрует.)

Как и во всяком сне, Ключареву приходится кричать им слишком громко. Кричит. Потом прикладывает ухо. И оттуда по узкой норе через стиснувшуюся толщу земли доносится:

— Говори еще! Говори!..

То есть продолжай давать нам информацию, любую, всякую, какую угодно,— давай! И вновь Ключарев кричит им в узкую нору о пустынных улицах и о многотысячной топочущей толпе, о домах, в которых тысячи темных окон.

И снова ухо к дыре. И опять оттуда еле доносится:

— Говори! Говори!

Он кричит, что подступающая темнота отменяет человеческую личность. Что на улицах пугливы даже насильники и воры. Кричит о Денисе. Кричит о карманном запасе хлеба. О голоде. Кричит о темных шторах, даже если есть свет... Мысли его путаются. (Но ведь важно, что это говорится отсюда. Пусть потрудятся их компьютеры-расшифровщики, вычленяя не только смысл его слов, но и ужас сна, исповедальную неготовность. Он сознает, что сон, но пусть они разложат его состояние на психомоменты, на блуждание мысли, на чистую информатику и на прочие кирпичики. Должны же они понять закодированные то спазмом, то невнятицей языка слова, которые искажены уже самим криком в дыру (с отбрасывающей вспять звуки акустикой),— они должны расшифровать и понять, кто же, если не они.

Теперь их ответ. Теперь Ключарев спускает им вниз тонкую веревку, нет, не веревка в прямом смысле, но специальная прочная леса,— она выдержит, скользнет, не застрянет, и, удерживая в руках свободный конец, Ключарев чувствует, как они там уже прикрепляют, цепляют что-то. Да, их ответ и их совет. Да, помощь. (Я тебе — ты мне, единственная возможность прямого обмена мыслью.) Ключарев выбирает, вытягивает лесу. Ага. Появляется длинный предмет, палка. В подступающих сумерках Ключарев не сразу различает палку. Тем более не понимает ее смысл. Мозг слабеет после долгого затяжного крика. Но за палкой появляется еще одна палка, теперь Ключарев видит и ощупывает на каждой палке загнутый конец, которым они прицеплены к лесе. Почему-то Ключарев (ведь это сон) ожидал вытянуть скрученный в трубку текст или микропленку с текстом (вроде бы в бамбуке, в котором вынесли паломники от китайцев коконы, секрет шелка), но нет текстов, ни слова в ответ. Он был бы рад, на худой конец, если бы они прислали в помощь свечи, узкие и длинные, метровые свечи, неужели же его информация о подступающей темноте была непонятна (искажена его криком?). Ключарев излишне интеллигентен, и, безусловно, он был бы несколько задет, царапнуло бы. (Но он бы смирился. Ибо не до щепетильности, когда вокруг голод), если бы вместо ответа душе он вытягивал бы сейчас за лесу тонкие связки сосисок; ведь их так удобно тянуть. Но нет. Вновь вытягивается палка с загнутым концом. И еще одна палка. И еще. Но должно же быть что-то в ответ, и Ключарев с определенной, хоть и не великой, надеждой ждет. Ключарев тянет и тянет длинную, бесконечную лесу, и палки выползают одна за одной из стиснувшейся дыры, и, как ни слаб уставший его мозг, Ключарев все же понимает. Палки для слепых. Когда наступит полная тьма, идти и идти, обстукивая палкой тротуары. Весь ответ.

Ключарев все тянет и тянет, уже сотни, тысячи палок для слепых вытягивает он — и наконец просыпается. Ужасный сон. И несправедливый, с точки зрения Ключарева, в своем недоверии к разуму.

ЧТО НАС ЖДЕТ, ЕСЛИ...

Евгений ЯСИН, доктор экономических наук

Состояние дел в экономике внушает тревогу и уныние. Еще недавно шла битва программ, Правительственной и «500 дней», и казалось — как одна из них победит, перспектива прояснится и появится надежда.

Но вот битва завершилась принятием «Основных направлений по стабилизации народного хозяйства и переходу к рыночной экономике». Президент сам взялся за их реализацию, издавая один за другим Указы. А успокоения и ясности не наступило. Не родились и энергия, уверенность, воодушевление, столь необходимые нам для решения исключительно трудных задач, стоящих перед страной. Видимо, сказались и обстановка, и усталость от нарастающего напряжения, и расплывчатость «Основных направлений», оставляющих возможность двигаться разными путями.

Тем временем усиливается спад производства; неопределенность с хозяйственными связями, с решением финансовых проблем внушает мысль о том, что кризис перерастает в нечто более грозное. Со всех сторон раздаются предупреждения относительно близкой катастрофы, развала государства, военного путча, гражданской войны.

Во всем этом много некомпетентности, надуманных страхов, политических страстей. Не думаю, что какая-либо статья могла бы повлиять на настроение общества. Но внести больше ясности в понимание происходящих экономических процессов и того влияния, которое оказывает на них политика, выявить подлинные опасности, пожалуй, было бы возможно.

То, что говорится ниже,— суждения профессионала, с которыми вряд ли можно баллотироваться в депутаты. Многим они не понравятся. Но должны же мы иметь представление о реальном положении вещей.

ДЕРЕВО ВОЗМОЖНОСТЕЙ

Будущее, как известно, во многом определяется прошлым. Инерция социально-экономических процессов очень велика. Мы в своих требованиях и пожеланиях чаще всего склонны опережать естественный темп развития событий. Многим из нас кажется, что стоит проявить волю и решительность, поставить подходящих людей — и сразу обстановка изменится. Если нам при этом говорят: чтобы дело пошло на лад, сначала должно стать хуже, мы не верим; не может быть, чтобы не нашлось иного выхода.

Между тем возможный разумный выбор действий, как правило, лежит в узком диапазоне, особенно на ближайшую перспективу. Выскочить из него, поддавшись соблазну поскорее преодолеть трудности, в подобной ситуации значит только усугубить их. Кроме того, сложность взаимовлияний многообразных факторов обычно такова, что она не поддается осмыслению даже синклитом самых изощренных мудрецов, а если события развиваются быстро, порой самое целесообразное — не суетиться, наблюдать и ждать момента, когда доступными человеческому разумению средствами можно направить их в нужную сторону.

Но в этом смысле в течении социально-экономических процессов нет и предопределенности. Как говорят прогнозисты, от каждого данного момента, как от корня, вперед уходит «дерево возможностей». На нем можно выделить ряд путей, каждый из которых характеризуется по меньшей мере двумя показателями: вероятностью осуществления и суммой издержек, которую придется уплатить за движение по данному пути. Соответственно можно отличить путь наиболее вероятный, движение по которому в наибольшей степени определяется инерцией, и путь оптимальный, то есть такой, на котором достигается минимум экономических и социальных издержек.

Посмотрим теперь с помощью этих понятий на истекшие годы перестройки и те, что нам предстоит пережить.

ПРОЙДЕННЫЙ ПУТЬ

Если взять за точку отсчета 1985 год, то пройденный нами путь далек от оптимального: экономические и социальные издержки могли бы быть существенно меньше. Но, если учесть всю совокупность реальных обстоятельств, в том числе готовность различных слоев к преобразованиям, компетентность руководства и т. п., этот путь можно считать наиболее вероятным. Если вдуматься, трудно было ожидать иного.

Первые два года ушли в основном на попытки переломить негативные тенденции старыми методами. Не получилось. Сейчас порой раздаются голоса: не надо было ничего менять, система была с изъянами, но все же работала. При этом как-то забывают, что работала она все хуже, что проблемы буквально выпирали со всех сторон, настойчиво требовали решения, и давно уже стало ясно, что в рамках системы их не решить, ибо они — ее врожденный порок.

К середине 1987 года созрело понимание необходимости радикальной экономической реформы, которая мыслилась, однако, только в терминах расширения самостоятельности предприятий, производственной демократии и самоуправления, сочетания плана и рынка, то есть в рамках некой промежуточной модели, без глубоких преобразований собственности и политической системы, с ограничением сферы действия рыночного механизма. Теоретически подобная модель ущербна, поскольку не обладает целостностью и не может работать эффективно. Специалистам это ясно. Но для нас она в каком-то смысле была необходима, как некий переход сознания, не способного сразу оторваться от догм административного социализма.

Уже с начала 1988 года, когда вступил в действие новый Закон о государственном предприятии, обнаружились и стали быстро нарастать проблемы. Сразу выяснились негативные стороны выборности директоров, снизилась сила команд по линиям административной подчиненности.

По идее их должны были заменить экономические стимулы. Но те, которые применялись, скорее нагоняли денежную массу и дезориентировали предприятия. Им нужна была не просто возможность зарабатывать, но принципиально иная экономическая среда, рынок со свободой цен и конкуренцией. Однако к этому выводу пришли еще через два года.

Дальше начала нанизываться цепь тактических просчетов, проистекавших

прежде всего из стремления избежать потерь и болезненных мер. Нужно было реформировать ценообразование, но убоялись сопротивления общественности, решили отложить и через два года посоветоваться с народом. Так были посеяны зубы дракона.

Как воздух, была необходима жесткая финансовая и кредитная политика, но ей по привычке не уделяли внимания, сосредоточив усилия на госзаказах, лимитах, нормативах и иных перекрашенных аксессуарах старой системы. А тем временем увеличивались расходы государства на инвестиции, дотации, социальные программы, хотя источников реальных средств не было. Практически их все больше заменяла эмиссия.

В нормальной экономике подобная политика немедленно вызвала бы рост цен, ускорение открытой инфляции, и это побудило бы правительство действовать. Но у нас при замороженных ценах следствием были усиление дефицита, подрыв денежной системы, натурализация обмена. Правительство действовало, но по преимуществу в сфере распределения натуры.

Между тем хозяйственные связи все более разлаживались, начался прямой спад производства. И это было естественным следствием того, что экономические стимулы при падающем рубле становились все слабее как раз тогда, когда требовалось их усиление. Старые методы управления также работали все хуже, в этом правительство убедилось два месяца спустя после одобрения в декабре 1990 года им же самим предложенной программы оздоровления.

Тогда было решено ускорить переход к рынку. Но и он стал осуществляться далеко не оптимальным образом. Зубы дракона, посеянные на ниве ценообразования летом 1988 года, взошли. Пришла пора собирать плоды: то ли волевым порядком повышать цены, то ли, как было обещано, советоваться с народом по этому достойному поводу. Посоветовались.

В мае, когда проект реформы цен вынесли на публичное обсуждение, люди не сказали: ну ладно, согласны. Они среагировали по-иному, причем не просто выразили недовольство. В считанные дни потребительского рынка буквально не стало. Прилавки превратились в пустыню. Спрос из ажиотажного перерос в ненасытный. Для расцвета теневой экономики были созданы идеальные условия. Законное же производство и люди, им занятые, столкнулись с волной дополнительных трудностей.

Еще об одном стоит напомнить: в тот же день, когда Н. И. Рыжков докладывал в Верховном Совете СССР Правительственную программу перехода к рынку, Б. Н. Ельцин был избран Председателем Верховного Совета России. И едва ли не первое, о чем он заявил, выступая в новом качестве, это о неприемлемости программы Рыжкова, о том, что переход к рынку может и должен быть совершен без ущерба для народа, без снижения уровня жизни. Тем самым проблемы экономической реформы стали предметом политической борьбы на новом, более высоком уровне.

ДВЕ ПРОГРАММЫ: РЕАЛИЗМ ИНЕРЦИИ И РЕАЛИЗМ ЗАДАЧИ

У программы «500 дней» была изначальная задача: найти иной путь, избежать административного повышения цен. В ней предлагалось действовать по классической, признанной во всем мире схеме: финансовое оздоровление, затем либерализация цен и параллельно энергичные меры по разгосударствлению, приватизации и демонополизации экономики. Логика этой схемы такова: упреждающее финансовое оздоровление не допустит чрезмерного роста цен при их либерализации и удержит инфляцию; быстрые темпы приватизации и демонополизации должны привести в действие рыночные стимулы производства и конкуренцию, включить механизм саморегулирования, прежде чем будет снят финансовый пресс, который не может не сдерживать развития экономики.

Программу «500 дней» обвиняли в нереалистичности. Указывали на неповоротливость и сопротивление традиционных административных структур, на угрозу усиления инфляции, которую таит в себе несоответствие между старой, тяжелой производственной структурой и требованиями рынка. Отмечали невозможность за 3—4 месяца сократить до предложенных размеров бюджетный дефицит, не затрагивая социальные программы, в том числе дотации к розничным ценам. А если бы намеченные на первые 100 дней стабилизационные меры и удались, то нам грозил бы сильный дефляционный шок — падение производства, банкротство, безработица.

Я намеренно выделяю те критические замечания, которые справедливы с профессиональной точки зрения. Но в программе был свой реализм, реализм задачи.

То, что мы обычно именуем реализмом,— это реализм инерции. Его смысл — надо делать то, что позволяют обстоятельства, что проще и легче, что не повлечет крупных потерь и конфликтов. Таков реализм Правительственной программы.

Реализм задачи иной. Он исходит из того, что наша экономика у опасной черты, что нам грозит катастрофа с неисчислимыми бедами и ее необходимо предотвратить любой ценой, ибо размер будущих потерь неизмеримо больше тех жертв, которые требуется принести сегодня. Еще в сентябре у нас был шанс перевести стрелки и пойти по пути оптимальному, а не наиболее вероятному, избежать раскручивания инфляционной спирали и ее разрушительных последствий и, стало быть, обойтись без самых суровых мер, неизбежных в ситуации, когда механизм гиперинфляции уже пришел в движение.

Этот шанс оказался упущен. Теперь надо думать о том, что делать в изменившейся ситуации.

НЕИЗБЕЖНОСТЬ КРИЗИСА

Но прежде стоит осмыслить объективные факторы, которые определяют протекающие в экономике процессы, уяснить, что даже если бы мы с самого начала двигались по оптимальному пути, все равно кризис был неизбежен и мы еще не прошли его критической точки. Нравится нам это или нет, но такова реальность.

Во-первых, кризис предопределен наследием административно-командной системы. Десятилетиями она формировала структуру производства вне связи с потребностями людей, со структурой спроса. В других странах кризисы, приводившие их в соответствие, разражались при значительно меньших расхождениях между ними.

Десятилетиями система, давно изжившая себя, разлагалась, разрушительно действуя на все стороны жизни общества. Последние годы видимость благополучия поддерживалась дождем нефтедолларов. Стоило ему прекратиться — и кризис разразился бы независимо от того, началась перестройка или нет.

Во-вторых, реформы могут привести к успеху лишь в том случае, если одна социально-экономическая система, пусть негодная, но обретшая за долгие годы свойство целостности, сопряженная с взаимной приспособленностью всех звеньев, будет заменена другой, не менее целостной. А преобразования такого масштаба не могут пройти безболезненно.

Стоило ослабить административные вожжи — и начали рваться сложившиеся по команде сверху хозяйственные связи. Предприятия следуют своим интересам, и, чтобы экономика могла действовать, побуждаемая этими интересами, нужна новая, рыночная инфраструктура, новая система хозяйственных связей, принципиально иной механизм ориентации частных интересов на нужды общества, и все это не может возникнуть сразу, но должно вырасти, сформироваться, пройти период отладки.

Сейчас можно слышать: нельзя разрушать старую систему, пока не создана новая. Но в том и дело, что новая система не может появиться, пока живы прежние структуры. Их сосуществование не только неэффективно, но и само по себе углубляет кризис.

При переходе к рыночной экономике никак нельзя минуть того момента, когда предприятия, освобожденные от плановых заданий, госзаказов, лимитов, нарядов, окажутся перед необходимостью самим искать поставщиков и потребителей, осознать пользу торговых посредников, изучать конъюнктуру и т. д. Сейчас, собственно, этот момент настал. Можно постараться смягчить последствия прохождения через него, но нельзя их вообще избежать.

Когда ощущается приближение подобных явлений, многим именно они кажутся главной опасностью, сутью грозящей катастрофы, которую любыми средствами надо предотвратить. В том числе путем сохранения старых порядков или их восстановления. Так и хочется взять штурвал на себя. И это можно понять, ибо за разрывом связей, банкротствами, снижением производства, неразберихой, при сем происходящей, стоят судьбы людей, их жизнь и благосостояние.

Но в то же время, чем дольше удерживаются старые структуры, тем хуже условия для формирования новых. Кризис, а в данном случае речь должна идти именно о кризисе выздоровления, а не катастрофе, при этом затягивается и углубляется.

Именно это мучительное противоречие ежедневно приходится разрешать правительству, другим органам власти, реагируя на тысячи фактов и обращений. И здесь исключительно важно, какой стратегии оно придерживается, насколько компетентные решения принимает, чьи интересы выражает.

ОСНОВАНИЯ ДЛЯ ОПТИМИЗМА

Если мы осознали неизбежность кризиса, поняли его природу, оздоровляющий характер, то даже в нынешних, казалось бы, нетерпимых условиях можно увидеть основания для оптимизма.

Когда начиналась перестройка, большинство, пожалуй, ожидало быстрых и эффективных результатов. Стоит дать предприятиям больше самостоятельности, заинтересовать людей — и дело сразу пойдет, многие и, честно признаюсь, в значительной мере я сам разделяли эту иллюзию. А дела пошли все хуже и хуже. Исчезали товары, росли цены. Долгожданная демократия все чаще показывала свою оборотную сторону, и таяли надежды, вера в лучшее будущее.

Да, плохо, больно. Но когда звонишь в больницу, чтобы справиться о больном, слышишь ответ: по течению болезни состояние удовлетворительное. На собрании руководителей государственных предприятий в декабре 1990 года нашелся только один оратор — генеральный директор объединения «Аммофос» из Череповца, который в ответ на призывы коллег остановиться, переждать, а то и вернуться к истокам перестройки ответил примерно так: «Какое переждать! Идет операция. Нельзя зашить больному живот, не вырезав опухоль, нельзя ждать, оставив все как есть. Надо завершить операцию, и только тогда больной может выздороветь».

Но есть ли на самом деле надежда? Какой путь надо пройти, чтобы экономика заработала нормально и положение улучшилось?

Преимущества рыночной экономики по сравнению с командной обусловлены двумя основными факторами — стимулы и координация.

Рынок создает мощные стимулы трудовой и хозяйственной активности. Он дает возможность зарабатывать без ограничений и приобретать на заработанные деньги все, что угодно. Одновременно он подгоняет тех, кто нерадив и не умеет хозяйствовать рационально.

Вместе с тем он способствует четкой

Фото Юрия ФЕДОТОВА.

координации действий всех участников производства, сигнализируя прежде всего через гибкие цены, реагирующие на динамику спроса и предложения, что и в каком количестве производить, куда направлять ресурсы, чтобы они использовались наиболее эффективно.

Подъем экономики, повышение ее эффективности, рост благосостояния народа могут начаться только тогда, когда будут пущены в ход эти факторы.

Что делать, более или менее ясно, об этом записано во всех программах: навести порядок в денежном хозяйстве, финансах и кредите; либерализовать цены; осуществить приватизацию и демонополизацию экономики; убрать старые административные структуры, ибо без этого не возникнет конкуренция; открыть экономику для внешних связей, для чего совершенно необходима хотя бы частичная конвертируемость рубля; последовательно, уже опираясь на рыночный механизм, провести перестройку производственной структуры. Чтобы люди смогли пережить трудности, неизбежные при реализации этих мер,— создать эффективную систему социальной поддержки населения, прежде всего для тех, кто не может сам трудиться.

Сегодня главный вопрос в том, как все это делать, медленно или быстро, в каких социально-политических условиях.

ТРИ СЦЕНАРИЯ

Итак, ситуация изменилась, действовать по схеме, заложенной в программе «500 дней», невозможно. Одобренные «Основные направления» оставляют свободу выбора. Кризис, как мы видели, еще не исчерпал своего потенциала и будет углубляться независимо от характера предпринимаемых действий.

Но от них во многом зависит то, как конкретно будут развиваться события. С известной условностью, если ограничиться только экономикой, можно представить себе три сценария.

Сценарий первый. Упор делается на стабилизацию объемов производства, поддержание хозяйственных связей. При этом используется прежний административный аппарат — министерства, Госснаб, концерны-монополисты, возникшие в последнее время на месте прежних главков. Допустим, что меры такого свойства оказываются достаточно успешными.

Проводится административное повышение цен, и далее государственный контроль за ценами сохраняется на большинство видов продукции. Некоторая доля товаров — 30—40 процентов — реализуется по договорным ценам.

В области финансов, кредита и денежного обращения осуществляется определенное ужесточение, но не слишком сильное, чтобы не нанести ощутимого ущерба предприятиям. Дефицит бюджета сокращается незначительно, главным образом за счет повышения налогов, а не урезания расходов. Реализуются все принятые социальные программы. Таким образом, проводится программа, близкая к Правительственной.

От такой политики можно ожидать следующих результатов.

Спад производства все равно идет, но медленно и дольше. Цены, как оптовые, так и розничные, растут, но при этом рынок не балансируется и сохраняется дефицит вместе с ажиотажным спросом. Возможно, временами и местами в момент повышения цен острота дефицита спадает, но ненадолго, поскольку слабость финансовой политики не прекратит притока избыточных денег, а государственный контроль над ценами воспрепятствует установлению равновесия спроса и предложения.

Удерживание старых хозяйственных связей будет препятствовать структурной перестройке и развитию рыночных отношений. Параллельное применение договорных и фиксированных цен станет непрерывно порождать напряжения и диспропорции, массовые злоупотребления, крики о помощи, подталкивая инфляцию. К этому присоединится рост доходов, который при недостаточно жесткой денежной политике сдержать не удастся, а повышение розничных цен, реализация социальных программ будут его еще больше стимулировать.

Возможные последствия уже, пожалуй, можно наблюдать на «экспериментальном полигоне» в Эстонии: цены выросли, товаров нет. Нет и стимулов для их производства, ибо твердый рубль отсутствует, продолжается натуральный обмен, ведущий к еще большему его расстройству.

Короче говоря, этот сценарий означает сохранение в основном нынешнего положения, которое уже сейчас стало невыносимым. Рано или поздно события начинают разворачиваться по второму сценарию.

Сценарий второй — наиболее вероятный. Предпринимаются попытки поддержать производство и хозяйственные связи, контролировать цены административными методами, но они не удаются. Провозглашается жесткая финансовая и кредитная политика, но на деле под влиянием различных обстоятельств она проводится недостаточно решительно. Прежние административные структуры блокируют разгосударствление и демонополизацию.

В итоге на фоне нарастающего спада производства экономика срывается в гиперинфляцию. Рост цен и доходов может достигнуть 1000 процентов в год. Накопления становятся бессмысленными, разваливается кредитная система, и государство утрачивает всякий контроль за денежной массой. Усиливается сепаратизм. Следуют еще больший развал производства, натурализация обмена и распределения.

То, что может наступить в итоге, это и есть катастрофа. Выйти из нее или предотвратить ее в последний момент можно уже только жесточайшими, безжалостными мерами, сам факт применения которых наложит тяжелый отпечаток на все последующее социально-политическое развитие страны при том, что и после них выход из кризиса будет долгим и мучительным.

Нисколько не желая драматизировать ситуацию, считаю своим долгом сказать: это наиболее вероятный исход, если события и дальше будут разворачиваться так, как они шли до сих пор. Здесь главная опасность, и она нарастает.

Сценарий третий. Немедленно начинается осуществление предельно жесткой финансовой и кредитной политики: беспощадно урезаются расходы, бюджетный дефицит ликвидируется любыми средствами. Банковские ставки поднимаются до того уровня, на котором образуется дефицит денег. Одновременно, теперь уже безотлагательно, проводится либерализация цен, используемая как один из факторов финансового оздоровления, поскольку она позволяет сократить дотации. Контроль за ценами можно сохранить не более чем на 20—30 товаров и услуг, включая топливо, энергию и сырье, потребительские товары, транспортные услуги, но и регулируемые цены корректируются с учетом роста издержек. Осуществление большинства социальных программ приостанавливается. Доходы населения индексируются на минимальном уровне.

Предоставляется максимальная свобода для предпринимательства. Энергично проводятся меры по разгосударствлению и демонополизации, демонтажу старых административных структур.

Ближайшие последствия таковы. Спад производства быстро достигает большой глубины, банкротство значительного числа предприятий, массовое высвобождение рабочей силы. Цены растут, но после первого скачка — умеренными темпами, поскольку у покупателей нет денег. Снимается ажиотажный спрос, особенно если в момент либерализации цен осуществляется товарная интервенция за счет накопления запасов и иностранной помощи. При этом либо исчезает вовсе, либо очень заметно сокращается товарный дефицит.

Свертываются инвестиции, резко ограничивается фронт строительства. Недостаток денег у предприятий принуждает их ограничивать доходы своих работников и искать рынки сбыта, беречь старых клиентов. В этой обстановке начинают укрепляться экономические стимулы, рубль приобретает цену, прекращается натуральный обмен. Создаются условия для конвертируемости рубля, следом за этим активизируются внешнеэкономические связи, иностранные инвестиции. Складываются предпосылки для подъема производства.

Если параллельно поспевают процессы разгосударствления и демонополизации, то при этом сценарии стабилизация народного хозяйства и формирование рыночного механизма происходят в кратчайшие сроки. Но есть три критические точки: тяжелые экономические и социальные последствия финансового оздоровления, либерализация цен, стимулирование производства и инвестиций под давлением финансового пресса, когда стабилизация достигнута, а рыночный механизм еще не заработал.

Есть ли еще какие-либо варианты? Есть, конечно. Но, если не считать движения вспять, совершенно бесперспективного, все они лежат в этом треугольнике. Оптимальная в сложившихся обстоятельствах стратегия близка к третьему сценарию. От него отличается она, пожалуй, только несколько более гибкой денежной политикой. Гибкость должна проявляться тогда, когда смягчением финансового пресса можно достичь разрешения наиболее острых социальных конфликтов, избежать чрезмерной дифференциации доходов, оказать поддержку производству в наиболее узких местах.

Но нужно иметь в виду: требований усилить защищенность, повысить оплату, дать инвестиций будет миллион. И это будут требования людей, доведенных до крайности. Можно пойти им навстречу. Но тогда неизбежно усиление инфляции, которая лишит тех же людей полученного, отдалит выход из кризиса.

Чрезвычайно важно иметь налоговую систему, позволяющую в условиях инфляции избегать бюджетного дефицита. Мировой опыт показывает, что для этого нужен налог на продажи, доходы от которого поступают немедленно и растут с повышением цен.

Такова стратегия управляемой инфляции: она исходит из того, что инфляция теперь стала неизбежной и поэтому ее нужно не предупреждать, но контролировать и использовать. В этом, пожалуй, состоит одно из главных изменений в оптимальной стратегии по сравнению с тем периодом, когда подготавливалась программа «500 дней».

В реализации этой стратегии необходимы, как никогда, последовательность, компетентность, быстрая реакция на изменения ситуации.

КАТЕГОРИЧЕСКИЙ ИМПЕРАТИВ

С социальной точки зрения наиболее трудным является третий сценарий и, стало быть, близкий к нему оптимальный. И это понятно: люди должны согласиться на новые испытания, которые еще не всем представляются необходимыми, когда они уже немало вынесли и терпение близится к концу. Инерция сознания понуждает их оценивать положение в сравнении с прошлым, а не с будущим. Так, человек, которому назначена операция, склонен думать, что она не оправдана его нынешними недомоганиями.

Поэтому политикам трудней всего убедить общество идти по пути, на котором главные тяготы нужно принять сразу, а не попозже. Среди них обязательно найдутся те, кто будет выступать под популистскими лозунгами, с требованиями «защиты трудящихся», стараясь набрать очки. Тем же, кто уже понимает, о чем идет речь и сколь высоки ставки, поддержка радикальной экономической программы может обойтись дорого для дальнейшей карьеры. И, очевидно, всю ответственность за ее реализацию будут нести те, в чьих руках власть.

Между тем политический фактор ныне стал решающим для судьбы экономических преобразований, для вывода страны из кризиса. А расстановка сил отличается исключительной сложностью. Коммунистической партии, тесно связанной со старой партийно-государственной номенклатурой, все трудней доказывать, что она перестроилась и действительно хочет перемен. Прошлые грехи тянут ко дну.

Разношерстные некоммунистические силы, для которых центром притяжения стали Б. Н. Ельцин, российский парламент, Советы Москвы и Ленинграда, страдают организационной рыхлостью, у них свои экстремисты, требующие немедленного отстранения от власти коммунистов и Горбачева.

Национальные движения, быстро набравшие силу в условиях демократии и гласности, все больше переходят от демократических требований к национальному радикализму. Война суверенитетов грозит полным подрывом исполнительной власти и законности. Все это ставит под вопрос преобразования в экономике. Мы напоминаем толпу людей, которые толкаются на краю пропасти.

Если демократический блок поведет сейчас борьбу с КПСС за власть, упирая на то, что старая номенклатура не может осуществить радикальной реформы и вывести страну из кризиса, вероятней всего, не победа его — для этого силенок маловато, организация слаба,— а скатывание ко второму сценарию, поскольку «перетягивание каната» приведет скорей всего к утрате контроля за событиями всеми сторонами.

В то же время сторонники реформ, к каким бы блокам они ни относились, не могут отдать все козыри старой партийно-государственной машине, ибо она будет толкать нас на движение по первому сценарию. Да и сторонники реформ в аппарате должны понимать: без поддержки демократов, без хотя бы минимума доверия народа, который сулит коалиция с ними, возможно лишь поражение. Весь удар придется принять на себя.

Категорический императив политического выбора ныне состоит в следующем: либо вновь двинуться по наиболее вероятной дорожке, ведущей к тяжелейшим экономическим и социальным катаклизмам, либо хоть в этот раз из чувства самосохранения успеть перевести стрелки на оптимальный путь. А для этого необходима сильная государственная власть, исполненная решимости довести дело реформы до конца.

Она возможна в двух вариантах: либо диктатура, лишающая нас важнейших достижений перестройки, а Россию — исторического шанса демократического развития, либо пресечение конфронтации и сплочение всех политических сил, на деле стоящих за реформу в экономике и демократические преобразования в обществе, с целью поддержки власти и уважения законов. Ответственность за ход событий, за судьбу людей должна заставить всех пойти на уступки, отложить амбиции, начать каждодневную совместную положительную работу, в которой можно и нужно отстаивать свои позиции, но также идти на компромиссы и не быть принципиальными в мелочах.

Кто не способен на это, должен отойти в сторону.

Сможем мы это сделать — переживем трудный период достойно, сохраним достижения последних лет, возродим страну. Нет — тогда страна сорвется в пропасть, и всем действующим лицам драмы, которая разыгрывается на наших глазах, не будет прощения.

В ТИРАНЕ НЕСПОКОЙНО

СВИДЕТЕЛЬСТВА ОЧЕВИДЦА

Мы почти ничего не знаем об Албании. Еще совсем недавно информация оттуда, скудно просачивающаяся сквозь «железный занавес» самоизоляции, была доступна лишь специалистам. Среди государств, пораженных вирусом тоталитаризма, Албания искала свой собственный путь «к счастью и процветанию», но это был путь нищеты, всеобщего доносительства и полного отсутствия понятия о правах человека, кроме абсолюта прав тех «избранных», которых никто не выбирал.

На фоне политических потрясений, происходивших в последние годы в странах так называемого соцлагеря, Албания казалась уникальным заповедником. Но сообщения последнего времени свидетельствуют: и там лед тронулся.

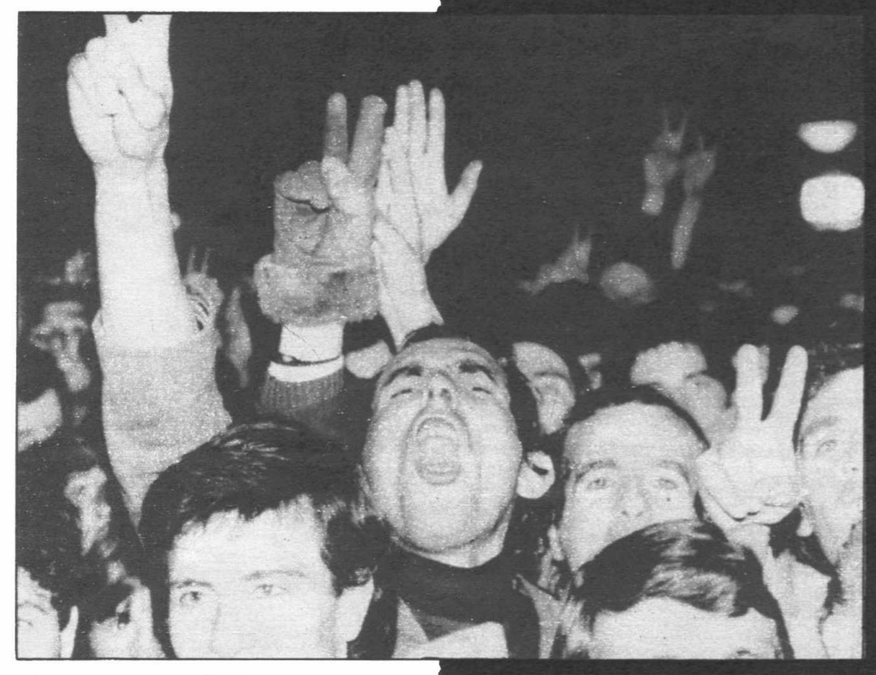
...Михаил Пумо почти ничего не ест с тех пор, как ему отбили внутренности в полиции. Он пьет воду и, с трудом подбирая слова, рассказывает по-русски (на языке своей мамы) о том, что пережил за последние годы. Мише 23 года, он один из первых албанцев, сумевших вырваться из страны...

— Я до сих пор не могу поверить, что вырвался. Мне все время кажется, что за мной следят. Не могу привыкнуть к тому, что не надо бояться, что тебя убьют на улице за длинные волосы или джинсы, что не надо убегать от сигуримщиков (сотрудников госбезопасности). Я до последней минуты не верил, что они нас отпустят.

Моя мама — русская, она познакомилась с отцом здесь, в Союзе. Отец тогда учился в Плехановском, а мама — в университете. Когда отец окончил институт, они поженились и приехали жить в Албанию.

Тогда очень многие привозили жен из Союза. А когда отношения между нашими странами испортились, русские стали возвращаться обратно. Мама не вернулась.

Десять лет все было ничего, а в 75-м начались репрессии против «интернациональных» семей. Была организована кампания по разоблачению врагов социализма, шпионов Америки и Советского Союза. Те, кто не был расстрелян, получили по 25 лет и до сих пор — в тюрьмах.



Во время митинга в Тиране.

Телефото АП — ТАСС

Военная подготовка в Албании обязательна как для юношей, так и для девушек.

Когда тучи начали сгущаться, мама решила уехать в Союз и подала заявление на выезд. Вначале ей даже советовали, как лучше заполнить бумаги, но когда началась возня вокруг русских шпионов, ее посадили вместе с остальными.

В Тиране отец работал в министерстве внешней торговли экспертом, считался хорошим специалистом, часто ездил за границу. Отцу неоднократно предлагали развестись с женой — он категорически отказывался. Большинство разводились и таким образом избегали репрессий. Отец оказался строптивым. Он вообще упрямый, ну а я — весь в него. Мы и получили за несговорчивость на полную катушку.

Я хорошо помню тот день, когда арестовали маму. Была пятница, 17 октября 1975 года. Мне было тогда 8 лет. Лил дождь. Обычно утром меня будила мама, а в тот день меня разбудила одна из родственниц. Кругом было полно людей, они рылись в вещах, перетряхивали книги. Мне сказали, что это мамины сослуживцы, которые ищут какую-то нужную книгу. Меня одели и увели к дяде. Я стал требовать маму, но мне сказали, что она в больнице.

Отца тогда не было в Тиране. Ему послали телеграмму о том, что заболела его мать. Он сразу почувствовал неладное, позвонил соседке — у нас телефона не было,— и та ответила, что нас нет дома, хотя было уже 9 вечера, и тут же повесила трубку. Отец перезвонил, но она больше не поднимала трубку. Тогда он нашел какую-то машину и в два часа ночи приехал в Тирану. Я помню, как он сел ко мне на кровать, обнял меня и заплакал. Он плакал, как ребенок. Он ничего мне не сказал, но я плакал вместе с ним.

Он стал ходить по инстанциям, чтобы что-то выяснить, от него снова требовали развода, грозили посадить...

Нас сослали в маленький городишко Рэшен. Отца перевели в бухгалтеры. Его зарплаты нам не хватало даже на еду.

Маму больше полугода продержали в следственном изоляторе. Ее заставляли подписывать липовые показания под угрозой того, что мужа посадят в тюрьму, а детей отдадут в приют. Однажды в соседней камере кого-то пытали, а маме сказали, что это ее муж, и пригрозили, что, если она не подпишет показания, его отсюда не выпустят. Конечно, она в конце концов все подписала.

Брату тогда было 15 лет, он раз в две недели возил ей передачи. Когда мама что-нибудь подписывала, передачу принимали, а когда упрямилась — возвращали обратно.

Никакого суда, разумеется, не было. Ей дали 14 лет лагерей как шпионке Советского Союза.

Лагерь обычный — колючая проволока, вышки, охрана. Женщины отбывали там срок и по политическим статьям, и по уголовным. Мы старались приезжать туда как можно чаще, хотя это было довольно далеко, на одну дорогу уходила пятая часть зарплаты отца, да еще передачи. На еду нам уже ничего не оставалось. Но в долг никогда не брали. Так и жили. Старались держаться вместе, поддерживать друг друга.

Брат с большим трудом окончил школу. Он очень хорошо учился, но сын советской шпионки не мог получать хорошие отметки. Когда его призвали в армию, жизнь его стала просто нестерпимой. Какие ему там сигуримщики устраивали провокации, сколько раз его били!

Со мной была та же история. Учился я хорошо, но на экзаменах 10 баллов мне решился поставить только преподаватель английского — просто смелый был человек.

В Союзе долго никто не знал, что мама в тюрьме. Своему отцу она писала, что мы переехали в другой город.

Албанские беженцы у приграничного полицейского участка на территории Греции.

Но когда умерла ее мать, она в отчаянии написала, что уже 10 лет в тюрьме. Дед поднял большой шум. В 1985-м он обращался даже к Горбачеву. Наконец нам сказали, что мать выпустят.

Освободили ее в январе 86-го. Она отсидела десять лет и три месяца. Когда нам стало ясно, что никаких надежд на нормальную жизнь у нас нет, отец сказал маме, что пора подавать заявление на выезд. Тогда что-то начало меняться в политике. Власти разрешили уехать только маме и старшему брату. Они уехали в октябре 87-го, и мама начала вызволять меня с отцом из Албании. А мы сразу почувствовали, что мама предпринимает какие-то шаги, поскольку на нас посыпались угрозы. Когда летом 88-го мама прислала нам приглашения, за нами начали следить.

Мы каждый год подавали заявления на выезд. Отца вызывали, спрашивали: «Албанец ты или не албанец? Разве ты не знаешь, какая ситуация в стране и в мире?» На это отец отвечал, что семья — дело частное.

После моего очередного заявления о выезде меня забрали в армию. Наша часть была саперной. Все, кто в ней служил, попали туда по политическим причинам, все ненавидели Энвера Ходжу и его диктатуру. Отец приезжал ко мне каждую неделю.

Вдруг через полтора месяца меня вызвали и сказали, что пришли бумаги о моем освобождении. У меня было приподнятое настроение, ждал скорого отъезда в Союз. Я сдал форму и стал ждать отправки домой. Ждал три дня. Когда я понял, что они не хотят меня отпускать, хотя не имеют на это права, я решил уйти сам. Но это было не так просто. За мной был приставлен офицер. Станция находилась рядом с нашей частью, но я решил обмануть моего опекуна и пошел в город и только оттуда — на станцию. Так и сбежал. Когда я сошел с поезда и сел в автобус, ко мне подошел человек из полиции, побеседовал со мной о том о сем, а когда мы доехали, предложил пройти в отделение. В полиции я просидел полчаса. Пришел начальник, и стало ясно, что нас вовсе не собирались выпускать из Албании. Пришло предписание сослать нас в Перлят, шахтерский поселок. «В чем причина?» — спросил я. «Объясним потом». Предложили где-то расписаться. Я отказался. «Ну, мы сами распишемся, за тебя».

Дома застал отца больным. Накануне ему сказали: «Собирай вещи, мы тебя завтра отправим». «А сын?» «Сына — в тюрьму». Отец чуть с ума не сошел. Меня поэтому и не отпускали из части — хотели отца доконать или хотя бы нервы попортить.

Обычно, когда ссылают, сигурими заказывают грузовик для перевозки интернированных. Мы ждали, но машина не пришла.

Прошла неделя. Мы ходили отмечаться в отделение три раза в день, сидели без денег, потому что у отца не было работы. Наконец нам сказали, что отправят. Мы снова собрали вещи, а машина снова не пришла. И так продолжалось около месяца. Ждать было невыносимо. Такими методами в Албании многих доводили до могилы.

В Перляте — это небольшая деревня — нам предлагали работу только на шахте. Мы с отцом отказались. В каком-нибудь дальнем забое все для нас кончилось бы взрывом или обвалом. Такие методы они тоже практиковали. Сын министра обороны, расстрелянного после того, как его заставили убить премьер-министра, тоже работал на шахте. Но недолго: подорвал себя динамитом...

Мы пытались выяснить официальную причину интернирования. Уже год прошел, а нам ничего не говорили. Кроме связи с Союзом, конечно, никаких причин не было.

Все это время мы сидели без работы. Мать что-то посылала из Москвы. Мы пытались это продавать, но было опасно: могли посадить за спекуляцию. Мебель мы почти всю продали. Жили без денег, в полной заброшенности полтора года. Меня спасал только радиоприемник. Телевизор в Албании — редкость, признак зажиточности и преуспеяния. Я слушал «Голос Америки», «Свободную Европу», «Радио Свобода». Советское радио в Албании не пользуется популярностью, потому что слишком официозно и чаще отмалчивается или опаздывает. Молодежь вся — за Америку, а за Советский Союз только некоторые пожилые, у которых что-то связано с Союзом.

Потом началась революция в Румынии, мы почувствовали, что что-то будет меняться. В стране начались выступления против режима. Инициатором, как правило, была молодежь.

В Шкодере зацепили тросом памятник Сталину. За шею. Но сбросить его не удалось, власти помешали. Тогда было арестовано около 400 человек, главным образом молодежь.

Между прочим, в Албании в каждом городе обязательно есть памятник Сталину и Ленину. А то и несколько. Есть даже город Сталин.

Узнали, что кто-то ухитрился выкрасть секретные документы из архива Политбюро в здании Центрального Комитета партии. В одной из военных типографий напечатали листовки, призывавшие к свержению режима. Всех рабочих и их родственников арестовали. Сильные волнения были в Кавае. Народ сумел выгнать из города всех сигуримщиков и полицейских. Туда ввели танки, а народ мог защищаться только камнями. Во время этих событий военные убили молодого парня, его звали Сиди. Хоронил его весь город. Ему поставили памятник с надписью «Сиди — герой». Власти не посмели его тронуть.

Когда власти выпустили в Италию первую туристическую группу, вся она осталась там. Никто не захотел вернуться. Тогда уже со всех начали снимать клеймо интернированных. Нам сказали, что мы хоть и освобождены, но все равно должны жить в Перляте.

Ночью 2 июля началось массовое бегство албанцев на территории иностранных посольств. Сначала несколько человек пошли в западногерманское посольство и попросили политического убежища. На следующий день люди пошли в итальянское, французское посольства. И начался уже лавинообразный процесс.

У сигурими есть специальные бригады головорезов из бывших спортсменов. Они вытаскивали людей с территории посольств. Эти бригады ставили у ворот кордоны. Народ бросал в них камнями, пытался пробиться сквозь них. Кто-то на грузовике протаранил стену западногерманского посольства. Один раз люди забрались в мусоровоз, подъехали к посольству, открыли крышку и все попрыгали через забор.

Через четыре дня после того, как в события вмешалась ООН, кордоны убрали. Когда народ узнал об этом, все, кто мог, побежали в посольства...

8 июля меня арестовали. Я гулял около озера, подъехала машина, там было четыре сигуримщика и два полицейских. Стали требовать документы у меня и моего приятеля, запихнули нас в машину. Приятеля высадили где-то по дороге, а меня повезли в отделение. Там было много народу, и всех избивали резиновыми дубинками. Потом меня постригли под ноль, точнее, общипали клочьями мои длинные волосы. Камера представляла собой нечто вроде клетки, все сидели там под палящим солнцем без воды. У одного была сломана челюсть. Только ночью меня привезли в полицейский участок рядом с домом и там выпустили.

Десятого июля я позвонил в Москву. Думаю, что я был первым албанцем, который сюда дозвонился.

С того дня мой выезд в СССР стал приобретать реальные очертания. Но до того мгновения, пока я не вышел на летную полосу в Шереметьеве, я не мог поверить, что нас с отцом выпустили из Албании.

Записал Ш. АБРЯРОВ

Александр ТЕРЕХОВ
Фото Юрия ФЕКЛИСТОВА

Мартирос Вартанович Кещян. Нет, если хотите, можно даже так:

Матрос Вратарьевич Кощей. Ха-ха! Цыц. Ну вот.

Историю честнее всего рассказывать с конца. Зная, чем она кончится, легко решить, надо ли слушать. Но конца я не знаю. Кто может сказать, чем кончится жизнь? Хотя такая история похожа больше на секрет. Что делает невозможным знать ее окончание.

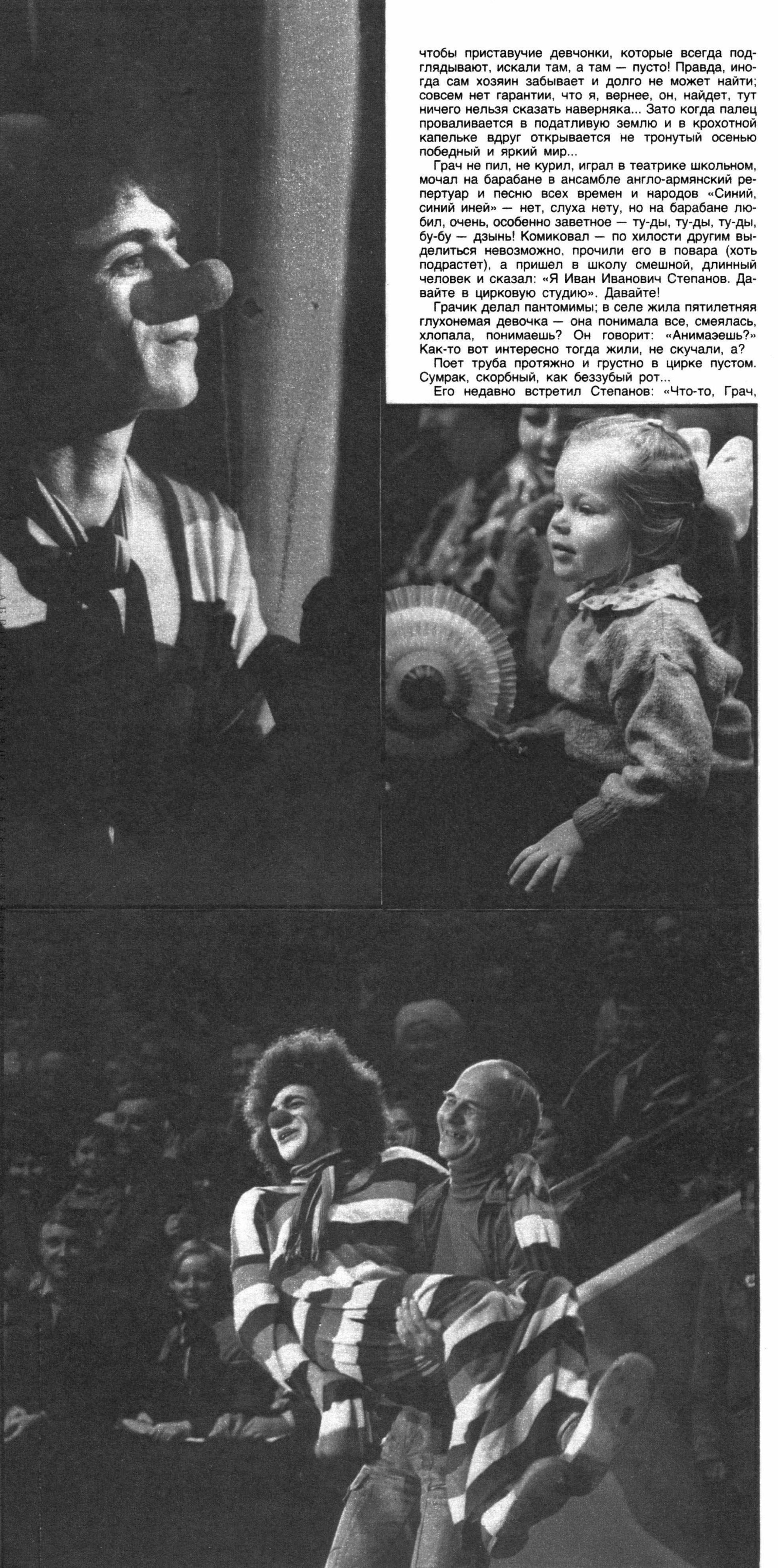
Мальчик Мартирос сильно болел. Мудрая тетка посадила в землю два корня чеснока. Один по имени Мартирос. Другой — Грачик. Так звали другого теткиного племянника, здорового, как бык. Корень Грачик вырос первым. Поэтому и Мартироса стали звать Грач.

Глаза у него полны стеклянно-чайной тоски.

Село Черешня (под Сочи) делилось на районы: Черешня, Бассейн, Социализм; имело один телевизор и клуб, где женщины рыдали над индийскими фильмами. Отец его, Вартан, порывался в цирковые, да мама не пустила. Он кружил по миру, как по манежу: инкассатор, директор вагона-ресторана, шеф-повар, сапожник, выращиватель бамбука, творец гранитных надгробий. Мать его, Арменуи, учительница — тетради, тетради, тетради... Грач вспоминает с трудом: брат в Тюмени... вертолетчик. Сестра сумочки шьет. Кто из них младше? Кто... из... них... млад-ше... (все эти проклятые переезды). Брат! Если не сестра — она, по-моему, младшенькая. Если не брат. Но сам-то он — старший!

В овраге за селом лежал мраморный Сталин, ходили смотреть — страшно.

Секрет роют в песке или мягкой земле, чаще — под деревом. Дно ямки застилают фольгой, на нее — лепестки и цветы одуванчика, ромашки, василька, вокруг — травы, а сверху — осколок бутылочного стекла, потом — землей. Рыхлят землю и рядом,



чтобы приставучие девчонки, которые всегда подглядывают, искали там, а там — пусто! Правда, иногда сам хозяин забывает и долго не может найти; совсем нет гарантии, что я, вернее, он, найдет, тут ничего нельзя сказать наверняка... Зато когда палец проваливается в податливую землю и в крохотной капельке вдруг открывается не тронутый осенью победный и яркий мир...

Грач не пил, не курил, играл в театрике школьном, мочал на барабане в ансамбле англо-армянский репертуар и песню всех времен и народов «Синий, синий иней» — нет, слуха нету, но на барабане любил, очень, особенно заветное — ту-ды, ту-ды, ту-ды, бу-бу — дзынь! Комиковал — по хилости другим выделиться невозможно, прочили его в повара (хоть подрастет), а пришел в школу смешной, длинный человек и сказал: «Я Иван Иванович Степанов. Давайте в цирковую студию». Давайте!

Грачик делал пантомимы; в селе жила пятилетняя глухонемая девочка — она понимала все, смеялась, хлопала, понимаешь? Он говорит: «Анимаэешь?» Как-то вот интересно тогда жили, не скучали, а?

Поет труба протяжно и грустно в цирке пустом. Сумрак, скорбный, как беззубый рот...

Его недавно встретил Степанов: «Что-то, Грач, изменилось в детях — ничего делать не хотят, ничего не надо. Новые времена...»

Сумрак, скорбный, как беззубый рот, пройдите до центра этой красной мишени, мимо следов конских копыт на дне воздушного сугроба — завтра, завтра будет, завтра — как будто замерший отчаянный вдох; а все это — оркестры, парад-алле, полеты и прыжки, антре и штейн-трапе, тигриные спины — это выдох, измученное дыхание одних и тех же движений, слов, улыбок, и опять — вдыхать, копить по ночам к единственному выходному этот протяжный, на две тысячи четырнадцать мест, вдох... Зима. Товарищ, привязавшись веревкой, чистит от снега лысую макушку купола. Ведь слово-то какое: штейн-трапе!

В Москву приехал поступать: деревня деревней.

Отстучал телеграмму: «Приняли!» Пожалели за рост — метр пятьдесят с волосами плюс жалостный акцент при исполнении басни.

Единственная пара клоунов на курсе: Грачик Кещян и Сергей Середа!

С выпускного курса их — хлоп! — в армию.

Эквилибрист Гук не сдался. Писал в инстанции: как же так, народные деньги в трубу, теряем квалификацию, надо бы использовать по специальности.

«Рядовой Гук, к комбату!»

«Дописался, за мной пришли».

Гук косил под простого. Зашел: «Здравствуйте, вызывали?»

«Вон отсюда! — заорал комбат.— Зайти, как положено!»

— Товарищ подполковник, рядовой Гук...

Комбат значительно встал, залез в заранее заготовленную пачку «Столичных», картинно повернулся к окну и закурил, шевеля ноздрями:

— Пишешь?

— Пишу,— скромно признался Гук.

Комбат затянулся:

— Еще раз напишешь — отправлю всех на Землю Франца-Иосифа. Навозными вилами будешь жонглировать!

— Как вы сказали... «на-воз-ными вилами»? — уточнил Гук.— Так и напишем...

— Вон отсюда!!!

Через месяц их перевели в ансамбль песни и пляски.

В армии Грачик в первый раз понял, что хочет работать один. Соло. Что-то стало расти изнутри, давить. Сережа выслушал это, Сережа грустно посоветовал: не торопись, давай хоть начнем.

После армии женился Сережа, и Грач женился. Жена — Тамара.

Когда обручение — невеста выносит свекрови и свекру на подносе собственноручно расшитое полотенце (магазинный ценник аккуратно срывают). Когда свадьба — незамужнюю сестру невесты наряжают тоже в белое и фату — она на выданье. На свадьбе шестьсот человек гуляло семь дней.

Воробьи чирикают под куполом. В квадратные амбразуры распахнутых дверей — студеный февральский свет. Пустой подсолнух зрительного зала.

Ночью накануне невеста проснулась и подумала: «А может, встать и убежать?»

Вверху летают люди, матерятся, хватаясь руками за руки, в воздухе или в томительной немоте запнувшегося сердца врезаются звонкой рыбиной в тугую страхующую сеть. Внизу елозят носами по вытертому бархату манежа два малыша.

На барьере трупами лежат ассистенты. Лениво цедят малышам:

«Напэрстки... э, покажите, чтэ-нибудь силовоэ».

Наперстки делают шпагат.

После выпуска Грачик бил челом — хочу попробовать один. Его вразумили: молодой специалист должен отбарабанить два года. Да и вообще по плану больше клоунов-соло не положено.

И пошли у «парных коверных» Середы и Кещяна город за городом. Образы такие — Сережа прям та-акой из себя, ну, та-акой, а Грачик — на подначках: принеси, отнеси, иди, уйди.

Клоун белый: умный, рассудительный, склонный к злой шутке. Клоун рыжий: дурак. Побеждающий в конце концов. Клоуны СССР (по Кещяну): 1. Карандаш. 2. Енгибаров. 3. Никулин и Шуйдин.

Когда помер Брежнев, Кещяна и Середу вызвал руководитель программы. «Так,— печально сказал он, глядя на траурные ленты за окном.— Есть у вас что-нибудь несмешное?» «Нету»,— ответили коверные. «Тогда работайте без костюмов и без грима. И не смешить».

Они вышли на манеж в своем. Первая реприза — иллюзионная. Посмотрели друг на друга. Сережа выплюнул изо рта оранжевый шарик. Грачик достал такой же из своего уха. Дирижер в оркестре свалился от смеха на пол, в цирке звенели стекла от хохота. Оставшиеся дни траура коверные выходили в униформе, помогали перетаскивать реквизит. Дети реагировали очень живо.

«В Краснодаре отработали до нас акробаты: мужчина и женщина. Все так хорошо. Ассистент их железяку поднял на веревку, веревку сунул в руки уни-

формисту. Мы с Сережей выходим, болтаем: тара-ра, тара-ра, ра-ра. Бац! — униформист выпускает веревку из рук. Раз! — мы с Сережей не сговариваясь делаем шаг друг от друга: железяка грохается между нами! Что делаю я? Я решаю обыграть. Оборачиваюсь — ах! И падаю замертво. Ассистент, в дикой панике летящий за возможной судимостью, видит: я пластом и без движения — убило! И с плачем лезет меня спасать!»

Грачик ждал шесть лет. Он все надеялся, что кто-то придет и отпустит. Он боялся открыть рот в споре с «Союзгосцирком».

Он никому не рассказывал — боялся обидеть: вот ты, Грачик, какой, Сережу бросить хочешь.

Шаркает публика в черных шубах, шапках, платках, полупустой холодный цирк, пьяные фигуры, тяжело усаживается на место подсадка, оскорбленно окаменев на мое свойское подмигивание, пошла фонограмма, свет ежится до красного пятачка, за кулисами хрупкая «из полета» просит у клоуна «кислородную палочку» — сигарету, одну на двоих с партнершей, но уже пора. Парад-алле!

Безымянные разговоры: «Были в Штатах. Руководитель делегации собрал программу: «Товарищи, у нас в стране принят известный указ. На банкете поэтому — только сок». Смотрю я: все наши сидят со стаканчиками сока, кислые и злые. Думаю: летом мне на пенсию. Да чего мне могут сделать? Подхожу к негру-официанту: «Виски!» Он плеснул граммов сорок в рюмашку. Я: «Но. Биг виски». Негр достал стакан побольше и бухнул туда. Подгреб товарищ: «Петя, ты что?» — «А ну их!» «Ах, ты ж черт,— простонал товарищ.— Была не была. Как это будет?» — «Биг виски».— «Вот-вот, друг, набигуй и мне».

В Минске Грачик пересекся с режиссером-ровесником — Витей Франке. Витя — деловой человек. Он делает клоунов. «Грачик, если ты добьешься выхода из пары — я тебя возьму». И Кещян решился — он пошел на приступ.

В главке возмутились: кому это надо? Так хорошо трудились! Их хвалили! А тут: сажай одного на репетиционный, плати ему деньги, второму пару ищи, и когда он теперь работать начнет?

Грачик, понурый, хрупкий, бродил по кабинетам, опустив огромную шапку черных волос. Вахта в Министерстве культуры его знала в лицо. Грачик приходил к открытию и курил у входа. Проходившая мелюзга благоговейно шептала: «Леонтьев». Без пятнадцати девять вахтер открывал первую дверь настежь, отпирал вторую, третью подпирал деревянным бруском, чтобы не закрывалась, подметал вход, гоняясь за бумажками. Потом строго глядел на Грачика и делал брезгливый жест рукой: «Отойди отсюдова. Чтоб видно не было». Клоун прятался за выступ здания. Подкатывала черная машина, из нее выходил Демичев. После него вахтер уже быстрее совершал обратную процедуру с дверьми.

Клоун думал: кинуться бы, рассказать...

Наконец строптивого клоуна решили унять законно — разрешили просмотр на право создания сольного номера. Грачик репетировал ночами, днем — отрабатывал последние дни с Сережей Середой в измайловском шапито.

Комиссия посмотрела его. Комиссия надула губы: нет, клоуном-соло он не будет, не надо нам таких. Бюрократ допускает художника выше себя лишь в одном случае — на виселице. Грач перепсиховал, открылась язва. Между первой и второй больницей еще одна попытка — режиссерская коллегия. Один творческий деятель заметил: «Ну какой из него соло? Он ведь не администратор». Возразил только Никулин: «Но ведь Мусин тоже не был администратором». Грачик всю коллегию мучил кубик Рубика.

Клоун дядя Костя Мусин (он уже помер) комиковал до самой старости, когда здоровался, приподнимал шляпу, а под ней — еще одна! — секрет.

Слону перед выступлением делают клизму. «Чего смеешься,— обиделся на меня инспектор манежа.— Слон... Ты хоть знаешь, сколько это? А ослик? Если мочится — это ведь два ведра».

Теперь... Вернуться в пару невозможно. Одному — не дают. Осталось: легкий труд после больницы в тульской униформе, а завтра увольнение по статье или засыл в богом забытую группу клоуном без номера. Грачик пал в ноги тогдашнему Генеральному. Тот аж вскочил на ноги и долбанул рукой по столу: «Как вы могли заболеть в такое время?! Как вам не стыдно?!»

Хотелось одного: набрать полон рот — и плюнуть! И податься униформой в сочинское шапито или вообще бросить окаянную Систему — этот удивительно огромный, разбросанный, бестолковый и страшно запутанный ком.

Снимали квартиру, да пришел хозяин: понимаешь, друг, жена возвращается, на хрен надо, то да се — уходите. На улице всей семьей. Квартиры нет, работы нет, денег нет. Директор шапито парка культуры Григорян пожалел: «Ну что, живите в вагончике».

Директора цирков делятся на «цирковых» и «не цирковых».

Цирковой директор — это такой дядечка, который может где-то что-то и как-то, но вообще... ну, что я вам объясняю, вы и так все понимаете — таких мало, просто крохи, но бывают. А вот один раньше работал в парке — двух лебедей украли, за это перевели в цирк. Другой всю жизнь начальником тюрьмы, а на старости — в цирк. Артист к нему стучался, он отвечал: «Введите». Писали заявление: «Прошу выдать со склада два килограмма сальто-мортале», он надписывал: «Выдать».

Один воздушник шагнул пьяный с шестого этажа, объявив: «Смотрите, как делается три с половиной оборота». Насмерть.

Легкий труд был в тульской униформе. Он цеплялся за соломинку и упросил местные власти сделать просмотр в Туле. В Туле он понравился. Здесь он тянул на соло. Москва надула щеки и все эти просмотры признала недействительными. Если все-таки хочет работать, пусть еще раз просматривается в Москве.

Для того чтобы делать свои репризы, не было времени и денег на реквизит. Кещян готовил одну-единственную классическую репризу — «Макароны». Посетитель какого-то воображаемого заведения заказывает макароны. Клоун летит со всех ног и спотыкается — все макароны на земле. Клоун прячет их, накрывая своим телом, потом собирает их в тарелку руками, веником, притаптывает ногой и церемонно подает к столу. Такая, в общем, хохма.

Очередная комиссия пришла.

Грачик вылетел на манеж, искренне споткнулся, наступил на тарелку и пришел (цирковой синоним слова «упасть») на левую руку. Он вывихнул плечо — это дикая боль. Он одной рукой пошвырял макароны в тарелку, сунул их посетителю и ушел с манежа; из плеча торчала кость. Травмпункт и перевязка.

Грачик сидел у вагончика с забинтованной рукой — комиссия заседала допоздна, кое-кто выходил, курил, «ну, как рука?», в вагончике взрывами смеялись, и он понимал, что разговор уже о другом, а он сидел и ждал посреди московской пресной ночи — решалась его судьба.

Да что можно сказать о клоуне, который вышел, сломался и ушел?

Ему не разрешили соло. Разрешили новую пару.

«Я им покажу пару»,— пообещал Витя Франке и бухнул от балды телеграмму, что в Днепропетровске есть новый партнер и он рвется в бой. Кещяну дали немедленно репетиционный период.

Как хватило у него сил шесть лет мечтать и осмелиться, быть тихим, робким и несчастным — и решиться, получать уже больше двухсот, а сесть с двумя детьми на сто двадцать и на неопределенное время на грань увольнения, что подняло его сквозь бетонный лоб системной бюрократии, хоть не борец он, боже упаси, просто маленький человечек, а когда родили его мама с папой, что-то случилось в крошечном еще тельце, что-то дрогнуло, и зажглась тоненькая, негасимая и бессмертная свечечка полета, обжигающей страсти, нити путеводной, не к червонцам и дачам (ему дай миллион — шапито купит) — крохотная святая свечечка...

Ужас — это когда три вежливых хлопка и никто даже не придет в гримерную, это когда ты на манеже, а там, во-он там, кто-то зевнул. Это все. Это туши свет и спокойной ночи.

Пал Палыч — это Павел Богачук. Рост — 192, вес — 98. На тридцать килограммов тяжелее Кещяна и на тридцать сантиметров выше. В прошлом осветитель, униформист, ассистент у эквилибриста. Когда надевает фрак — как червонного золота подсвечник с комком белоснежного воска вместо головы. Борода и усы колечками. Паша важный, как эскимо. Паше засовывали за пояс палку, чтобы сбить сутулость любителя нардов. А Паша — пижон. Он выходит из черного бархата занавеса, как щегольской белый платочек из кармана, с белоснежной бабочкой кренделькой и устало-брезгливым взором.

Вперед! Грачик выходит: полосатая майка расцветки французского флага с изящным вырезом женской ночнушки, тонкий франтоватый шарфик и крошечный, в литровую банку, цилиндр. Плюс красный нос.

Здравствуйте!

Он выходит уже с воспаленным, злобным взором, скрипучим, сварливым голосом, в детской угрюмости — и вдруг прорывающееся наружу великой душой обидчивого ребенка с быстро высыхающими слезами, с бездонной тоской, воображая и хитря,— он выходит. Он клоун реквизитный, классический. У него все большое: барабан, очки, расческа, чемодан. Он, может быть, последний классический клоун, свободный от образа времени, не желающий нести его тяжелое клеймо.

Пашу учил инспектор солидный — Андрей Яковлевич Кармель. Паша учился. Кармель говорит: «Иди, объяви антракт». Паша вышел, здоровый, красивый, борода-усы. Всем улыбнулся. И сказал: «Представление окончено!.. Фу ты, черт... Антракт!»

За рубежами нашей державы коверные существуют для заполнения пауз. И только. Работают просто: штаны слетели, за попу укусил — смех! Наше бытие не приемлет пустосмехов, история Отечества бедна развлечениями и досугом.

И клоуны — всегда символы тыльной стороны бытия, желая того или нет. Стариковские проказы Карандаша сделали его национальным героем, слабым током воды под ледяной толщей сталинского безвременья, вечная осень Енгибарова противостояла возвращению ледникового периода, никулинские балбесы воплотили бесконечный абсурд застойных времен, а сейчас — пустота. У медали была парадная сторона, была тыльная сторона. Теперь медаль стала на ребро.

Первые полгода — мрак.

Приехали в Красноярск — народу никого, «у нас все на картошке».

Грачик не любит ходить пешком, любит грызть семечки, читает то запоем и вслух, то долбит-долбит один рассказ, а потом не может вспомнить про что. «Читал, а все про чемодан думал».

Паша собирает армейские тупости: «Молчать, я вас спрашиваю»; «Вы в армии или кто?»; «Вы офицер или где?»; «Я вам покажу водку пьянствовать!»; «Ты что красный, как огурец?»; «Вы почему распорядок безобразничаете?»; «А вы не знаете и молчите!»

Паша выжигает, вышивает, после Паши — облако духов, на стенках гримерной — фотокарточки, на столе — сервизы и иностранные бутылки, а у Грачика — постоянный бардак, на замызганном полу все навалено вперемешку: пистолет, веник, ботинки, лестница, мячик, обруч, парик, яблоки, еще ботинки, кости, грим, клей — все-все.

Грачик берется что-то делать — размашисто, нахрапом, а Паша — по линеечке, отмерит аккуратно, отрежет, зачистит, выправит, он и багаж обычно пакует — ты, Грачик, лучше уйди, а сам — коробочка за коробочкой и в пакетик.

В Омске мальчишки воровали у Грачика веник. Они думали: веник взаправду стреляет. На самом деле бабахают патрончики стартового пистолета.

Ехал Грач через границу. Чемодан полз через таможню — дзынь!

Стоп. «А-а что-о это у вас там та-а-акое?» — упершись лбом в экран, тревожно заныл страж.

«Действительно...— закусил губу клоун.— Что это у меня там?»

«Такое... рассыпчатое...» — мычал в нос страж.

«Рассыпча...— страдал клоун и вдруг с облегчением шмякнул себя ладонью по лбу.— Так это патроны!»

Ах, патроны!

Стражей стало несколько, и Грачик согнулся в дальней комнате над протоколом об изъятии. Двести штук — тю-тю!

Он все делает сам, за свои кровные. Он притягивает к себе таких же — золотую гвардию нестяжателей, которые за жалкие рубли уродуются по месяцу, творят уникальные вещи, которые по плану — рядовые изделия, но от них — радость причастности к свету. Вот в Казани на кожевенной фабрике мастер Александр Степанович сделал такой чемодан, что... (Густо перечеркнуто.) Ты что? Написал, что ли? А ну зачеркни! А я говорю — зачеркни! Это ж секрет, я жене не говорю, а ты!

В цирке почти нет молодежи. Только стареющие, седеющие лгуны, которые улыбаются каждый день. И еще в цирке есть закон: нельзя садиться на барьер спиной к зрителю. Манеж круглый — надо всегда стоять.

Он, как все поэты, творит в горах, а безутешные жены и сопливые дети остаются в глубоких долинах. Он поэт, когда исступленно рыдает над отнятой розой, он борец, когда бьет неистово в свой барабан колотушкой, рукой, потом со связанными руками свистит, и зал с ним заодно, зал помогает ему хлопками биться за что-то общее, хорошее, справедливое, против черной, бездушной махины Пал Палыча; он — само отчаяние, когда рыдает над раздавленной скрипкой, он художник, когда за полторы минуты веник в его руках превращается в веер, опахало, букет цветов, весло, рогатку, гитару, винтовку и стреляет — бах! Он человек, когда...

Билетерша села рядом...

Он человек, когда, держась рукой за расцарапанный тигрицей бок, возникает в дверях гримерной и трясущиеся губы могут сложить лишь единственное: «Ну, как?»

Билетерша села рядом: «Вот при Сталине-то был порядок — уж при нем столько не пили. А вот случай был, ха-ха, никогда не забуду, хы-хы-хы, тигр-то высунул хвост через сетку (не знаю, как у него получилось), а тут пьяный вскочил с первого ряда и хвать за хвост обеими руками! Крепко так держит. Я его за боки подхватила — тяну назад. Дрессировщик с другой стороны тянет — пьяный не отпускает. Пока ему «брансбоем» по башке не дали. Так и не отпустил бы... А вот еще случай был, несла зав. производством пирожки, а ассистент-то медведя не сдержал...

Рука его сжимает три тюльпанчика.

«...она лежит — на ней медведь, а на медведе — ассистент, рот немного поцарапал и щеку».

Рука его сжимает три тюльпанчика.

«Так,— медленно говорит Тамара.— И позавчера было три тюльпанчика, и — опять...»

— Маленькая девочка какая-то,— нервно говорит Грачик.

— Мы с этой девочкой и поговорим.

Он как свеча — с черным хрупким пламенем копны волос, в которых седых волоска — всего два. И мне страшно за эту свечу — вдруг начнет пить, делать деньги и поездки, остановится, и десятилетиями одно и то же, и вдруг перестанет в себе чувствовать что-то такое, что не объяснить и не оплатить,— внутреннее требование сделать что-то еще и бежать, идти, кряхтеть, ползти под своей ношей туда, а потом — вон туда, а потом дальше еще — до того вон холмика, который и есть Парнас, а может статься, и Голгофа... Свече нужен воздух. А в цирке душно.

В цирке душно: циркового зрителя нет — вымер. Есть зрители — нет ценителей. Есть зеваки — нет знатоков. Правда, в каждом цирке есть чудики. Однажды подсадка Мераб взмолился: «Бабуля какая-то на каждое представление таскается. Только мне выходить, начинает во всю мочь объяснять: «Вот поглянь-те, вот сейчас вон этот подымется, а клоун его за руку возьмет и потянет». Сил нет!

На последнем представлении, на «окончании», грохочет титаническая схватка двух сил — униформы и труппы: кто кого «обует»? Униформа навалила соли в ведро, из которого клоун глушит воду на манеже. Пал Палыч на последней новогодней елке объявил: «Вот сейчас, ребята, я возьму эту самую елочку и отнесу за кулисы — она там вырастет». Хвать за елочку, а ее униформа гвоздями к подставке пришпандорила: Паша повернул елку вместе с тяжеленной подставкой, обещающе улыбаясь предельно озабоченной повседневным трудом униформе.

Пройдут гастроли, высохнет тело, потеряют силу руки и... тогда?

Когда артист погибает, когда от износа кабеля короткое замыкание и на манеже вместо водной феерии — триста девяносто вольт, когда срывается он из-под купола — и вниз головой на кровавый манеж, когда в жестокой железяке, название которой вы забудете, только услышав, отлетает труба и летит он вместе с партнершей прямо на боковой проход, обрызгав собою бетонную стену,— гроб стоит на манеже, и эта проклятая железяка качается над гробом, на котором — багажная цирковая квитанция — он больше не поедет: вы не узнаете об этом никогда, не запомните этих имен, да и что вам за дело до безвестного летуна, что отважно парил над вами за свои сто семьдесят.

Эра знаний мстит презрением бывшим монополистам чудес, шпагоглотателям и силачам, акробатам и жонглерам, наказуя безвестностью: цирк стал летучим голландцем — безымянным и несчастным кораблем. Знают только клоунов, обиженных чудаков, будто посланных на берег за водой — побродить среди нас, поглядеть на жестокий мир глазами чужестранцев — и на шлюпку, назад.

В Германии сыро! Барабан грели утюгом.

Безъязыкость: Грачик учил в школе немецкий, но ничего, кроме: «Мой брат тракторист. Он работает в колхозе», произнести не в состоянии. В воскресенье жутко захотелось есть. Магазины отдыхают, забрели в какое-то заведение, вроде для интуристов — народ танцует и очень аппетитно наворачивает. Официант — меню. Паша покатал в горле слюну и ткнул пальцем во что-то за десять марок и показал официанту три пальца — на себя, еще три пальца — и на Грачика.

«Мясо»,— сипло предположил Грачик.

Официант приволок шесть блюдец самого дорогого мороженого.

На чужбине не спалось. Вышивали до утра — как в тюрьме.

Когда отработана последняя буффонада, земным голосом поет в магнитофоне Юрий Владимирович Никулин о прощании клоуна с цирком, они возвращаются в центр манежа. Паша застывает белой скорбью. Клоун отклеивает нос. Клоун стирает грим. Паша берет в свои руки нелепый шарф, глупый цилиндр, безмерную майку. Выбегает на манеж крохотная девочка и пробует рукой волосы клоуна — настоящие? нет? Дальше я не могу — больно.

Грачик, тягучий, нервно бьющий какой-то ритм туфлей в гримерной, понурый, сложивший хрупкие, с жилистыми огурчиками бицепсов ручки на животе, говорящий все кусками и думающий что-то тревожное, никак не находящий приют своим поразительным глазам цвета темной смолы, что выступает на коре вишневых деревьев, ходит уныло, будто у него болят зубы, будто он сам ходит внутри своего стонущего рта, высматривая — какой зуб болит-то?

Грачик — олень, тонкие ножки, чуткий, трепетный профиль, олень, которому перебили ногу, и он пока с нами. Он согреется, заживет нога — и уйдет олень, на прощание скакнув в воздухе смешно и больно до слез.

Что с ним может быть — я знаю. Что с ним будет в этом мире блестящих, как пули, весенних почек, пыльных листьев июля, несуеты осеннего прощания, заледеневших провинциальных дорог с дикой славой молодежных побоищ, мрачных переулков с лозунгом «Туалета — нет», моря и света — я не знаю. И мои слова, дыхание моей души — это не опора и не указующий перст: туда! Что вы, что могут черные буквы на серой бумаге в мире, где все напечатанное — или приговор, или наградной лист, где нет места осколку стекла в рыхлой земле, за которым — осколки лета на память.

Трамваи ходят по рельсам. И кому какое дело, что снятся им океаны.

Грачик не станет великим клоуном.

Не выпустят коробки спичек с его портретами, не снимут фильмы и ролики, не суждено ему расхваливать мыло и коляски в рекламе, мелькать в эстрадных шоу и торчать в президиумах, дети не будут играть в клоуна на улицах, и жена его Тамара не испортит себе сон женскими голосами в телефонной трубке; и тут ничего не попишешь — это новое время несется по улицам нашим, это шагают по лестницам его первые воины, это вздрагивает дверь от их кованых лап, это новое время.

Сорок лет назад клоун Грачик Кещян имел бы всенародную славу.

Теперь — никогда. Никогда уже имя человеческое не будет владеть умами и сердцами страны, вызывая подлинную любовь и энергию действия,— люди перестали верить в человека.

Мой клоун — подвижник. Старое время растоптало бы его в героя. Грядущее его растопчет в чудака.

Время героев затмило традиции народной жизни — уважение и любовь к подвижникам, к людям, у которых нет мировоззрения, кроме одного — дайте мне делать дело свое; которые ущербны своей оторванностью, но полны своей дорогой, к подвижникам, которые свободны от сиюминутных интересов и дел и тем самым не запятнаны подвигами официального мира и его неизбежными преступлениями, но именно они — ум, честь и совесть каждой эпохи.

Мы экономикой развратили души — теперь экономикой пытаемся их воспитать, мы делаем одно и то же: сначала эффективная экономика, потом светлая душа. Мы живем по-старому, что и значит в никуда.

Есть поколение вдоха, есть поколение выдоха. Есть поколение паузы — мы.

Клоуны нужны, когда пауза. Когда их нет — пауза мучительна.

Но клоуна не будет.

Герои закатились, ошельмованные и окровавленные. Подвижники разминулись с судьбой. Идут бесплотные тени героев — звезды. Они победят мсего клоуна. Подвижник — всегда в пределах жанра. Звезда — везде. Звездой может стать человек, вырастивший самый большой живот, но не тот, кто вырастил больше всех хлеба. Звезда не может быть «просто рабочим», «просто учителем», «просто клоуном», для звезды нужно что-то неизмеримо большее — массовый и постоянный тираж газет, телемелькания, постоянное напоминание о себе — измена жанру, измена своему делу.

Подвижник — исключительность отдачи. До самозабвения. Звезда не может позволить себе такую роскошь — самозабвение. Она имеет ценность только на небосклоне, ей, чтоб быть, надо пробиться, и начинает она именно с этого — с того, чем можно пробиться, а не с внутренней одухотворенной идеи... а мой Грач Кещян останется самим собой всегда: в богом забытых городах на краю света, величиной постоянной и неизвестной, не признанной временем за ненадобностью.

А смена идет. Ушли из сознания отважные первопроходцы в штормовках, отстояли навечно вахту мужественные сталевары, пролистаны и забыты девушки в красных косынках на пепельных фотографиях — им на смену шагают языческие конкурсы красоты, уже бушуют безмозглые толпы рок- и футбольных фанатиков, уже не важно, что ты за человек, важно, что первый, уже на экранах и сценах максимум правды достигается минимумом одежды, и есть твердая уверенность, что скоро мы увидим полную правду и даже в действии... Грядет время духовных фанатиков и жвачки, мы проиграли битву духа — мы будем развлекаться. Мы заблудились на своем пути — мы повторяем чужие зады.

Мы умнеем — приходит мудрость, пусть похожа она на усталость, пусть ее морщины — как трещины после землетрясения, но пусть придет это новое время, пусть оно придет — оно победило и поэтому справедливо.

Знаем, что посеяно, сосчитана влажность и температура, солнечные дни и дожди, но кто знает, что вырастет завтра, для кого станет добрым завтрашний день, кого пролистают, а кого найдут — в рыхлой земле стекло и цветы, и радость — не знаю.

Я знаю, что герой мой никогда не захочет успеха взамен чьей-то беды и скорее всего сам станет на обочину — он никогда не станет звездой.

Бывший напарник Грачика Кещяна Сережа Середа по студенчеству подрабатывал на съемках каскадером. Он даже прыгал через разводящийся мост в Ленинграде на съемках «Невероятных приключений итальянцев в России». Вот так вот.

Пал Палыч раздвигает руки весами, не отпуская артистов с манежа... «Ну, девочки» — и помчались мятущимся, тяжелым, затравленным бегом полосатые тигриные спины в манеж, в тысячеглазое, жаркое, грохочущее марево, в гремящий водоворот; иначе — кнут, а сзади, держась за больной бок, возник бледный Грачик — все? Все! Мы умываемся, собираемся, выключаем свет, сдаем ключи от гримерки и бредем на троллейбус — все.

Все уходят, а остается: шкурки от семечек, винные шлейфы, бумажные кружочки от мороженого — я не пойму, о чем я хотел вам сказать; когда ничего не можешь сказать наверняка, всегда трудно понять, что ты хотел, угасает свет и размывает стены туманом, туман сливается с гранитной набережной сметанной мглой заледенелой реки с лиловыми проталинами посреди — и нет нигде клочка земли... Мы заканчиваем, дорогие товарищи, мы заканчиваем... Сережа Середа прыгал через мост... он умер от рака — вот это можно сказать определенно, это не понарошку... вечное бытие — самая сладостная привилегия читающих, и, если мы действительно самая читающая держава, тогда понятно, почему мы так устаем от жизни, даже когда не делаем ничего, а он прыгал через мост — мосты сводятся, смыкаются незримые своды, пальцы ищут секреты в рыхлой земле, соединяются руки над бездной цирковой — точка касания...

Но только... в цирке не говорят «последний раз». Не надо так говорить. Скажите — еще раз, вот так — еще раз.

Он пошел забирать сына из сада.

Сын тронул его руку во дворе: «Папа, скажи: А!»

Так, подумал Грачик, какой-нибудь слесарь скверному четверостишию научил или что-то в этом роде — так и вляпаюсь прилюдно, все кругом знают: клоун.

«Пойдем, сынок, дома поговорим. Да ты знаешь, что мы тебе купили!»

А сын опять посреди улицы: «Пап, ну ты скажи, пожалуйста: А!».

«Да погоди ты, сынок, да ты знаешь, кто к нам приехал?!»

Уже у самого дома он отца за рукав изо всех сил: «Пап, ну скажи, скажи: А!»

Папа обреченно посмотрел на насторожившихся приподъездных бабушек, осторожно присел на корточки и чуть слышно в самое ухо: «А».

А сын во весь голос: «Б!».

Вы хотите

иметь надежную оргтехнику и импортные компьютеры, НО у вас нет валюты — обращайтесь в объединение «МММ».

В сжатые сроки (максимум 10 дней) за РУБЛИ, по ценам ниже рыночных вам поставят аппаратно-программные комплексы на базе ПЭВМ IBM PS, AT/XT

— без предоплаты (оплата по факту)

— любая периферия

Адрес: Москва, ул. Газгольдерная, 10. Факс: 171-13-81.
Заявки по телефонам в Москве: 171-03-97, 171-13-81, 173-44-15, 171-06-90.

ЧТО У НАС ПОЛУЧИТСЯ?

Начало на стр. 1.

сумма прав в управляемой системе — величина достаточно постоянная. Ее можно поделить по-разному, но именно поделить, а не представлять одни и те же полномочия структурам разных уровней, иначе возникает так называемая коллизия прав, частным случаем которой является нынешняя война законов, парализующая управление. Сама жизнь, мало считаясь с амбициями важных персон, находит адекватное решение проблемы; в союзных республиках началось формирование вполне дееспособной власти. Мы наблюдаем не вакуум власти, а всего лишь перемещение ее из Центра в республики, причем в согласии с наукой управления: сколько прибавилось полномочий на местах, столько убавилось их у Центра. Иначе говоря, мы присутствуем при становлении самостоятельных государств, и чем дальше зашел этот процесс в той или иной республике, тем относительно стабильнее там обстановка, тем тверже народная поддержка своих управляющих. Любая республика, успевшая создать крепкую власть, созрела для самостоятельности.

Таким образом, перемещение полномочий в союзные республики — в общем и целом явление не деструктивное, а конструктивное, стабилизирующее и в этом смысле весьма отрадное. Могут возразить: где же стабильность, когда одновременно с объявлением суверенитета в республиках начинают ущемлять права своих нацменьшинств? Вспомним, однако, что в бывшей советской империи были обездолены все народы, большие и малые. Союз даже в годы своего могущества не обеспечивал защиту меньшинств, тем менее способен сделать это в период распада. События вокруг Нагорного Карабаха, да и в других горячих точках тому подтверждение. Надо быть большим лицемером, чтобы утверждать, будто белорусы только и мечтают, как бы ввязаться в конфликт между Арменией и Азербайджаном, а узбеки спят и видят себя защитниками русскоязычного населения в Прибалтике или осетин в Грузии.

Пока что наблюдается обратное: республики одна за другой принимают законы, запрещающие участие солдат-земляков в чужих распрях. Такие коллизии мыслимо разрешить только договоренностью между заинтересованными республиками. Но для этого им опять-таки необходима сильная власть. К примеру, что нужно нам, россиянам, от независимой Литвы? В первую очередь — не трогайте русских и вообще выходцев из России. Правительство Литвы владеет ситуацией, оно популярно, так что России есть с кем договариваться — подпишут и выполнят. Вот вам и стабильность. Уж если Ландсбергис не партнер на переговорах, то я не знаю, каких нам партнеров надо.

Между тем Центр старается всячески ослабить власть в республиках, сыскать там послушных исполнителей, не прочь даже активизировать движение нацменьшинств, в особенности русскоязычных, чтобы выступить потом третейским судьей. Такой политикой он успел снискать неприязнь большинства населения. Многие в Центре все еще воображают, будто стоит покрепче надавить на «сепаратистов», так те перестанут вольничать и подымут лапки. Но нажим только накаляет обстановку в стране. Как видим, истинно деструктивной силой являются не самостийники (они-то, выражая волю своих народов, все надежнее овладевают положением), а Центр в его теперешнем виде. Препятствуя неодолимому движению республик к самостоятельности, он тем самым тормозит уже обозначившийся процесс консолидации равноправных суверенных государств, то есть снова и снова играет дестабилизирующую роль.

Центр намерен от щедрот своих делегировать на места некоторые второстепенные функции управления при безусловном сохранении единого государства. Почитайте непредубежденно проект Союзного договора; в нем живого места нет — каждому народу обещано по теплой и светлой камере. Да кто же такую бумагу подпишет? А если среди руководителей республик такой и произрастет, боюсь, домой из Москвы он прибудет уже в качестве частного лица. В Центре нужно бы усвоить уроки де Голля — истинный патриот, он избавил Францию от безнадежного противоборства с народом Алжира. У нас же провал новых чрезвычайных мер легко просчитать. Следом в очередной раз объяснят неудачу происками коричневых деструктивных элементов, хотя нам-то нужны не наилучшие объяснения, но стабилизация и выход из кризиса.

Идея единого государства бесплодна. Приверженцы ее остановить сползание к хаосу уже не в силах, но вполне еще способны блокировать прогрессивные стабилизационные процессы. В самом деле, новые полномочия союзных республик, как бы к ним ни относиться,— живая реальность, единственная власть, которая крепнет в обстановке общего распада. Однако пока что республики вынуждены употреблять это главное и, пожалуй, даже единственное завоевание перестройки не на изменение своих экономик по рыночным канонам, а на цели, отнюдь не созидательные: во-первых, на противостояние Центру, во-вторых, на то, чтобы при дележке ресурсов зачерпнуть из союзного котла побольше и погуще в свою миску. Да то беда, что делить-то стало нечего, черпаки с отвратительным звуком скребут по донышку котла.

За два последних года национальный доход упал примерно на 10 процентов. По прогнозу всемирно известного экономиста Г. Ханина, в наступившем году доход и промышленное производство снизятся еще процентов на пятнадцать. В целом за три года просматривается падение почти такое же, какое было в США в период великой депрессии 1929—1932 годов. Исповедуя веру в единое государство, мы можем лишь наблюдать это ужасное развитие событий.

И напротив, отрешившись от иллюзий, осознав распад Союза, можно будет направить энергию, высвобожденную перестройкой, на благие цели. Тогда каждая республика станет проводить рыночные реформы самостоятельно, и те, кто продвинется дальше, первыми начнут создавать новый экономический, а значит, и политический союз, ибо рынок — единственный надежный объединитель народов и государств.

При таком варианте выстраивается цепочка, скажу сразу, весьма необычных практических действий. Попробуем вычленить ключевые решения, которые предстоит провести в жизнь.

...А ДЕНЕЖКИ ВРОЗЬ

Общепризнано, что без стабилизации финансов выход из кризиса невозможен. В рыночной экономике деньги играют неизмеримо бо́льшую роль, нежели в плановой. И если бы мыслимо было реформировать хозяйство сразу в масштабах Союза, то следовало бы укреплять рубль как единственное законное средство платежа на всей территории СССР.

Только что предпринята очередная попытка оздоровить денежное обращение. Чтобы понять ее смысл, нам надо вникнуть в одну экономическую закономерность. Совершенно очевидно, что количество товаров и платных услуг находится в прямой связи с массой денег у покупателей. Какова эта связь? С товарами все ясно: если мы помножим их количество на цену каждого товара и суммируем результат, то получим стоимостное выражение того, что торговля может предложить нам, скажем, за год. На первый взгляд и денег надо столько же, чтобы товар раскупили. Но дело в том, что рубли ведут себя по-разному. Допустим, человек живет от зарплаты до зарплаты и не накапливает сбережений. Получил он за полмесяца сто рублей, потратил их, магазины и прочие получатели сдали его сотню в банк, откуда через полмесяца ему выдадут ту же сотню. В таком случае деньги совершат 24 оборота в год. Иначе говоря, банку достаточно иметь одну сотенную бумажку, чтобы обслужить нашего покупателя. Но если вы храните денежки в чулке, они и одного оборота не сделают. В среднем деньги совершают за год что-то около пяти оборотов, а их наличная масса к нынешнему январю составляла 136 миллиардов рублей. Классический закон равновесия гласит: масса денег, умноженная на их оборот, должна быть равна массе товаров, умноженных на их цену.

До начала 1988 года такое равновесие в общем-то соблюдалось. Затем правительство приняло экономически неграмотные, поистине роковые решения: предприятия получили возможность увеличивать зарплату, не наращивая производства продукции. Мы печатно предупреждали о последствиях, однако услышаны не были. Стремительно возрастали и другие выплаты — пенсии, стипендии, пособия. Помянутое равновесие было нарушено, денежная компонента равенства все более превосходила товарную. В рыночной экономике в таких случаях растут цены и баланс восстанавливается. Предыдущее наше правительство, будучи непопулярным, на эту «шоковую терапию» не отважилось и выдвинуло иной план: давайте рывком, в течение одного года увеличим производство товаров. Как и следовало ожидать, в условиях распада хозяйства замысел этот с треском провалился.

Новый премьер подошел к задачке с другого конца: раз с добавкой товаров ничего путного не выходит, а цены отпускать на свободу страшно, тогда

Фото Юрия ФЕКЛИСТОВА и Марка ШТЕЙНБОКА.

надо уменьшить денежную часть в формуле равновесия. Ради этого у населения попросту конфисковали изрядную долю сбережений, объявив полусотенные и сотенные бумажки недействительными. Всего таких купюр находилось в обращении на 46 миллиардов, или свыше трети общей денежной массы. По моей оценке, не более половины этой колоссальной суммы населению удалось обменять. Не стану утомлять читателя выкладками, сошлюсь лишь на собственный журналистский эксперимент. У нас в доме оказалась одна полусотенная. Жена, дочь и я предприняли четыре попытки обменять ее — не вышло: то на работе у дочки уже обменную ведомость закрыли досрочно, то почтовое отделение прекратило работу на два часа раньше, то еще что. Правительство среди прочего, безусловно, рассчитывало, что в обстановке всеобщей безалаберности за три дня не успеют обменять свои купюры даже те, кто имел на это бесспорное право. Но конфискацией денег дело не ограничилось. Второй мерой, а именно замораживанием вкладов в сбербанках, Президент замедлил оборот дензнаков. Таким образом, произведение денежной массы на число оборотов резко уменьшилось и насколько-то приблизилось к товарной части формулы равновесия.

Впрочем, длительного эффекта этот грабеж не принесет, ибо продолжается беспорядочная эмиссия бумажных денег. Темпы ее потрясают воображение. В первой половине 1980-х в обращение добавляли по 3—4 миллиарда рублей ежегодно, в 1988 году — 11,5, в 1989-м, когда В. Павлов стал министром финансов,— 18, в 1990-м — не менее 25 миллиардов рублей, а ныне, по подсчетам специалистов, эмиссия могла достигнуть 50 миллиардов. Правда, благодаря только что проведенной конфискации такая добавка новых дензнаков увеличит общую денежную массу не на 50 миллиардов, а меньше, причем, уверен, это не последний маневр в этом роде. Действуют постоянные факторы обесценения рубля. По слову сатирика, за рубль сегодня ничего не дают, а завтра будут давать в морду. Единый рубль не способен более обслуживать хозяйство страны, реформы смещаются в республики, которым настоятельно необходимы свои деньги, собственная валюта.

При отчаянном развале денежного обращения республики стремятся к эскалации расходов у себя, чтобы сколько-то возместить обесценение рубля увеличением массы денег, ответственность за которую несет Союз в целом, то есть при бессилии Центра не несет никто. Мы прямиком шагнули из командно-административной системы в эпоху безответственного популизма. Это каждый мог наблюдать, когда союзные парламентарии обсуждали социальные расходы. Законодатели словно соревновались друг с дружкой, кто из них добрее к пенсионерам, многодетным, инвалидам, низкооплачиваемым, но столь же единодушно голосовали против высоких налогов на прибыль и личные доходы граждан.

В итоге в нынешнем году населению обещана из общественных фондов потребления фантастическая сумма — 275 миллиардов рублей, что на треть больше, чем выплачено в 1990-м. Стремительно растет и номинальная зарплата — главный источник доходов населения. Где же взять столько деньжищ? А о том пусть болит голова у союзного правительства — вынь да положь. Оно и кладет. Когда производство падает, нет иного способа финансировать безумные расходы, кроме печатного станка.

Горемыка-цыган, глянув на чумазых отпрысков, советовался с женой: «Этих будем отмывать или новых робить?» Столь же содержательна постоянная наша дискуссия: стабилизировать эти рубли или провести, а теперь уже продолжить денежную реформу? Но что изменит реформа? По довольно оптимистическому прогнозу, бюджетные доходы на всех уровнях составят ныне 350, максимум 400 миллиардов рублей, а расходов запроектировано аж на 250 миллиардов больше. Посредством методических ухищрений союзный Минфин низвел дефицит до приличного уровня, но только на бумаге. А бумажные мероприятия породят бумажные же дензнаки без реального обеспечения — все равно, будут ли печатать привычные рубли или деньги нового союзного образца. При этом Центр весьма остроумно свел до минимума дефицит союзного бюджета, сбросив основную часть 250-миллиардной недостачи в республиканские и местные бюджеты. Дальнейшее очевидно: регионы будут предъявлять типографиям Гознака заявки на цветные бумажки всякий раз, как подойдет время выдавать зарплату, пенсии, пособия.

На первый взгляд для укрощения беспорядочной эмиссии достаточно перенести главные расходы из союзного бюджета в республиканские. Тогда пожелает, скажем, Эстония поднять у себя пенсии — на доброе здоровье, только пусть ищет у себя же, в своей экономике, и покрытие дополнительных расходов. (В скобках замечу, что это и в социальном смысле справедливо. Ведь в Эстонии пенсионеров относительно больше, чем в многодетной Средней Азии. С какой, спрашивается, стати обнищавшее население южных республик обязано к своей невыгоде наполнять общесоюзный пенсионный фонд?) Но продолжим наш пример. Прибавка пенсий в Эстонии, розданная в теперешних рублях, будет сведена на нет бесконтрольным притоком в республику точно таких же рублей из других регионов. Пока существует единый рубль, никакая сила не пресечет гонки регионов за эмиссионными квотами, взвинчивания расходов.

Республикам пока мало интереса оздоровлять собственную экономику, насыщать торговлю — навалятся клиенты с «чужими» рублями, вмиг все растащат. Приходится запирать на замок границы, выставлять милицейские посты, шмонать чемоданы чужаков. Или вводить карточки, визитки, талоны. Или, наконец, поднимать у себя цены, чтобы товар стал менее привлекательным для приезжих (а своим потребителям увеличивать раздачи рублей союзного образца). Все эти пути тупиковые, антирыночные. Та же Эстония специализирована на откорме скота. В соседнем Ленинграде мяса не производят вовсе. Между тем товарные потоки мяса прокладывают себе дорогу из питерских магазинов, где этот продукт стоит два рубля за кило, в Прибалтику — там он в пять раз дороже. Вывихнутая, знаете ли, экономика.

А будь у республик собственные деньги? Захочет житель Таллинна приобретать мясо в Питере — обменяй сперва свои кроны на российские рубли. А уж каков будет курс обмена, покажет состояние хозяйства соседних республик. Тогда есть смысл реформировать и укреплять национальные экономики — ваши успехи при вас и останутся, не сгинут в бездонный общий котел.

На это обычно возражают: уж коль дойдет до собственных денег, страна распадется на автаркические княжества, рухнут связи между регионами. В точности наоборот! Как раз тогда-то естественным образом станут налаживаться хозяйственные связи, как оно и происходит во всем мире. Доля продукции, вывозимой в другие республики, колеблется от 10 процентов в РСФСР до примерно 30 процентов в Армении. Видите, толкуют нам, как мы все повязаны, поодиночке нам не прожить. Да почему непременно поодиночке? Я сделал простую вещь, вычленил долю вывоза из стран Общего рынка в страны-партнеры. И что же? Там степень кооперации много выше. Значит, государственная самостоятельность, национальные валюты не препятствуют хозяйственным связям.

С другой стороны, наша единая деньга так и не упредила распад страны на анклавы со своими таможенными границами, суверенитетами градов и весей. Даже с собственными эрзац-деньгами. Ибо что такое проектируемые в Москве (по примеру Украины) купоны на покупку определенного количества товаров? Признаков денег в них больше, чем в рублях, последние годны лишь в придачу к купонам. Общий рубль уже не спаяет республики в унитарное государство, а вот новый российский рубль способен объединить, обслужить хозяйство России (соответственно карбованец — Украину, крона — Эстонию и т. д.).

Технически ввести национальные валюты несложно — на моей памяти деньги дважды меняли, да и опять начата бессмысленная денежная реформа. Вместо нее предлагаю вариант для России. Безналичные деньги (на них падает девять десятых денежного оборота) автоматически становятся новыми рублями. Вклады в сбербанках засчитываются один к одному. Обмен любого количества наличных — по предъявлении российской прописки. Другие республики, если пожелают, могут сохранить у себя теперешние деньги — они обеспечены их достоянием.

Когда вышла программа «500 дней», народные депутаты России вручили мне на отзыв еще тепленький экземпляр. Сразу стало ясно, что через Союз провести реформы уже не удастся. Впрочем, программу довольно легко приспособить для реализации в республиках. Объемистую записку на сей счет я передал в комиссии Верховного Совета, а также видным российским парламентариям. Среди прочих предложений в ней содержалась и идея республиканских денег. В знаменитом выступлении 16 октября Б. Ельцин поддержал эту мысль, излагая наиболее радикальный вариант действий республики.

Все бы хорошо, да сроки поджимают. Видно, у Ельцина осталось не больше года, чтобы дать реформам полный ход, иначе его постигнет участь перестройщиков из союзного Центра, которые ничем уже не управляют. Да Борис Николаевич и сам это понимает. В недавнем интервью он с тревогой сказал: «И если все останется в сегодняшнем состоянии, то волна недовольства всех захлестнет — и Горбачева, и Ельцина. Это может начаться к весне! Тогда придется действовать более решительно». Не поздно ли будет? Реформы откладываются ровно на тот срок, пока Россия не оградит себя от хозяйственного хаоса собственной валютой.

Следующий ключевой момент реформ — налаживание хозяйственных связей.

Но это уже другая тема. О ней — в следующей статье.

■

Трудно мне, старшему мастеру цеха, полемизировать с социологом В. Кириенко (см. «Правду» за 21 декабря). Выступая против частной собственности на землю, он опровергает расчеты «АиФ», сообщившей, что на ее анкету по этому вопросу откликнулось более 300 тысяч человек, из которых 96 процентов высказалось за передачу земли в частную собственность.

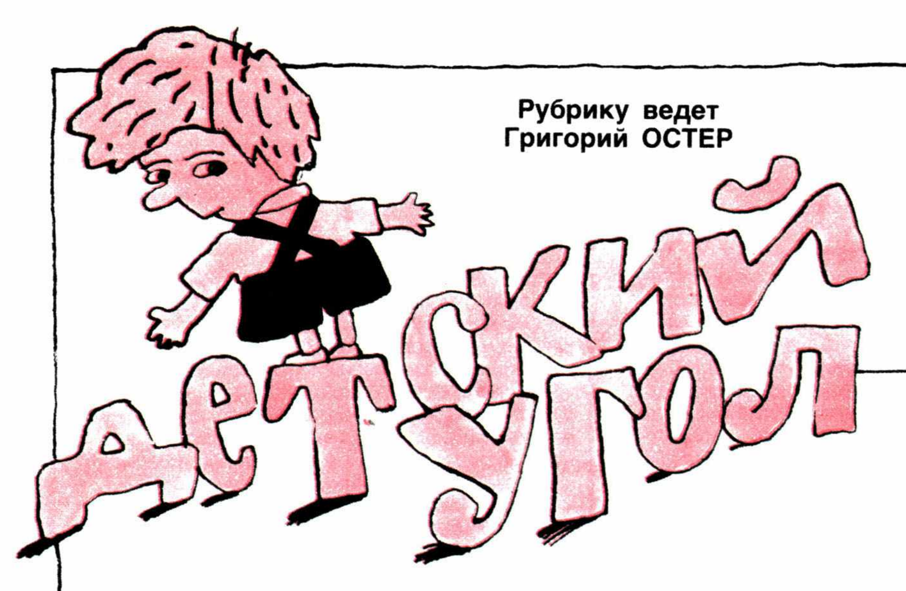
Не буду вдаваться в его математические действия, но замечу, что странная, однако, логика у социолога. Он заявляет, что «отвечали газете в основном читатели — сторонники частной собственности». Но ведь противникам тоже было дано слово. Я тоже сторонник, но отделался на этот раз молчанием. Склонен считать, что вот такой политически активной части населения у нас сейчас менее половины. Еще меньше людей, способных доказать на деле преимущества свободного труда на своей ферме в 20—30 гектаров. Очень легко прослеживается неуверенность стародубцевской системы перед свободным трудом, потому и хочется союзному правительству народным референдумом похоронить то, что рождается в таких муках. При фактической монополии КПСС на власть (особенно на селе) референдум можно организовать «в пользу народа», то есть партаппарата, это мы уже проходили. Но все равно не остановить те благодатные всходы, что давнымдавно прорастали в глубинном народном сознании.

Я сын колхозника сталинского времени, мне 48 лет. С детства видел беспросветный батрачеcкий труд отца и матери, а потому моей мечтой, как и мечтой, думаю, всего моего поколения, было уехать в город. Село же мое родное люмпенизировало, то есть погружалось в пьянство, нелюбовь к крестьянскому труду. Мой отец всю свою жизнь (он умер в 81 год) без отпусков и без выходных до последнего своего часа трудился в этой системе агрогулага, считая себя между тем свободным и богатым (!) человеком. За всю жизнь он сумел построить простой крестьянский дом, скопить несколько тысяч, подрабатывая печником, вырастить сад и четверых детей, ни один из которых не унаследовал «родового поместья». Его мебель сделана своими руками, он не пил зря, не баловал детей-студентов. Повторяю, он считал себя богатым и счастливым, потому что были рядом и такие, кого хоронили в складчину всей деревней.

А если бы он имел поле в 20 гектаров, а вместе с матерью — в 40, собирал бы по 200 центнеров картофеля с гектара, реализовывал бы его по 10 копеек и выручал бы 80 тысяч рублей... Из таких доходов и налоги можно уплатить, и купить семена, технику, оставить для семьи. И если бы так лет 30! Интересно, что бы отец оставил своим сыновьям в наследство и поменяли бы они его на городской уют?

Вот они, преимущества свободного труда на собственной ферме, которые бы дала крестьянину передача земли в частную собственность, против чего возражает социолог В. Кириенко.

М. АКИМОЧКИН,
старший мастер цеха № 7
МПО «Орбита»,
бывший член КПСС
Саранск



Рубрику ведет
Григорий ОСТЕР

Талантливому писателю Денису Маслакову всего восемь лет. Он детский писатель в обоих смыслах. И сам еще ребенок, и то, что он пишет, интересно детям. Этим Денис сильно отличается от других юных дарований, творчество которых радует в основном взрослых читателей. Но мы публикуем стихи и прозу Дениса еще и потому, что он в некотором смысле, как Лев Толстой, пусть не зеркало — зеркальце нашей «революции». Жутковато, наверное, сегодня быть ребенком и наблюдать, как на твоих глазах, словно в страшной сказке, распадается «взрослый мир», из которого одно за другим исчезают вещи, продукты, понятия, казавшиеся незыблемыми. И все же Денис оптимист. Как и все дети. Им иначе нельзя.

Денис МАСЛАКОВ

СОБАКА

Собака лежала,
Собака рожала,
Пищали щенки,
И она их лизала.
Бежали минуты быстрей и быстрей,
Мы ночью считали собачьих детей.
Недавно собака лежала одна —
И вот уже кормит детишек она.
6 лет.

КОЛЕСО ОБОЗРЕНИЯ

Подо мной этот мир — весь!
Я смотрю с колеса вниз.
Мне по вкусу моя жизнь!
Очень здорово, что я — есть!
8 лет.

ПАПА

Папа — большой, как жираф, —
Рукой залезает на шкаф
И чинит без стула лампу.
Мы с мамой глядим на папу.
А папа — большой, как жираф, —
Не носит перчатки и шарф.
Он любит собак и кошек.
Жираф наш очень хороший.
7 лет.

* * *

Хорошо бы стать собакой,
Чтобы всем вилять хвостом,
Поболтать со зверью всякой
И об этом, и о том.
Подружиться очень просто,
Если сразу все понять.
Очень жаль, что я бесхвостый, —
Даже нечем повилять.
8 лет.

ГРУСТНЫЙ РАССКАЗ

Один мальчик сидел в тюрьме. И лежал тоже в тюрьме. И стоял, и гулял, и ел в тюрьме.

Нет, он ничего не сделал плохого. Это его маму за что-то посадили в тюрьму. Он даже не знал за что, потому что был маленький.

Мальчик даже родился уже в тюрьме. И жил в тюрьме с мамой, потому что маленькие дети ни одного дня без мамы прожить не могут. Мама мальчика все время ждала, когда же ее выпустят. А мальчик не ждал. Он думал — все правильно, и все так живут.

Он даже не знал, что Вселенная бесконечна.

ПРО ЕДУ

Крыса, крыса — рис жует,
По-крысячьему живет.
А собака крыс жует —
По-собачьему живет.
Только людям думать нужно,
Где достать еды на ужин.

СУМЕРКИ

На машинном завороте
Показалась кошка вроде.
Или, может быть, собака —
Я ее не разглядел.
Возле уличного знака
Ей водитель погудел.
И смотрю я из окна,
Как она идет одна.

ИГРА

Мы в солдатики играли —
Президентов выбирали.
Только каждый президент
Оживал в один момент.
И сейчас же улетал,
Чтоб его я не поймал.
Над морями, над лесами
Президенты кружат сами,
С высоты на нас глядят
И едят-едят-едят!
Залетели на обед —
Съели целый таз котлет,
Съели кашу и омлет,
Даже хлеба в доме нет.
И чуть-чуть меня не съели!
Что за звери, в самом деле?

Если мы бы это знали,
Разве мы бы в них играли?!

А они летят на съезд.
Может, там их Ельцин съест.

МАТЕМАТИЧЕСКИЙ ДИКТАНТ

Не люблю считать в уме,
Нужен ум мне для другого:
Чтоб искать по жизни слово,
Подходящее вполне.
Чтобы помнить о весне,
Если дождь стучит по крыше.
Чтобы всех друзей услышать,
Не пугаться в страшном сне.
Чтобы думать, для чего
Мы живем на белом свете...

А в уме примеры эти
Только мусорят его.

МИТИНГ

Один мальчик пришел на митинг. Там все кричали прямо на улице, кому чего не нравится. И мальчик тоже взял микрофон. Он тоже стал кричать, чего бы ему хотелось: «Чтобы в мореходку принимали с семи лет! Чтобы продавались тетради!» И товарищи кандидаты в депутаты пообещали принимать в мореходку с первого класса и что будут тетради.

А все остальные тоже кричали, чего они хотят. И им тоже всего пообещали. Но они не поверили и подрались. А потом не пошли выбирать депутатов.

А мальчик поверил и пошел, но голосуют только взрослые. Он поел пирожных в буфете и пошел домой. И никого не выбрали.

Рисовал Валерий ДМИТРЮК

СОВСЕМ НЕУДИВИТЕЛЬНАЯ ИСТОРИЯ

Жила-была на Арбате Очередь За Яйцами. Она была такая разноцветная, толстая и длинная — на пол-Арбата. Но это совсем неудивительно. Яиц-то не было с лета — вот она и выросла. На Арбате жили, конечно, и другие Очереди — За Маслом, За Сыром, За Хлебом... Но все они были гораздо меньше и моложе. Раньше самой здоровой была здесь Очередь За Мясом. Но она была уже очень старая и еще осенью подохла от голода. И это тоже совсем неудивительно.

На Арбате почти все время шел дождь, а иногда даже снег. Но Очередь За Яйцами совсем не удивлялась — ведь Арбат не в Африке. Вот если бы зимой здесь вдруг стало жарко и сухо и выросли бы на фонарях бананы — все очереди очень бы удивились. А так они просто мокли и мерзли.

Очередь За Яйцами была такой здоровенной, что иностранцы с радостью фотографировали ее и даже снимали на видео. Но Очередь совсем не радовалась, а наоборот, ужасно злилась. И это тоже совсем неудивительно. Очереди вообще довольно злобные животные. Часто они даже нападают на людей.

Вот скоро начнется сезон охоты на очереди. И это тоже совсем неудивительно — уж очень много их развелось в последнее время. Говорят, очереди водятся не во всем мире. Но точно я этого не знаю, потому что я не был в других странах.

ДОРОГА

Я в холодное утро войду,
Я дорогу открою, как дверь.
Мне на радость, а не на беду
Повстречаются птица и зверь.

Познакомлюсь с людьми на вокзале
Я для сердца, а не для ума.
В ледяном или огненном зале
Приключений найдется тьма.

Мне доверится тайна даже.
Мне откроется город мой.
Я дорогу рукой поглажу,
А потом поверну домой.

СОБАКИ

Наш дом освещают собаки —
Мохнатые души добра.
Наш дом согревают собаки —
Тихонько сопят до утра.
Веселые лапы,
Лохматые лампы.
Собака пришла и легла —
И ночь расползлась по углам.

НИКТО

Если небо хмурится,
Все вокруг не то.
Целый день по улице
Бегает НИКТО.

Грустно смотрит в окна он
И стучится в дверь.
Говорит он: «Холодно!
Я не злой, поверь!»

Открываю двери —
Нету никого.
Может, слабо верю
Я пока в него?

Заходи в прихожую
И снимай пальто.
Видишь, как похожи мы,
Я и сам НИКТО.

* * *

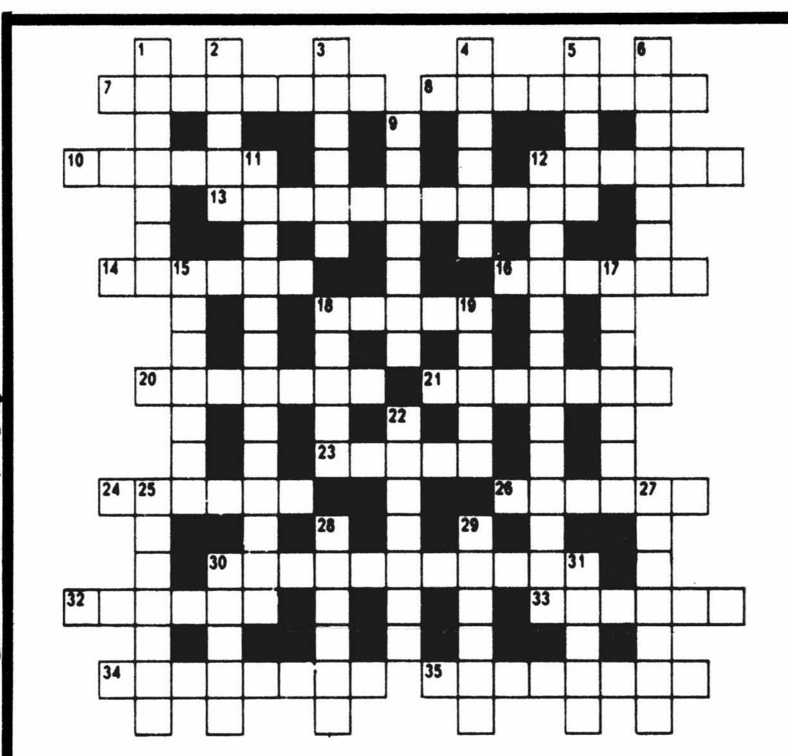
Я по правде, как по небу, полечу.
Слово нужное за хвостик ухвачу.
И тогда оно со мной
Полетит ко мне домой
И уляжется в тетрадь само собой.

СЛОВАРНЫЕ СЛОВА

Я школьный учу словарь:
«Медведь, молоко, январь,
Лисица, Советский Союз,
Дежурный, пенал и арбуз,
Корова, рабочий, мороз»,
Ужасное слово «колхоз»,
Огромное слово «вокруг»...
Но что ж это нет слова «друг»?

Словарь я пишу без радости —
Ему не хватает главности.

Я взял бы другие слова:
Оставил бы слово «Москва»,
Учил бы серьезно и строго
Хорошее слово «дорога»;
«Собака, конфеты, Земля
И Солнце» бы выучил я.
И взял бы еще я красивое
Странное слово —
«Россия».



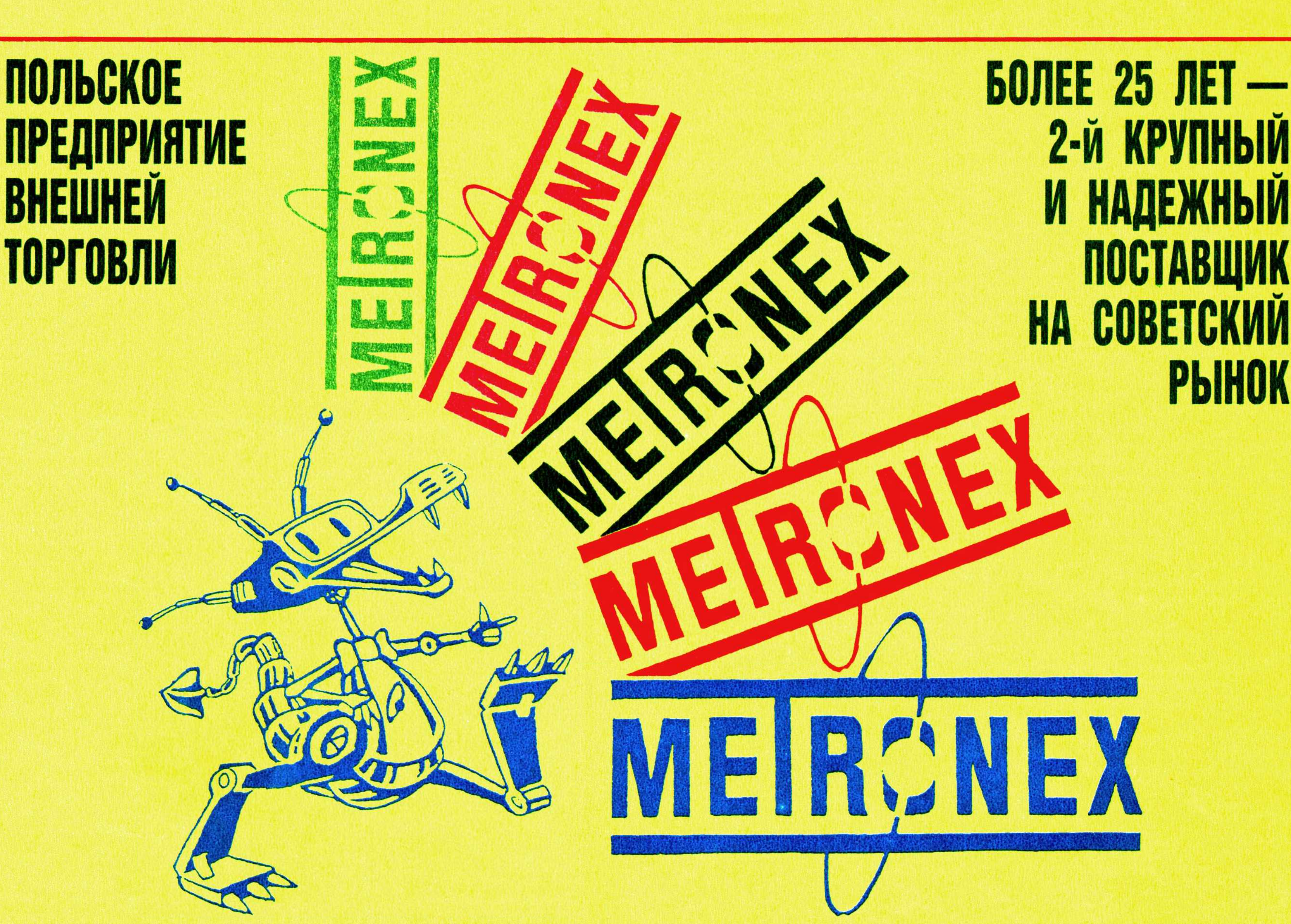
ПО ГОРИЗОНТАЛИ: 7. Совладелец предприятия. 8. Перемещение в определенном направлении. 10. Разновидность химического элемента. 12. Украинский певец, баритон, народный артист СССР. 13. Происшествие, неожиданный случай в жизни, в похождениях. 14. Роман Э. Золя. 16. Музыкант, исполнитель на духовом инструменте. 18. Плотная ткань с ясно выраженным рисунком переплетения. 20. Жвачное животное, обитающее в горной тайге Азии. 21. Советский остров в Финском заливе. 23. Незапятнанная репутация, доброе имя. 24. Корабельные веревки для крепления рангоута, управления парусами. 26. Испанский порт на Средиземном море. 30. Композитор, народный артист СССР, организатор Ансамбля песни и пляски Советской Армии. 32. Основная часть слова. 33. Жанр камерной вокальной музыки. 34. Тесная связь, сплоченность. 35. Условия и обстоятельства, создающие определенную обстановку.

ПО ВЕРТИКАЛИ: 1. Холодное кушанье из кваса. 2. Минерал, спутник алмаза. 3. Международная сеть абонентского телеграфирования. 4. Химический элемент, металл. 5. Немецкий поэт и публицист XIX века. 6. Опрятность, аккуратность. 9. Персонаж произведения Н. В. Гоголя «Мертвые души». 11. Педагог, учитель. 12. Насос для подъема и перемещения по трубопроводу жидкостей. 15. Сорт яблок. 17. Отверстие в оборонительном сооружении для стрельбы. 18. Гусеничная машина для буксирования прицепов, орудий. 19. Роман А. Барбюса. 22. Сценическая площадка для концертных выступлений. 25. Форма поощрения, свидетельство признания особых заслуг. 27. Спутник Юпитера. 28. Город в Рязанской области. 29. Архитектурное сооружение, дом. 30. Предварительное объявление о спектакле. 31. Отделка женского платья, вид оборки.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 5

ПО ГОРИЗОНТАЛИ: 5. «Супруга». 7. Ткачиха. 8. Тесла. 9. «Восток». 10. Ингода. 12. Авторулевой. 13. Вятка. 16. Почва. 18. Домра. 19. Брошь. 20. Зебра. 21. Конус. 23. Океан. 25. Саксе. 27. Организация. 30. Каркас. 31. Балкон. 32. Ванин. 33. Аксиома. 34. Гиревик.

ПО ВЕРТИКАЛИ: 1. Субсидия. 2. Чуйков. 3. Шапито. 4. Охлопков. 6. Атомоход. 7. Таблетка. 11. Кульминация. 14. Турне. 15. Аршан. 16. Пресс. 17. Чирок. 21. Кабанова. 22. Семаранг. 24. Контракт. 26. Селекция. 28. Росток. 29. Имбирь.



- *ПРОФЕССИОНАЛЬНЫЕ ПЕРСОНАЛЬНЫЕ КОМПЬЮТЕРЫ — АНАЛОГИ IBM PS, XT, AT, SUPER-AT (386) И ПЕРИФЕРИЙНЫЕ УСТРОЙСТВА К НИМ*
- *КОНТРОЛЬНО-ИЗМЕРИТЕЛЬНАЯ АППАРАТУРА*
- *СРЕДСТВА АВТОМАТИЗАЦИИ*
- *ОБОРУДОВАНИЕ ДЛЯ ЯДЕРНОЙ ТЕХНИКИ И ЭНЕРГЕТИКИ*
- *РАДИОИЗМЕРИТЕЛЬНАЯ АППАРАТУРА*
- *ТОВАРЫ ШИРПОТРЕБА*

МЫ ОТКРЫТЫ ДЛЯ ВСЕХ ВАШИХ ПРЕДЛОЖЕНИЙ!

В случае, если вас заинтересовали наши предложения, просим связаться с представительствами нашей фирмы в СССР:

119590, г. Москва, ул. Мосфильмовская, 54, тел. 147-64-88, 147-63-00, телетайп 414374.

191123, г. Ленинград, пр. Чернышевского, 17, тел. 273-89-19, 273-00-78, телетайп 121476.

252030, г. Киев, ул. Ленина, 50, тел. 224-99-74, 224-99-89, телетайп 131288.

630090, г. Новосибирск, ул. Карла Маркса, 20, НЭТИ, тел. 46-31-14.

290008, г. Львов, ул. Килинского, 3, кв. 4, тел. 72-94-83.

«МЕТРОНЭКС»

1 руб. Индекс 70663